

Любить и беречь

книга третья

Трилогия «Во имя любви»

Алекс Радкевич

Тайна наших героев раскрыта. Что ждет Глеба Васильевича впереди? Как отреагируют коллеги и друзья? Кто останется с ним, а кто отвернется? Сможет ли он сохранить отношения с самым главным человеком в своей жизни, с Никитой? И какие еще испытания приготовила влюбленным судьба?

===== Глава 1. Вопросы без ответов =====

- Никит...

Тихий шепот выдернул из сна моментально, будто над ухом, как минимум, прокричали его имя.

- Что, родной? Пить? В туалет?

- Нет. Придвинься ближе, пожалуйста.

Никита окончательно проснулся и обнаружил, что лежит на другом конце широкой кровати, слишком далеко от Глеба. Странно, засыпали вроде бы, прижавшись друг к другу.

- Так удобно?

- Да, так хорошо... Прости...

Острый подбородок лег парню на плечо, руки крепко обхватили его грудь, по-хозяйски прижимая к себе. Никита лежал, стараясь не шевелиться, надеясь, что Глеб, обретя желаемое, быстро заснет. У самого Ника сна уже не было ни в одном глазу. Интересно, долго он вот так лежал, не решаясь его разбудить? «Прости». Когда это Глеб извинялся перед кем-либо, тем более перед близкими, за доставленное неудобство? Куда делся самовлюбленный и самоуверенный Немов, которого он знал и любил? И по которому теперь дико скучал.

Первая ночь в доме отца. Первые сутки без нейролептиков. Гутенберг заменил их какими-то успокаивающими таблетками. Но разницу между рецептурными седативными препаратами и банальным набором «валерьянка-пустырник» Никита понимал слишком хорошо. Он не отходил от Глеба ни на шаг, старался не оставлять без присмотра ни на секунду. И чем более осмысленным становился взгляд Глеба, тем страшнее было Нику. Он ожидал истерик и метания посуды, оскорблений и сживания со свету всех окружающих. А вместо этого натыкался на растерянные, словно извиняющиеся глаза, которые, стоило перестать его тормозить и втягивать в разговор, начинали подозрительно блеснуть. Или подергивались дымкой отрешенности, что было гораздо хуже.

А еще это кресло. Чертово кресло, в которое он не хотел садиться. Батя нашел для него

самое лучшее, какое может быть – с электроприводом, устойчивое, мягкое. Даже внешне скорее похожее на офисное, нежели привычную инвалидную коляску. Но Глеб не собирался им пользоваться больше, чем необходимо. Едва они доехали до дома, он перебрался в кровать и, натянув одеяло чуть не до носа, сделал вид, что никакого кресла у него нет. То же самое было в больнице.

Ник все понимал. Стадия отрицания. Пока он в кровати, он обычный человек. Здоровые люди ведь тоже могут проваляться весь день под одеялом. А сесть в кресло для него означает признать себя инвалидом.

В целом в больнице было легче: то очередное обследование, то медсестра с уколами, то поддерживающая капельница, то просто обед – банальные события, из которых складывался день. Они сменяли друг друга, утомляя Глеба, не давая погружаться в собственные мысли. Но прошло пять дней, Гутенберг окончательно уверился, что его вины в произошедшем нет, профилактически Глеба прокапали всем, чем можно было. Больше в «Шумеде» им ничем помочь не могли.

Господи, как же все сложно. Медики уверены, что паралич у Глеба нейрогенный, то есть пройдет, как только Глеб справится со стрессом. А что делать, если невозможность ходить этот стресс усиливает стократ? Замкнутый круг какой-то.

- Следи за ним, Никита. Очень тщательно следи, — голос Гутенберга, казалось, и сейчас звучал у него в голове. – Не обманывайся ни его прошлым жизнелюбием, ни ограниченными возможностями. Я видел, как жизнерадостные и «беспомощные» колясочники, подтянувшись на руках, выходили в окно.

На руках пока Глеб, к счастью, подтягивался хреново, предпочитая повиснуть на Никите, когда требовалось перебраться в коляску или обратно. Но в том, что при желании можно найти массу вариантов прекратить существование, Ник не сомневался.

Отец сразу предложил жить у них. Он даже не задавал никаких вопросов, как будто откровение, что сын спит с его старинным другом, новостью для него не стало. А может и не стало. Как бы то ни было, приглашением Никита воспользовался. Просторный дом, свой сад, гостевая спальня на первом этаже, — что еще надо? Эля целыми днями дома, гостям только рада. Сегодня к их приезду наготовила еврейских вкусностей на целую роту. Мда, одно дело гости, другое — постоянные жильцы, один из которых не ходит.

Ладно, придумает он что-нибудь. Можно снять жилье, в конце концов. О возвращении в Москву речи пока не шло, с Глебом он даже боялся заговаривать на эту тему. Здесь все-таки другой мир, иллюзия защищенности от журналистов, камер и сплетен. И потом, что они будут делать в Москве? У Никиты квартира на шестом этаже. Лифт работает не всегда. Зима, снега на улице по колено. Да и не высунется Глеб из квартиры в Москве теперь.

Глеб заворочался во сне. Черт, как же трудно привыкнуть к новым обстоятельствам. Например, к мысли о том, что перевернуться он сам не может. Пока не может, мысленно поправил себя Ник. Нейрогенный паралич излечим, это не перелом позвоночника или что-

нибудь такое же непоправимое.

Никита осторожно высвободился из ослабших объятий, встал, помог Глебу перевернуться, поправил одеяло.

- Ник?

Да что ж такое.

- Здесь я, здесь. Спи.

Уснул. Он вообще последние пять дней, что прошли с момента их приезда в Израиль и выхода того проклятого журнала, большей частью спал. Можно было бы радоваться, если бы Никита не знал, что погружение в спячку – один из верных признаков депрессии. Ладно, хватит. Сейчас самое главное держаться самому, а Глеба он как-нибудь вытащит.

@@@

В доме доктора Тайлевича гости бывали часто. Многочисленная родня из России сваливалась на голову Иосифа Нахимовича и его молчаливой синеглазой Эли с завидным постоянством. Поэтому изначально небольшой домик неотвратимо обрастал пристройками и надстройками – утепленной верандой, дополнительным флигелем, а там и второй этаж достроили. Но сегодня все три гостевые спальни оказались забиты: на первом этаже обосновались Глеб и Никита, на втором в одной комнате разместились Таша и Роман, в другой Ксюша и Динка. Для Динки вообще-то имелась будка во дворе, которой обитающий там Джек был не против поделиться. Но избалованное создание деревянный домик под пальмой проигнорировало, Джека облаяло и поселилось с Ксюшей. Рвалась Динка в спальню Глеба, но ее туда пока не пустили, решив не тревожить болезного.

Вяземские нагрянули неожиданно, без предупреждения. Впрочем, как всегда. Самым большим сюрпризом для Иосифа Нахимовича стало появление Динки, но выяснив, что это собака Глеба, он смирился с необходимостью терпеть в доме еще один хвост. И теперь побросавших вещи гостей поили чаем, расспрашивали о московских новостях, рассказывали свои. Московские были неутешительными – публикация в журнале произвела в тусовке эффект разорвавшейся бомбы. Глеба разыскивали чуть ли не все издания одновременно. Кто-то надеялся на опровержение, другие на пикантные подробности. Не сумев дозвониться до Немова, многие друзья и знакомые звонили Роману Исаевичу, который в свою очередь за словом в карман не лез, а комментарии давать отказывался, так что за три дня успел переругаться с половиной общих знакомых.

- Азада я просто послал, — закончил рассказ Вяземский. – Представляешь, Ось, он мне позвонил и начал требовать деньги за аренду?! Ну, я же с ним об отсрочке договаривался. А когда я сказал, что заплачу, и чтобы он отвязался, начал читать мне лекцию о надлежащем воспитании племянника и неподходящих друзьях. Моралист хренов! Нет, я с самого начала был не в восторге. Но знаешь, не этому хрычу Глеба осуждать!

- А с ним что не так? – рассеянно уточнил Иосиф Нахимович, больше думая о том, сможет ли осуществить пришедшую ему ночью в голову идею, чем о моральном облике неизвестного ему Азада.

- Да у него любовница на сорок лет моложе! На сорок! Это уже педофилия какая-то!

- Рома! – сердито одернула мужа Таша. – Вообще-то Ксения за столом.

- Вот, и за Ксению мне тоже высказали! Посоветовали держать ее подальше от Глеба, больно уж страстно они на юбилее танцевали.

Ксюшка фыркнула, демонстрируя свое отношение к сказанному. Роман Исаевич хотел еще что-то добавить, но в этот момент дверь в столовую открылась и появился Ник. Увидев все семейство полным составом, он даже растерялся. Динка с залиvistым лаем кинулась ему навстречу.

- Ого, все в сборе! Шалом!

Ник попытался изобразить улыбку, вышло не очень удачно.

- Вы откуда тут взялись?

- Сегодня прилетели, — Таша подошла его обнять. – Какой ты бледный. Садись завтракать немедленно.

- Не могу, — Ник мотнул головой. – Там Глеб... Его нельзя одного оставлять. Я за чаем ему...

Таша вопросительно посмотрела на старшего Тайлевича. Иосиф Нахимович пожал плечами:

- Он не хочет пользоваться креслом. И не хочет покидать спальню. А одного его и правда не стоит оставлять. Сына, ты бы шел к нему, Эля сейчас принесет вам завтрак.

- Так!

От этого многозначительного Ташиного «Так» Роман Исаевич и Ксюша машинально вжали головы в плечи, ибо ничего хорошего оно не предвещало.

- Рома, я тебе говорила, надо сразу с ними ехать! Да я знаю, что у тебя работа, но это же невозможно! Что еще его светлость Глеб Васильевич не хочет? И кто его вообще спрашивает? Эля, поставь приборы еще на двоих, пожалуйста. Ник, пошли со мной.

Таша решительно направилась в спальню Глеба. Никита поспешил за ней. Однако первой в комнату влетела все-таки Динка. С ходу запрыгнула на постель, и с неистовым усердием принялась вылизывать хозяина.

- Диночка!

Глеб стиснул в объятиях собаку, так что даже не сразу заметил появление Таши.

- Я не поняла, ты почему до сих пор не одет? Гостей полон дом, между прочим! – с порога начала разнос тетушка. – Небритый, непричесанный. Глеб, тебе не стыдно?

Улыбка сползла с лица Немова. Он осторожно снял с себя собаку, передал Нику и повыше натянул одеяло, прикрывая неподвижные ноги и заодно голый торс.

- Таш, я не просил меня сюда везти. И изображать из себя любезного гостя у меня нет ни сил, ни желания. Если Иосифа мы напрягаем, мы можем...

Глеб осекся. Видимо, представил себе, что они теперь могут. Точнее, чего не могут.

- Ерунды не говори! – рявкнула Таша. – Быстро сел в свое кресло, умылся, оделся и явился на завтрак! Мы из-за тебя сюда все приехали, даже вот эту фабрику блох с собой привезли, между прочим, замучились документы на нее делать! А ты даже не соизволишь с нами чаю попить?!

- Таша, не надо с ним так, — попытался вступиться Ник, но договорить ему не дали.

- Поучи меня еще! Психолог хренов! Сказать, куда тебе свой диплом засунуть? Где его кресло?

- Вот.

Никита подкатил кресло к постели.

- Давай, пересаживайся.

- Может ты хотя бы выйдешь? Я в трусах, — заметил Глеб, однако уже не оспаривая саму идею сесть в кресло.

- Ну не без них же, — пожала плечами Таша. – Ох ты ж, господи, ну дите малое! А сам никак?

Способ транспортировки ее явно впечатлил.

- Никак, — огрызнулся Глеб, отпуская шею Ника. – Никит, дай футболку. И плед.

- Какой плед тебе? Ты что, дедушка? Штаны нормальные надевай. И обувь.

С помощью Ника Глеб полностью оделся, после чего уехал в ванную комнату умываться, Ник пошел с ним.

- То-то же, — проворчала Таша и принялась застилать постель.

@@@

Сколько же нужно порой сил, чтобы заставить себя сделать такие простые, такие привычные вещи – встать с кровати, умыться, сбрить трехдневную щетину. И дело даже не в том, что теперь без помощи Ника у него не получится ни одеться, ни банально сесть на унитаз. Проблема в том, что Глеб просто не видел смысла все это делать. Вопрос «Зачем?» постоянно крутился у него в голове. Зачем его привезли в Израиль? Зачем ему это супер-кресло, которое управляется двумя кнопками? Зачем ему колют какие-то лекарства? Зачем умываться? Это все глупо, не имеет смысла. Ничего теперь не имеет смысла.

- Глеб, не спи! Ты забыл, как пользоваться зубной щеткой?

Голос Никиты вернул его к реальности. Глеб с удивлением обнаружил себя перед зеркалом в ванной комнате. Из крана текла вода, в руке у него была зубная щетка, а Ник сидел на бортике ванны и пристально за ним наблюдал. Серые глаза смотрели внимательно и встревоженно. На душе немного потеплело. Мальчишка все время был рядом. Обнимал его ночами, спасая от кошмаров, таскал на руках из кресла в кровать. Не отворачивался, не отводил взгляд от неподвижных ног, не кривился от брезгливости, когда с непривычки Глеб попал струей на дужку унитаза. Спокойно брался за тряпку, еще и его утешал, мол, со всеми бывает. Мда, с ним раньше не бывало. Но лишний раз с коляски слезать не хочется, а сидя вровень с унитазом попробуй попади.

Зачем все это Никите? Был искушенный, опытный любовник, богатый и знаменитый к тому же. А теперь что? Всеми презираемый старый инвалид? У которого даже не встанет теперь, наверное.

- Глеб? Глебушка, родной, ну давай уже. Завтрак остыл три раза. И нас ждут.

Никита забрал у него зубную щетку и вложил в руку станок для бритья.

- Давай-давай, ты колючий до ужаса! Я вон раздражение уже получил из-за твоей стерни! Не будешь бриться, не буду с тобой целоваться.

- А с бритым будешь?

Глеб неловко намазывал щеки пеной. Зеркало висело слишком высоко, да и раковина была расположена в расчете на стоящего перед ней человека, а не сидящего. Вода текла по локтям, бриться почти вслепую было очень неудобно.

- С бритым буду, — Никита положил ему на колени полотенце, чтобы не намочили штаны. – Как с таким красивым мужчиной не целоваться?

- Зачем тебе это все, а?

Коляску развернуло слишком резко, у Глеба даже голова закружилась. Не привык он еще к этому агрегату, да и не хотел привыкать.

Ник опустил перед ним на корточки, так, чтобы глаза их были на одном уровне. Взял за руки, крепче, чем требовалось, сжимая запястья.

- Глеб, прекрати это, слышишь? Не обижай меня.

- Я тебя обижаю? Чем?

- Словами, мыслями. Глупыми вопросами. Что значит «зачем»? Я тебя люблю, этого недостаточно?

- Вот такого? – горько усмехнулся Глеб.

- Любого!

- Вы там утонули? – раздался голос Таши из-за двери.

- Нет, мы уже идем! – отозвался Ник. – Вытирайся! И постарайся за завтраком хоть что-нибудь съесть, иначе Таша нас обоих закопает!

Выехать в столовую Глебу стоило невероятных усилий. И дело было не в слишком узких дверных проемах и порожках между комнатами, которые он еще не научился преодолевать – сзади коляску уверенно держал Ник. Глеб боялся встретиться с друзьями. Иосиф, Эля, теперь еще и Вяземские. Как с ними разговаривать, о чем? О погоде? Или о том, какой он несчастный? Слушать слова сочувствия?

Но слушать ничего не пришлось. Едва он появился в дверях, на него набросились со всех сторон.

- Ну наконец-то! – Ромка стиснул его руку и подвинулся, чтобы Глеб мог устроиться рядом. – Меня с ума сведет это бабье царство! Я тут как раз рассказывал про Дэна. Представляешь, этот старый козел собирается купить себе кадиллак! Открытый! В Москве!

- Дядя Глеб, посмотрите мои фотки в Инстаграмме! Это первенство России! – Ксюша уже совала ему под нос планшет.

- Эля, что ты ему ставишь, он не пьет без молока и сахара. Дай, я сама сделаю, — Таша отобрала кофейник. – И печенки придвинь. Глеб, тост с медом или с джемом? Я намажу.

Глеб, окруженный вниманием, не успевал отвечать. В руке у него незаметно появился тост, перед носом дымящаяся чашка, на коленях Ксюшкин планшет. С одной стороны сидел Ромка, с другой Никита. Все что-то живо обсуждали, никто не собирался над ним причитать.

@@@

Первая половина дня пролетела незаметно. У Никиты от сердца отлегло – Глеб постоянно был занят то болтовней Ксюши, то просмотром какого-то особо важного

футбольного матча с Ромой. Любимый разговаривал, иногда даже улыбался. Кроме того он вынужден был передвигаться по дому, а в присутствии Ромки просить помощи Ника стеснялся, так что в гостиной сам перебрался на диван. Пользуясь моментом, Никита хоть немного привел себя в порядок, и физически, и морально – постоял не торопясь под душем, разобрал привезенный из Москвы чемодан, куда в спешке комом покидал свои и Глебовы вещи, и ушел в сад покурить с батей, с которым так толком и не поговорил со дня приезда.

Иосиф Нахимович, сам позвавший сына на разговор, теперь стоял, теребил сигарету и смотрел куда-то вдаль, не решаясь начать. Никита его не торопил, предполагая, что приятной беседа не будет. Он вообще не собирался посвящать отца в тонкости своей сексуальной жизни, и уж тем более не предполагал, что все произойдет вот так. В конце концов молчание стало слишком томительным, и Никита, не выдержав, заговорил первым:

- Бать, я понимаю, что тебе это все поперек горла. И тебе, и Эле. Я найду нам жилье. Сейчас Глеб немножко в себя придет, и мы что-нибудь придумаем. Ты не думай, у меня есть деньги. Свои. Я на бирже нормально зарабатываю.

- Чего?

Иосиф Нахимович даже снял очки, с которыми не расставался, словно решил, что они его обманывают, и перед ним стоит не его сын.

- Сына, ты сейчас с кем и о чем разговаривал? Мне послышалось слово «деньги»?

- Не послышалось. Я сказал, что тоже зарабатываю. У меня есть свои сбережения. Не Глеба. И я могу снять нам жилье.

- Зачем?

- Чтобы вас с Элей не стеснять. Глеб вообще не подарок, а сейчас особенно. И тебе неприятно, наверное...

- Неприятно что?

- Ну думать о том, как мы...

Никита запнулся и замолчал. Не то, чтобы он стеснялся говорить о сексе, но не с отцом же! Иосиф Нахимович еще пару секунд помолчал, обдумывая услышанное, а потом начал смеяться в голос. Окончательно растерявшийся Ник смотрел на него как на сумасшедшего.

- Нет, ну это просто невозможно! Ники, ты прелесть, честно!

- Не вижу ничего смешного.

Тайлевич-старший вытер выступившие слезы безупречно белым платком, вернул очки на место и уже серьезно сказал:

- Деньги свои можешь засунуть в то самое место, которое так понравилось Глебу. И не надо краснеть, словно девица. Я, конечно, не в восторге, мой сын мог бы себе и что получше найти..

- Батя!

Иосиф Нахимович протестующе поднял руку:

- Дай мне договорить. Я знаю Глеба сто лет и не испытываю иллюзий на его счет. Но я люблю его как друга. И если ты любишь его... ммм... не как друга, это твои проблемы. Вы будете жить у нас столько, сколько потребуется. И мне нет никакого дела, чем вы занимаетесь ночью. У меня вообще-то жена молодая, вот мне больше заняться нечем, только что о вас думать. И если у Глеба все получается, я как врач только порадуюсь за его здоровье. Или ты сверху?

- Батя, да ты что, в конце концов!

Ник нервно выбросил в кусты подоженную не с того конца сигарету.

- А что я такого сказал? Ему было бы полезно. Все, молчу! Я вообще-то хотел с тобой поговорить не об этом. А о том, что делать с Глебом. Гутенберг клянется, что он не при чем, что у Глеба нейрогенный паралич. И помочь ничем не может. Утверждает, что нужно дать Глебу время прийти в себя после стресса, и все пройдет.

Никита кивнул, это он уже слышал.

- Так вот, я в это не верю, — продолжил Иосиф Нахимович. — Во-первых, сам по себе, без внешнего стимула, он не встанет. Во-вторых, и это уже не психология, в которой я не силен, а чистой воды физиология, чем дольше он будет сидеть в кресле, тем сильнее будут атрофироваться мышцы. А ему не двадцать, он в том возрасте, когда восстанавливать утраченные функции в сто раз сложнее.

Никита помрачнел. Он и сам все это понимал, но одно дело догадываться, а другое — услышать авторитетное мнение.

- И что ты предлагаешь?

- Я предлагаю устроить вас в реабилитационный центр в Эйлате. Там все оборудовано для колясочников, бассейн с водой из Мертвого моря, грязевые ванны, массажи, ну и так далее. Там должна быть и хорошая программа психологической помощи. Только не подумай, что я хочу от вас избавиться! Пройдете там курс и вернетесь к нам. Что ты думаешь?

- Не знаю. Во-первых, это все должно стоить хренову тучу денег, а мы и так в долгах...

- Слушай, если ты мне сегодня еще раз скажешь что-нибудь про деньги, я тебе задницу надеру, и пусть Глеб не жалуется! У него что, друзей нет? Мы с Ромкой ему чужие? Или я последнее доедаю? И потом, у меня там главный врач знакомый, скидку хорошую сделает.

Никита вздохнул и продолжил:

- А во-вторых, с ним не справится ни один нормальный психолог. Поверь моему опыту. Он только тебя перессорит с твоим знакомым. Не будет он сидеть в группе, взявшись за руки с другими колясочниками, и обсуждать светлое будущее. К тому же он Немов. Он вообще не станет общаться с людьми, которые могут его узнать.

- Ой, я сам не верю в групповую терапию. Но насколько я знаю, там хитро программа реабилитации сделана – с экскурсиями, прогулками, подстроенными ситуациями, которые заставляют пациентов возвращаться к жизни, проявлять активность. Съездите, сын, что вы теряете? Ему пойдет на пользу смена обстановки.

- Думаешь? По-моему, он лучше всего сейчас чувствовал себя в своей холодной и мрачной Москве. Но я не знаю, как туда возвращаться. И куда. А для него лучше Москвы города нет...

- Как я чувствую по тону, тут вы не совпадаете, — хмыкнул Иосиф Нахимович.

- Не совпадаем. Мне бы где потеплее, и климат, и люди. Чтобы было море и солнышко. Но солнышко у меня теперь вот свое, личное.

- Ты этого хотел, сына? На самом деле?

Никита кивнул не задумываясь.

- Ну тогда я спокоен. Пошли в дом, я позвоню в Эйлат и выясню, когда вас смогут принять.

- Я верну тебе деньги, бать!

По заднице Никита все-таки схлопотал.

===== Глава 2. Кризис =====

Все складывалось просто чудесно, насколько это слово было вообще уместно в их ситуации. В реабилитационном центре место освободилось через два дня, как раз когда дядюшке нужно было возвращаться в Москву. Ксюша летела с ним, ей пора было возобновлять тренировки. Таша, изначально планировавшая остаться подольше, тоже решила вернуться в столицу, раз Глеб с Никитой отправлялись лечиться. А пока дом Тайлевичей был наполнен народом, голосами, залиvistым лаем и запахами домашней выпечки, которой Таша баловала Глеба с особым рвением.

Глеб уже не пытался изображать затворника, неплохо научился управляться с креслом, даже выезжал в сад, ел все, что дают. Но сказать, что он постепенно оживает, Никита не мог. Слишком часто ловил его отрешенный, будто бы стеклянный взгляд. Не мог не замечать, что говорит Глеб только тогда, когда его спрашивают. А сегодня утром, прибирая постель, пока любимый был в ванной, он заметил, что подушка Глеба слишком влажная. Он уговаривал

себя, что все это временные явления, надеялся на реабилитационный центр с его волшебной программой, но сдерживать растущее беспокойство все же не получалось.

В день отъезда Вяземских произошла неприятная история. Сначала Никита не придавал значения голосам, раздающимся из гостиной. Получасом ранее он оставил там Глеба под присмотром дядюшки, а сам уединился в отцовском кабинете с его же ноутбуком – запускать биржевую торговлю не стоило, еще неизвестно, на что им придется жить дальше. Батя с утра уехал на работу, Эля с Ташей колдовали на кухне, так что в воцарившейся тишине неожиданно ставший громким звук телевизора в конце концов привлек его внимание. Кто там внезапно оглох, Глеб или дядюшка?

Никита вышел в гостиную, намереваясь сказать, где он видел их футбол вместе с баскетболом, хоккеем и фигурным катанием, но обнаружил, что смотрят они совсем не «Спорт». По телевизору шел повтор юбилея Немова. Твою же мать! Ведь они условились между собой – никаких разговоров о сцене, творчестве, и том, что произошло. Никаких концертов по телевизору и передач, где могут участвовать коллеги. Ничего, что может расстроить Глеба. И вот пожалуйста...

Никита метнул разгневанный взгляд в дядюшку, но тот только руками развел. Мол, он не виноват, Глеб сам включил. Случайно, ага. С чего Первый вообще решил повторять концерт? Недавно же эфир был. Никита пригляделся к значку канала. А, это не Первый, что-то местное, русскоязычное. Выкупили права показа что ли?

Глеб сидел как каменный, вцепившись в пульт так, что побелели костяшки пальцев. Смотрел на экранного себя, не отрывая глаз. Ник еще раз мысленно выматерился. А Глеб ведь первый раз смотрит юбилейный вечер вот так, со стороны.

- Глеб! Глебушка, — осторожно, вкрадчиво, одновременно обнимая его за плечи и накрывая руку, держащую пульт, своей. – Ты ничего интереснее не нашел посмотреть? Давай это выключим, а? Мне там твоя помощь позарез нужна. Глебушка... Там на бирже акции баскетбольной команды выкинули. А я ни черта в баскетболе не понимаю. Поможешь мне? Пойдем, родной...

Глеб не оторвался от экрана ни на мгновение. Кажется, даже не заметил присутствия Никиты. Он смотрел, как экранный Немов танцует с какой-то блондинкой в свете софитов. Почти финал концерта, Ник помнил этот номер. Черт, как же все было хорошо еще совсем недавно.

Отобрав пульт силой Никите не хватало духу. Пришлось сесть рядом и смотреть. Пытка продлилась минут сорок. Не допетые до конца «Нивы России» авторы телеверсии вырезали, концерт завершился громом аплодисментов и глубоким поклоном Немова. На экране запрыгали какие-то дети, поедающие на камеру печенье – пошел рекламный блок. Никита ждал комментариев, но их не последовало, Глеб по-прежнему сидел молча, только что голову опустил.

- Старик, нам уже в аэропорт скоро, — нарушил тишину Роман Исаевич. – А ты мне так

и не дал в своем кресле покататься.

- Зачем?

Шутку Глеб явно не понял. А вопрос «зачем» у него теперь звучал постоянно.

- По приколу, Глеб. Ладно, проехали. Я пошел собираться.

Дядюшка малодушно слинял. Никита остался с Глебом. Ничего не говоря прижал к себе.

- Ник, они мне хлопали, — тихо пробормотал Глеб, утыкаясь ему куда-то в шею.

- Ну конечно хлопали, родной. Это логично, хлопать любимому артисту.

- Они мне хлопали, хотя я уже был... Они просто не знали... Но я ведь не стал петь хуже, только потому что...

- Потому что спал с женщиной? Конечно не стал.

- Это несправедливо, Ник.

Никита вздохнул. Несправедливо. В этом мире вообще все несправедливо. Провел рукой по волосам, невольно отмечая, как много в них стало седины, обхватил Глеба поудобнее, прижимаясь поближе. Когда он сидит на диване и между ними нет осточертевшей ручки кресла, ласкать его гораздо комфортнее. Просто нежная, успокаивающая ласка, напоминающая, что он не один в этом мире. На большее Ник и не рассчитывал.

Потом все как-то закрутилось. Чаепитие на дорожку, чемоданы, лай беспокойной Динки, испугавшейся, что ее увезут от обожаемого хозяина. Проводы, поцелуи, строгие наставления Таши на тему, как им жить дальше, и ее же обещания скоро вернуться их проведать. О возвращении Глеба в Москву не было сказано ни слова. Никита боялся, что Глеб сам заговорит об этом, но любимый молчал.

Когда уехало такси, отвозившее Вяземских в Бен Гурион, Глеб запросился в постель. Не было еще и семи вечера, но Никита уступил, тем более, что все эти дни Глеб не отдыхал днем, а Гутенберг их предупреждал, что долгое сидение в кресле будет с непривычки его утомлять. Словом, Ник помог Глебу улечься, приволок отцовский ноутбук в спальню и пристроился на кровати рядом работать. Глеб вскоре задремал, а у Никиты выдалась на редкость удачная торговля. То ли он в кои-то веки сосредоточился на ставках, обрадовавшись возможности подумать о чем-то, кроме их с Глебом проблем. То ли просто подфартило. Но биржа полностью увлекла его, так что он даже не вышел к ужину, забыв про все на свете. Уже далеко за полночь он закрыл ноутбук и просто выключился, растянувшись на своей половине постели.

@@@

Никита спал как убитый. Слишком много всего навалилось в последнее время. Слишком много сил требовалось, чтобы улыбаться Глебу и родственникам, оставаться невозмутимым, все понимающим, уверенным, что все будет хорошо. Его не разбудил ни скрип кровати, ни звяканье стаканов на задетой коляской тумбочке, ни шелест протекторов. И только когда завывала Динка, он проснулся.

- Твою мать, собака, ты озверела? – Ник приподнялся на локте и запустил в сидящую у двери псину тапочкой. – Ты чего воешь как на покойника? Глеба разбудишь!

В ответ Динка завела новую протяжную, полную тоски руладу.

Ник обернулся посмотреть, спит ли Глеб, и подскочил как ужаленный. Глеба в спальне не было. Коляски тоже. Никиту вихрем смело с кровати. Куда он мог подеваться? Встал в туалет? Ник распахнул дверь гостевой ванной комнаты, в которую можно было попасть только из их спальни и которой они обычно пользовались. Но там никого не обнаружилось, свет был выключен. Только теперь Никита обратил внимание, что воеет Динка на дверь, ведущую из спальни в холл. Он пинком открыл ее, включил в холле свет. Если не в туалет, то куда? На кухню? Грабить холодильник? Похоже на прежнего Глеба, но теперь...

- Диночка, где наш папа?

Но собака не сдвинулась с места, она явно не собиралась отправляться на поиски хозяина, продолжая отчаянно, тоскливо выть.

Никита промчался по всему первому этажу, Глеба не было нигде. В голове мелькнула нехорошая мысль про подтягивающихся на руках и выходящих в окно колясочников, Ник выскочил во двор. И там никого. Да и как? Из окна первого этажа далеко не улетишь, а на второй по крутой и узкой лестнице Глеб никак не поднимется даже с посторонней помощью, не то что без нее.

- Глеб! Глебушка, ты где? Глеб!

Ник уже не думал, что перебудит весь дом. К черту! С каждой секундой ему становилось все страшнее. Пробегая уже в третий раз мимо кухни, он заметил еще одну дверь, как бы в углублении стены. Он сначала решил, что за ней кладовка, но сейчас увидел тонкую полоску света, пробивающуюся из-под двери. Ник толкнул ее – заперта, ударил плечом, хлипкая полоска металла с той стороны прогнулась, и он увидел Глеба. Наверное, эта картина потом еще много лет будет преследовать его в ночных кошмарах.

Глеб сидел на кафельном полу – незамеченная комната оказалась запасным санузлом, которым почти не пользовались – сидел неловко, видимо, с кресла ему пришлось сползать, привалившись спиной к бортику ванны. Голова его была низко опущена, подбородок упирался в грудь, а руки лежали на коленях, как будто бы Глеб их рассматривал. И по коленям текла кровь. По коленям, по предплечьям, по белому кафельному полу.

Никита взывал. Нет, только не это, пожалуйста! Только не это! Он схватил Глеба за

подбородок, поднимая голову, заглядывая в глаза. Живой. Взгляд мутный, блуждающий, но он жив, жив!

- Ты сволочь, Глеб! Какая же ты эгоистичная сволочь!

Слезы текли по щекам, но Никита не обращал на них внимания. Правое запястье кровоточило не сильно, видимо, его резать Глебу было несподручно. А из левого кровь шла толчками. Это плохо, очень плохо. Никита перетянул руку первой попавшейся тряпкой, кажется, каким-то полотенцем.

- Глеб! Ты меня слышишь? Глеб, не отключайся, понял? Не смей отключаться!

Никита выбежал в коридор:

- Батя!

Чертовы хоромы, хрен тут дозовешься.

- Батя!!!

- Что случилось? – на лестнице появилась испуганная Эля в наспех завязанном халате.

- Отца зови, быстро!!!

Но Иосиф Нахимович уже и сам появился в коридоре. Он лишних вопросов задавать не стал, правильно оценив вид сына, сбежал по лестнице.

- Что он сделал? Где?

- В ванной около кухни. Вены порезал. На левой руке артерию задел, кажется.

Непечатное слово от отца он услышал впервые. И тут же спокойное:

- Эля, в моем шкафу, за костюмами укладка, принеси. Потом чай, крепкий, очень сладкий.

- Бать, Скорую надо.

- Ты охренел совсем? Какая Скорая? Хочешь, чтобы его в дурку забрали? Сами разберемся. Глеб! Твою же мать! Нет, ты посмотри на этого идиота! Керамический нож нашел, им до костей разрезать можно, при желании! Эля им мясо разделяет. В верхнем ящике ведь лежал. Глеб, посмотри на меня! Ты меня слышишь?

Кивнул.

- Тебе больно?

Еще кивок.

- Отлично, сейчас будет еще больнее. Ник, придерживай его.

- Бать, ты чего?

- Ничего, сейчас шить будем. По живому. Из анестезии могу предложить пару ампул новокаина. Извини, дорогой, наркоты дома не держу. Твое счастье, что у меня здесь укладка есть. Черт, что ж ты бледный-то такой и холодный, как будто уже пару литров крови потерял. Не так уж все страшно...

Иосиф Нахимович размотал полотенце и вылил на рану несколько ампул новокаина.

- Он крови боится, у него шок, — подсказал Ник, прижимая к себе безвольное тело.

- Кто крови боится, тот вены не режет, тот из окна кидается, — процедил Тайлевич-старший сквозь зубы. – Тихо-тихо, не дергайся, все будет в лучшем виде. На мои швы еще ни одна звездная задница не жаловалась. Вот так, еще немного. Все, можно заматывать. Эля, где чай? Так, не отключаться мне! Пей давай. Пей, я тебя сейчас еще коньяком напою. Хотя нет, лучше вина. Эля, у нас есть вино?

Через десять минут Глеб уже лежал в своей постели, с перебинтованными запястьями, напоенный сначала чаем, а потом вином и успокоительным впридачу. Никита сидел рядом и мочил бинты новокаином, чтобы снять боль. Хотя Глебу, кажется, было все равно. Он смотрел на Ника уже осмысленным, грустным взглядом.

- Что же ты наделал? Зачем, Глеб? Тебе настолько на меня плевать?

- Нет.

Голос тихий, но говорит четко, уверенно.

- Тогда зачем? Ты понимаешь, как больно сделал мне?

Не понимает. По глазам видно, что не понимает. Искренне считает, что это его жизни, и его право сводить с ней счеты.

- Что я буду делать без тебя?

- Жить счастливо?

- Совсем дурак, да? Я уже терял однажды близкого человека. Может хватит с меня? У меня не будет другой новой жизни, если с тобой что-то случится. И вариантов других не будет, только за тобой...

- Чего? – Глеб даже привстал. – Не смей даже думать об этом, слышишь?!

- А ты? Почему ты смеешь?!

- Ник, моя жизнь уже закончилась. Я ее прожил. Как сумел. Исполнил свою главную мечту, стал артистом. В моей жизни были большие победы, был большой успех, были прекрасные женщины, и был ты...

- Был?! Почему был? Я что, умер? Или я тебя бросил?

- Бросишь, — как-то слишком спокойно, как о чем-то решенном сказал Глеб. — Не сейчас, так через месяц, когда надоест подтирать лужи за инвалидом.

- Я давал тебе повод так думать? Черт, Глеб, ты бываешь нереально жестоким. И, прости, но если бы ты мог дать сдачи, то сейчас бы уже словил по морде.

Никита даже отодвинулся подальше, как будто правда боялся, что ударит Глеба.

- Ты сам делаешь ситуацию хуже, чем она есть! Я тебе миллион раз говорил, что мне не нужен артист Немов. Мне плевать на твою славу. И я предполагал, что ты не всегда будешь здоровым, полным сил и желания трахаться десять раз на дню альфа-самцом. Я готов вытирать лужи и таскать тебя на руках, если потребуется. Но я не хочу просыпаться ночью в холодном поту от малейшего шороха и следить за тобой круглосуточно, ожидая, когда ты решишь свести счеты с жизнью. Если ты так делаешь, значит, тебе просто на меня плевать!

- Да причем тут ты? Это ты, что ли, прикован к креслу? Ты не можешь показаться на людях? Ты потерял уважение друзей и близких? — Глеб говорил все громче и громче, срываясь на крик. — Ты не представляешь, каково это, жалеть каждое утро, что ты вообще проснулся!

- Представляю. Очень хорошо представляю. Потому что в моей жизни все это тоже было. Ну да, я не был инвалидом, я был наркоманом. Ты уверен, что это сильно лучше? А потом в моей жизни появился ты, и мне было ради чего просыпаться. Ради чего лечиться, бороться. Для меня ты стал смыслом жизни. А я для тебя, получается, не значу ничего.

Глеб молчал. Никита был ему за это даже благодарен — сил на спор у него точно не осталось.

- Ладно, Глеб, мы зря треплем друг другу нервы, — Никита встал с кровати, поправил одеяло. — Я знаю, что ты не изменишься, и люблю тебя таким, какой ты есть. Я не собираюсь привязывать тебя к кровати или выставлять круглосуточное дежурство, я знаю, что этим никого не остановишь. Просто попробуй хоть раз в жизни подумать не только о себе. Ну так, ради разнообразия. А сейчас спи, родной.

Целовать на ночь не стал, лечь рядом тоже. Вышел из комнаты и направился на кухню, опустошать родительские запасы спиртного. Коляску, правда, забрал с собой. На всякий случай.

Поездку в реабилитационный центр пришлось отложить, хорошо хоть на время, а не навсегда. Иосифу Нахимовичу удалось договориться, чтобы им перенесли срок пребывания – нужно было дождаться, чтобы у Глеба зажили руки, иначе лишние вопросы неизбежно возникнут. А пока бесконечно унылые дни тянулись один за другим. Никита старался как можно больше времени проводить за компьютером, отвлекая себя от тяжелых мыслей и сосредотачиваясь на торговле. Он понимал, что это малодушно, что как психолог он должен работать с Глебом. Но, черт возьми, недаром же были придуманы правила корпоративной этики, запрещающие психотерапевтам лечить близких – он просто не мог относиться к Глебу и всей ситуации в целом объективно, не мог разобрать ее на причины и следствия, а значит, не мог проработать с пациентом. Поэтому он просто решил оставить Глеба в покое, дать ему привести свои мысли в порядок. В конце концов, как-то раньше он справлялся со своими проблемами? Ведь были же уже в его жизни критические ситуации, например, когда во время перестройки он остался без работы, без зрителей и без денег. Как-то же справился?

Конечно, Ник не перестал выполнять все, что от него требовалось: он следил, чтобы Глеб вовремя поел, помогал ему пересаживаться в кресло, укладывал спать, менял повязки на запястьях. Вполглаза следил, чем занят любимый, стараясь устроиться с ноутбуком там же, где и он. Но разговоры по душам больше не заводил, с нежностями не лез, вообще никакой инициативы не проявлял.

Два дня Глеб провел большей частью у телевизора, смотря в экран невидящими глазами, о чем-то раздумывая. А на третий, когда Никита был крайне занят внезапно выросшими котировками Норильского никеля и как раз решал, что с ними делать, его шею сзади оплели такие родные сильные руки. Он даже не сразу понял, что произошло, несколько секунд потребовалось, чтобы вынырнуть из виртуального мира в реальный. Никита обернулся – Глеб вплотную подъехал к столу, чтобы иметь возможность его обнять. И теперь смотрел в глаза пристально, внимательно. И молчал.

- Что? – прозвучало грубо, как будто хочет быстрее отвязаться, и Ник торопливо добавил, — Что, родной?

- Прости меня, малыш.

Никита оцепенел. Этих слов он от Глеба не слышал... Да никогда, наверное, и не слышал. Уточнять, за что простить, не стал. Вообще ничего говорить не стал, чтобы не спугнуть момент, чтобы не исчезла эта непривычная кротость из бледно-голубых глаз. Просто притянул поближе к себе, чувствуя, как упираются ему в бедро острые колени, и начал целовать все, до чего мог достать: лоб, веки, скулы, упрямые губы, которые тут же начали ему отвечать. И подавлять! Вот ведь засранец, ну как чувствовал, что его кротость обманчива. И руки шаловливые уже поползли Нику под футболку. А дома Эля, между прочим! Девушка и так смущается одним только присутствием Глеба, зовет его исключительно по имени-отчеству и старается вообще не глаза не попадаться. Но когда это Глеба волновали чужие проблемы! Его руки уверенно пробирались под резинку спортивных штанов Ника, вызывая вполне естественную реакцию.

- Родной, ты уверен, что ты этого хочешь?

Ник должен был спросить, хотя и понимал, что за этим последует. Так и есть, Глеб резко отпрянул.

- Я хочу, — сделал ударение на первом слове. — И могу доставить своему мальчику удовольствие. А ты хочешь? С инвалидом?

Да твою же мать!

Никита сорвался с места, схватил кресло Глеба за ручки и поволок в спальню.

- Ты чего? — опешил Глеб, цепляясь за подлокотники.

- Ничего! Везу инвалида трахаться!

- Ник! Что за лексика?

- А что за предьявы? Давай давай, сказал, что можешь, сейчас будешь доказывать. Только дверь запрем, пока советами не замучили.

Никита не очень представлял, что и как они будут делать. Как-то не было времени задумываться. Глеб уже включился в игру, начал заводиться. На кровать перелез сам, сам освободился от халата, так что Никите осталось только помочь ему с трусами. То, что с членом Глеба все в порядке, на него паралич не распространился, Никита знал давно, утренний стояк, пусть не каменный, но приличный, в соответствии с возрастом и прежними возможностями любимого, не заметить было сложно. Вопрос был, как найти удобную для обоих позу. А самое главное, доказать Глебу, что он по-прежнему любим и желанен.

С этого Никита и начал. Конечно, свинство, пользоваться беспомощностью партнера, но в обычной ситуации Глеб бы просто не позволил так долго себя ласкать. А теперь был вынужден лежать и наблюдать, как Никита неторопливо устраивается на его бедрах, как выгибается, демонстрируя молодое, подтянутое тело, дразня, соблазняя. Никита многообещающе начал с члена Глеба, но подарив ему несколько поцелуев, стал подниматься выше, к впадинке пупка, почти безволосой груди и объекту своей особой страсти — нежным складкам на шее.

- Ты вампиреньш, — прошипел Глеб. — Мелкий вампиреньш. Следы же останутся!

- Ага! — Никита на миг оторвался от своего занятия, чтобы подтвердить эту мысль. — Останутся. И вот тут тоже...

- Ауу... Что ж ты творишь? Мы же послезавтра в этот твой центр едем. Там наверняка врачи, осмотры...

- И что? Пусть видят, какой ты любимый и желанный. И пусть завидуют!

- Было бы чему, — фыркнул Глеб, дотягиваясь до Никитиных прелестей. — Вот тебе можно позавидовать. Стоит как часовой.

- На тебя, заметь! Иии не делай так! Я хочу настоящего секса!

- Как?!

- Ну постарайся как-нибудь!

На самом деле стараться пришлось Никите, изображая лихого наездника. Он прекрасно знал, что Глеб эту позу не любил. Сам как-то рассказывал, что пользовался ею только с женщинами, когда не испытывал большого желания, а секса уже было не избежать. И в постели с Никитой никогда ее не практиковал. Но других вариантов сейчас Никита не видел, а за неимением...

Зато так он мог контролировать ситуацию, и заставил Глеба кончить первым, продлив удовольствие любимому еще на несколько секунд собственным оргазмом. И потом долго не вставал, прижимаясь к широкой груди, слушая, как постепенно восстанавливается сбитое дыхание, замедляется бешеный стук сердца.

- Ник?

- Ммм..?

- Никогда не думал заняться конным спортом? У тебя отлично получается!

- Да ну тебя! Давай уже заканчивай изображать немощного, мне нравятся другие позы!

- Надо же, какое совпадение взглядов!

Помолчали еще несколько минут. И снова...

- Ник?

- Господи, ну что опять? Можно просто подремать, а?

- Ладно, молчу.

Теплая рука легла парню на макушку, взъерошила волосы.

- Нет уж, теперь говори, что хотел.

- Да так, просто... Люблю тебя, малыш.

@@@

Само словосочетание «реабилитационный центр» навевало тоску. А если представить,

что там будут русскоговорящие бывшие соотечественники, которые легко могут узнать Немова, становилось просто невыносимо. Но он обещал Никите, что поедет, так что отступить некуда. Откровенно говоря, Глеб не верил, что ему чем-нибудь помогут. Просто не хотел расстраивать мальчика. Он и так ему в последнее время доставлял слишком много неприятностей.

Дорога утомила невероятно, и въезжая на территорию центра, Глеб мечтал, чтобы их быстрее разместили, а там в душ и спать. Боли в спине никуда не делись, только теперь спина болела не от долгого стояния, а от постоянного сидения в кресле. Но надеждам его сбыться было не суждено.

Сначала они бесконечно долго петляли по дорожкам парковой зоны в поисках административного корпуса, потом встретившая их девушка дала Глебу кучу бумаг, которые ему надлежало заполнить, причем именно собственноручно, Никите помочь не позволили. Его вообще сразу отправили относить вещи в номер, к немалому изумлению Глеба, очень навязчиво отправили. И Никита беспрекословно подчинился! Как будто вещи подождать не могли!

Пришлось доставать очки и, пристроив на коленях выданную ему вместе с бланками планшетку, заполнять бумажки. Поставив подпись на последней, Глеб Васильевич окликнул девушку-администратора:

- Я закончил!

- Хорошо, Глеб Васильевич, давайте сюда.

И улыбается как ни в чем не бывало, а сама даже с места не сдвинулась! Давайте! Могла бы выйти из-за стойки и забрать! Стойка была слишком высокой, и Глебу пришлось тянуться, чтобы положить на нее бумаги. Это называется, реабилитационный центр? Хорошо же он приспособлен для колясочников!

- Вот ваша карта, сейчас поднимайтесь на лифте на третий этаж, триста пятнадцатый кабинет, на прием к доктору.

- Прямо сейчас? – удивился Глеб.

- Да, он вас уже ждет.

Потрясающе просто! Ждет он! Теперь Глеб должен сломя голову нестись к очередному эскулапу? Ни отдохнуть с дороги, ни поесть. И Ник куда-то подевался! Глеб хотел было ему позвонить, но вспомнил, что телефон остался в барсетке, которую Никита унес вместе с другими вещами.

Злясь на мальчишку, а больше на себя за то, что на все это согласился, Глеб Васильевич подъехал к лифту. Ладно, нажать кнопку вызова он в состоянии. Заехать в просторную кабину получилось с первого раза. На третьем этаже ему встретились двое, тоже на

колясках: мужчина лет сорока и совсем юная девушка. Оба проехали мимо Глеба, никак на него не отреагировав. Это несколько успокоило. Может, ему повезет, и никто его тут не узнает. Тем более, что особенно гулять по коридорам он не собирался. Сейчас посетит доктора и ляжет в номере.

Уже открывая дверь триста пятнадцатого кабинета, Глеб Васильевич запоздало подумал, что будет делать без Никиты, если врач не говорит по-русски? Ивритом он не владел, а познания в английском заканчивались фразой «We are from Russia. Do you want vodka?», универсальной для знакомств во время гастролей.

- Входите-входите! – услышал он русские слова, однако произнесенные женским голосом. – Господин Немов?

Глеб Васильевич «вошел» в просторный кабинет и припарковался напротив светловолосой и синеглазой девушки, изумленно ее разглядывая. На вид – не больше тридцати. Русская, ну то есть славянская внешность, приветливая улыбка. И вот это милое создание – врач?! Тапочки-то не смешите!

- Меня зовут Елена Викторовна. Или доктор Левитан, как вам удобнее.

И руку протягивает для пожатия! Глеб Васильевич совсем растерялся, но свою ладонь протянул, осторожно сжал тонкие наманикюренные пальчики. От него не укрылось, что Елена задержала его руку чуть дольше, чем требовалось, что ее взгляд скользнул по свежим шрамам на его запястье.

- Глеб Васильевич Немов, — отрапортовал он. – Вот история болезни.

Елена отложила переданную им папку в сторону.

- Благодарю, уже ознакомилась в электронном виде, из «Шумеда» переслали. Ну что, Глеб Васильевич, рассказывайте, чего вы хотите?

- В каком смысле?

Глеб ожидал привычных вопросов о здоровье, на которые ему порядком надоело отвечать.

- В глобальном. Ваша цель на сегодняшний момент? Чего вы хотите сейчас?

- Избавиться от этого чертового кресла, разумеется! – язвительно произнес Глеб Васильевич. – А есть варианты? К вам еще зачем-то приезжают?

- Конечно! К нам приезжают, чтобы выполнить просьбу родственников. Или хотя бы на время избавить их от обузы. Кто-то приезжает, чтобы рассказать медперсоналу и другим пациентам, какой он несчастный, получить долю сочувствия. А кто-то просто хочет отоспаться, поесть казенной еды и покупаться в нашем подогреваемом бассейне со специальным спуском для инвалидов. Побывать в комфортных условиях.

Излагая все это, доктор Левитан не прекращала улыбаться и смотреть Глебу в глаза. Глеб Васильевич же совершенно не понимал, как себя вести. Она шутит или издевается?

- И что изменится от того, что я вам скажу истинную причину приезда? – наконец процедил он.

- Для нас – ничего, — пожала плечами Елена. – Я в любом случае назначу вам массаж, грязевые ванны, посещение бассейна, магнитотерапию. А для вас может измениться многое. Вы можете не торопиться с ответом, просто подумайте на досуге, для чего вы здесь. А сейчас позвольте, я вас осмотрю.

Все еще обдумывая сказанное, Глеб Васильевич подъехал к кушетке и остановился. И дальше как без Никиты? Ладно, перебраться он еще сам сможет, а штаны как снимать? Ну не девушку же просить помочь!

А Елена тем временем невозмутимо перебирала какие-то бумаги, не поднимая на него взгляда. Ждала, пока он будет готов. Пришлось худо-бедно справляться самому. Тоже еще додумались, девушка-травматолог. Или реабилитолог, кто она там! Абсолютно не женская профессия! Место женщины дома, у плиты, или на диване с шитьем. Глеб был искренне в этом уверен.

После приема у врача Глебу пришлось потратить еще минут двадцать, чтобы найти свой номер, который еще и в другом корпусе был, как выяснилось. Благо, тут везде были предусмотрены пандусы. И все равно в комнату он ввалился злой как сто чертей. Никита обнаружился лежащим на кровати и безмятежно пялящимся в телевизор.

- Прохлаждаешься? – прошипел Глеб сквозь зубы. – И как это понимать?

- Что понимать? – Никита сел.

- Ты меня бросил! Я сначала врача искал, потом сюда полчаса добирался! А ты отдыхаешь!

- Прости, родной, но меня убедили, что мое сопровождение тебе не нужно – тут все адаптировано под коляску, и я буду тебе только мешать. Меня обманули?

- Нет, — вынужден был признать Глеб.

Он подъехал к кровати – объекту своих мечтаний вот уже несколько часов.

- Тогда что? Тебя кто-то обидел? Давай помогу.

- Сам могу! – рывкнул Глеб, перебираясь на постель.

- Ну и чудесно, — улыбнулся Никита.

- У меня врач – девушка!

- И? Она к тебе приставала?

- Господи, что у тебя в голове! Нужен ей парализованный старик! Я к тому, что это абсурд, девушка-врач!

- Действительно! К черту равноправие, даешь Домострой, — усмехнулся Никита, пристраиваясь на плече и оплетая Глеба руками. – И что тебе назначили? Надеюсь, усиленное питание? Ты стал такой костлявый, родной.

- Спасибо за комплимент. Не так уж много и назначили. Бассейн, массаж, магнит какой-то. И все это с утра, в одиннадцать последняя процедура. И что мы тут будем делать целыми днями? Спортивный канал у них хоть есть?

Он потянулся за пультом, но Никита перехватил его руку.

- И не мечтай! Есть занятия поинтереснее!

- Это какие же? То, о чем я думаю?

Глеб потянулся к соблазнительной шее Ника, оказавшейся в опасной близости от него.

- И это тоже. Но вообще-то я имел в виду экскурсии. Завтра еще освоишься тут, а послезавтра поедем в Иерусалим.

- Ты серьезно?

Глеб даже привстал на локтях.

- Я не поеду. Во-первых, это невозможно...

- Вполне возможно. Здесь организуют специальные туры. Не дергайся, мы просто возьмем их машину и водителя. Не нужно нам гидов и попутчиков. Я тебе сам покажу массу интересного.

- Никит, я не хочу. Здесь везде русские, в туристических местах особенно.

- Наденешь темные очки. И кепку. Ты правда думаешь, что люди рассматривают тех, кто сидит в инвалидных креслах?

- Нет, — нехотя признал Глеб, вспомнив, как сам всегда отводил взгляд, заметив на улице инвалида.

- Вот именно. Так что не спорь, пожалуйста.

Глеб вздохнул, но спорить не стал. Раз уж уступил, поехав сюда, нужно быть

последовательным. К тому же, в Иерусалиме он толком ничего не видел. В Израиле на гастролях бывал неоднократно, но что видит артист? Концертные площадки и аэропорт. Времени на прогулки и осмотр достопримечательностей у него никогда не было. А теперь вот появилось...

Глеб Васильевич покрепче обнял своего мальчика, отгоняя грустные мысли. Рядом с Ником было тепло, уютно, а больше он ни о чем думать и не хотел.

@@@

Никита был почти доволен. Все складывалось как нельзя лучше, батя не обманул и не зря организовал их поездку. Не прошло еще и суток, как они здесь, а прогресс налицо – вчера Глебу пришлось самостоятельно попутешествовать по Центру и пообщаться с посторонними людьми – Никиту заранее предупредили, чтобы он не вмешивался и не опекал Глеба сверх меры. Кроме того, Никита был предупрежден, что на всей территории Центра, за исключением палат, стоят камеры наблюдения, и ничего с его подопечным случиться не может. Так что он почти со спокойной душой ушел относить сумки. А когда любимый появился и отказался от помощи, сам резво перелез в кровать, на душе совсем полегчало.

Спали на новом месте как убитые, даже в голову никому не пришло заняться чем-то еще. А с утра началось!

До завтрака у Глеба был назначен массаж, причем физиотерапевтический корпус стоял отдельно, и до него еще нужно было добраться. В первый раз Никита отправился с любимым, решив, что завтра найдет какой-нибудь повод не провожать его. Дошел с ним до дверей кабинета и остался снаружи. Глеб ничего не сказал, только покосился на Ника, хмыкнул и уехал. Никита устроился на банкетке снаружи, а через несколько минут услышал звуки, которые ему очень сильно не понравились. Глеб ругался, и ругался громко. Пару минут Никита раздумывал, вмешиваться или нет? Любимый проявляет эмоции, ведет себя так, как ему полагается. Это же хорошо? Но когда до него донеслось явно неприличное слово, Ник все-таки нажал на дверную ручку. И онемел!

Глеб лежал на кушетке, на спине. А на нем сидел темноволосый мускулистый парень. Причем этот парень держал согнутую в колене ногу Глеба и пытался засунуть ее куда-то Глебу за голову. Глеб при этом вырывался и ругался на чем свет стоит. Заметив Никиту, он тут же переключился на него.

- Слава Богу! Ник, убери от меня этого п***аса! Немедленно! Он по-русски не понимает ни хрена!

Как будет «Что здесь происходит?» на иврите Никита кое-как сообразил. И даже примерно понял ответ несколько обескураженного поведением пациента, но ни на секунду не прекратившего свое занятие массажиста.

- Родной, успокойся, пожалуйста, — Никита с трудом сдерживал смех. — Он не собирается тебя насиловать. Он просто делает массаж.

- Это массаж?! Это йога какая-то! У меня сейчас жопа на ушах будет! Я думал, мне спину помнут там, ну как ты делаешь.

- Глеб, он специальный массаж делает, это скорее силовая гимнастика, чтобы восстанавливать мышцы. А я тебя считай, что глажу.

- И это мне нравится больше!

- Ну понятное дело! Тебе не больно?

- Нет! Мне неприятно! Меня лапает чужой мужик!

- Господи, тебе не угодишь! Девушка-врач – плохо, парень-массажист – тоже плохо.

Тем временем массажист повернулся к Нику и начал что-то сбивчиво ему объяснять. По обрывкам фраз Никита понял, что ему предлагают самому делать с Глебом упражнения под контролем медика. Он согласно закивал.

- Что он говорит? – насторожился Глеб.

- Что я могу сам с тобой это делать под его контролем. Видимо, ему надоело, что ты вырываешься.

- Я еще и покусать могу, будет потом уколы от бешенства делать, — мрачно пообещал Глеб, явно расслабляясь.

Никита подошел к кушетке вплотную. Поняв, что с ивритом у собеседника нелады, массажист стал объяснять жестами, что делать. Так, ага, левую ногу согнуть в колене. Держать рукой. Теперь правую, ага. И вместе подтягивать их к груди Глеба, самому упираясь коленями в кушетку. Господи, какая неприличная поза-то получилось.

Глеб и сам понял двусмысленность положения, и теперь, окончательно расслабившись, с ехидным выражением лица наблюдал, как Никита краснеет.

- Ничего не напоминает? – поинтересовался он. – Еще бы мои ноги тебе на плечи положить, и этого придурка отсюда выставить. И будет чудненько!

- Иди ты нафиг, родной, — пропыхтел Никита. – Вот вернемся в номер, я отыграюсь!

- Весь в нетерпении!

И все-таки из кабинета массажиста Никита выходил почти счастливым. Глеб ругался, язвил и даже шутил, то есть проявлял целый спектр эмоций. И это радовало невероятно.

На завтрак нужно было возвращаться в жилой корпус, правда, Глеб заявил, что устал после массажа и сам не «поведет», пришлось Никите толкать коляску. Если учесть, что она

была с электроприводом и управлялась двумя кнопками, можно было не сомневаться – просто привлекал к себе внимание, хотел получить очередную дозу любви и ласки. А ему что, жалко что ли?

На въезде в столовую Глеб занервничал, начал возмущаться, почему он должен являться на завтрак, почему нельзя поесть в номере. Но увидев, что здесь, как в хорошем ресторане, все столики разделены перегородками на уютные кабинеты, успокоился. У каждого стола стоял с одной стороны диванчик, с другой – стул. Можно было остаться в кресле, отодвинув стул или пересесть на диван. Глеб предпочел второе, перебравшись самостоятельно к радости Ника. Кормили на редкость прилично, Глеб налегал на яичницу с беконом, а Никита цедил кофе и мучился от невозможности закурить. А потом у Глеба упала вилка.

Ник даже не придавал значения этому происшествию. В случае с Глебом нормальная ситуация, штатная. Но Глеб почему-то вместо того, чтобы кликнуть официанта и потребовать заменить прибор, полез его доставать. Неловко наклонившись, задел стол, зацепил скатерть, и стоявшая на краю чашка слетела на пол и разбилась.

- Не обжегся? – Ник вернул скатерть назад и повернулся к Глебу. – На тебя чай не попал? Глеб?

Любимый застыл с каменным выражением лица. И опять эта безысходная тоска в глазах, от которой они с таким трудом избавлялись.

- Глеб? Глебушка, родной, ну ты чего? – он начал тормозить любимого, стараясь поймать его взгляд. – Да черт с ней с чашкой, сейчас другую принесут.

- Не надо.

- Почему?

- Я наелся. Пошли в номер? Лечь хочу.

Начинается! И голос опять тихий-тихий, и смотрит куда-то на свои колени.

- Какое лечь? У тебя бассейн сейчас. Поплаваешь. В воде Мертвого моря. Знаешь, как классно? На воде можно сидеть! Тебе понравится!

- Ник, я не вчера родился. И я купался уже в Мертвом море. Когда еще мог плавать.

Никите захотелось завывать. Ну опять. И из-за чего! Из-за чашки!

Он уже хотел было уступить, но вспомнил Ташу, ее пожелание засунуть диплом психолога в одно интересное место и то, как она сама управлялась с Глебом. И проявил настойчивость:

- Нет, мой хороший. За все заплачено! Сейчас пойдем плавать, потом заворачиваться в грязь, потом на магнит. А после обеда можешь ложиться в кровать и хандрить до

завтрашнего утра.

- У меня спина болит, — уперся Глеб.
- В бассейне пройдет.
- И настроения нет.
- Купаться можно без настроения, поверь.

Никита ждал. Если Глеб с ним согласится и поедет в бассейн – хорошо. Если уперется рогом, ему придется выразить открытый протест и самостоятельно отправиться в палату, что тоже неплохо – лучше проявление эмоций, чем хандра. Глеб выбрал первое. Правда, ворчал всю дорогу.

В бассейне он тоже ворчал: спуск неудобный, вода холодная, народу полно. Хотя на самом деле спуск был отличный, вода нормальная, а в огромном бассейне купалась только одна девушка, никак на Глеба не среагировавшая. Инструктор помог Глебу спуститься в воду, предупредил, что купаться можно не более пятнадцати минут, а потом, если есть желание, можно продолжить водные процедуры в соседнем бассейне с пресной водой.

- Еще делать нечего, — пробормотал Глеб, цепляясь за специальный поручень – слишком соленая вода выталкивала его, не давая окунуться.

- Ложись на воду, — посоветовал Никита. – Ложись, не бойся, она будет тебя держать.

Судя по недоверчивой мордочке, наврал он, что уже купался в Мертвом море, точно наврал. Но все-таки улегся на воду.

Когда пятнадцать минут прошли, и с помощью автоматического подъемника Глеб выбрался из бассейна, от мрачного настроения не осталось и следа.

- Понравилось? – Никита помог ему вытереться. – Ну что, в душ или в пресный бассейн?

- В бассейн!

- Чудненько!

В пресном бассейне вообще никого не было, и Никита полез с Глебом в воду. В одиночку Глебу пришлось бы плескаться только возле поручня, в огороженном «лягушатнике». С сопровождающим же можно было плавать по всему периметру, правда, в спасательном жилете.

- Позорище, — ворчал Глеб. – Как трехлетний карапуз. Я вообще-то отлично плавал раньше.

- Я тоже. Вот закончишь изображать инвалида, увезу тебя в Сочи и устроим

соревнование, кто круче плавает. Спорим, ты не умеешь с буны нырять?

- Кто не умеет? Я? – тут же завелся Глеб. – А в водное поло ты играть умеешь?

- Конечно умею! Хочешь сыграем? Тут вот мячик есть!

Мячики и правда имелись, не совсем такие, как надо, но за неимением лучшего сойдет. Никите, конечно, приходилось поддаваться, но Глеб этого не замечал. Глаза азартно заблестели, он уже забыл и про жилет, и про детскую глубину, и про пристально следящего за ними инструктора – лишь бы дотянуться до мячика, кинуть посильнее, забить гол.

Они так увлеклись, что чуть не опоздали на грязевые обертывания. А во время магнитотерапии Глеб вообще уснул, утомленный обилием событий. Так что обедать не поехали, отправились сразу в номер отдыхать.

@@@

Звонок Ольги Звягиной стал для Глеба полной неожиданностью. За эти дни он вообще забыл про существование телефона. Все люди, которым он был нужен, оказались рядом, а остальные... На поддержку остальных он и не надеялся. Просто старался не думать о той жизни, которая осталась в России, в Москве.

Телефон оторвал его от книжки, которую они читали совместными усилиями: Никита накачал в Интернете детективов и читал ему вслух с планшета. Иногда менялись ролями, но с планшетом у Глеба как-то не складывалось, все время норовил ткнуть пальцем не туда, так что читал в основном Никита.

От Глеба не укрылось, как насторожился мальчишка, когда раздался звонок, но ничего не сказал.

- Да. Да, это я. Здравствуй, Оля. Где нахожусь? На Земле Обетованной.

Глеб помрачнел. Вдаваться в подробности он не собирался. Но разве от Ольги с ее диким темпераментом так просто отвяжешься?

- Глеб, мне тут халтурку интересную предложили, с третьего по пятое число включительно, шесть концертов по Подмосковию. Клин, Павловский Посад, Подольск, еще там что-то. Ну ты понял в общем. Дома культуры, но там прилично мест, по тысяче будет. И обещают полный сбор.

- Елки, что ли? – усмехнулся Глеб, прикидывая числа. – Снегурочкой будешь?

- Ну считай, что елки, только для взрослых. Нет, ну правда, Глеб, у народа десять дней праздников. Что им делать? Тупо водку пить? Мне кажется, отличное время для концертов.

- Ну а я тут причем?

- Так я тебя в пару зову. Ну тяжело же два концерта в день одной. Публика у нас с тобой похожая, отделение ты споешь, отделение я. И парочку дуэтов засандалим. Гонорар пополам, я не жадная. И потом, я ж тебе с того раза должна.

- Ничего ты мне не должна, — поморщился Глеб.

Полгода назад Ольге срочно нужны были деньги, чтобы вытащить одного из сынков из очень неприятной ситуации, а Глеб как раз «чесал» по средней полосе России. Ну и взял ее за компанию, по той же схеме, что сейчас предлагала Звягина.

- Соглашайся, Глеб!

Немов вздохнул.

- Не могу, Оленька.

- Только не говори, что занят? Ты же никогда на праздники ничего не планируешь.

- Оль, я зал не соберу. И у тебя из-за меня сборов не будет.

- С чего вдруг?

- Ты за прессой совсем не следишь, да?

Повисла пауза. Потом Ольга уточнила:

- Ты про фотки в «Гламуре»? Слушай, я еще хотела сказать, что нельзя столько пить, Глеб! Или... Постой, это правда, что ли? Ты по мальчикам пошел? Блин, я думала, ты нажрался до беспамятства.

Глеб со свистом втянул воздух сквозь зубы. Врать почему-то не хотелось. Теперь какая разница уже?

- Изначально по пьяни и было. А теперь все серьезно, Оль. Прости.

- За что? Мне какое дело? Так ты из-за этого не хочешь ехать? Ты серьезно считаешь, что бабки, которые ходят на наши с тобой концерты, читают «Гламур»?

- Слухи-то дойдут. Неужели еще нигде не перепечатали? С подробностями?

- Не знаю, честно. В тусовке что-то такое обсуждали, но ты же знаешь, я не любитель сплетен. Глеб, не страдай фигней, поехали работать!

- Не могу.

- Да почему?!

- Меня парализовало, Оль. Только никому, ради Бога.

Ольга на том конце зависла на пару секунд. А потом вопросы посыпались градом:

- Что случилось? Инсульт? Ты где находишься? Я приеду! С тобой кто-нибудь есть? У тебя деньги есть?

- Тише, тише! Доктор говорит какое-то матерное слово, я не помню. В общем, паралич на фоне стресса. Я в Израиле, как уже сказал, в Эйлате, в реабилитационном центре. Со мной Никита.

- Тот симпатичный мальчик, твой помощник? Поймай, так он... Вы с ним... Ну да, фотографии же...

Глеб молча ждал, пока Ольга уложит все подробности в голове по полочкам.

- Я приеду, Глеб! Через пару дней. Что тебе привезти?

- Яду.

- Ну это непременно. И для Ромки захвачу. Скотина какая, мне ни слова не сказал, а мы ведь виделись.

- Это не его тайна. Приезжай, Оленька, я буду рад тебя видеть.

Глеб Васильевич отложил телефон в сторону и задумался. Как там Никита называл подобные признания? Слово какое-то смешное, про камин. Причем тут камин?

- Никитка?

- Мм?

Парень лежал на кровати и делал вид, что увлечен чтением. А ведь слушал их разговор, можно не сомневаться.

- Как называется, когда геи признаются в том, что они геи?

- Камин-аут.

- А причем тут камин?

- Камин? Господи, Глебушка, ты чудо. Coming out, это по-английски, признание то есть. А с чего такой интерес? Ты решил теперь считать себя геем?

- А кто я? Сейчас в России меня вся пресса так будет называть.

- К черту прессу! Ты потрясающе красивый мужчина, который случайно встретил на

пути симпатичного юношу. И не смог пройти мимо.

- Ты что ли симпатичный юноша? – ухмыльнулся Глеб. – Юноша, шире меня в плечах. И сильнее в три раза.

- Да прям, сильнее! Давай устроим армрестлинг? Три тура! И проверим.

- А давай! Только смотри мне, не поддаваться!

===== Глава 4. Вечный город =====

Никита опасался, что после всех утренних процедур у Глеба просто не останется сил на экскурсию. Вон как его вчера выключило, почти до ужина спал, и вечер просидели в палате, сначала читали, потом боролись. Победил Глеб, разумеется, но сказать, что он очень уж поддавался, Никита не мог. У этого чертяки и правда хватка стальная. Так он еще потом гордый такой был, довольный, и потребовал себе гантели, чтобы не утратить превосходства, а то мол Ник качается, а он чем хуже? Почему нет? Пусть занимается, и для спины полезно. Никита в тот же вечер сбегал выяснил, где тут спортзал, записал Глеба, а гантели пообещал купить сразу по возвращении домой.

Он уже понял, что Глеба надо брать на «слабо», милому нужен повод проявить себя, соревнование. Вот и сегодня, прежде, чем Глеб успел заявить, что устал, Никита предложил:

- Давай перенесем экскурсию? Что-то я спал сегодня плохо, и жарко на улице, прямо никуда ехать не хочется.

Как он и ожидал, Глеб немедленно выпрямился в кресле, в котором уже начал сползать после сытного обеда.

- С чего это вдруг? Совесть есть? Здоровый мужик, хочешь лишить последнего удовольствия беспомощного инвалида? Я может с утра в ожидании!

Никита про себя усмехнулся. Что и требовалось доказать.

- Ну хорошо, поехали. Только куртку возьми, вечером в Иерусалиме может быть холодно.

Без споров покатил в номер за курткой. Никита же отправился договариваться насчет машины.

Они взяли только шофера, отказавшись от услуг экскурсовода. Глеб не любил посторонних, а Никита вполне мог рассказать и показать ему все самое интересное. Машина оказалась очень удобной, с большим багажником, куда поместили коляску Глеба. Сам Глеб с комфортом устроился на заднем сидении, привалившись плечом к Никите.

- Ну давай, рассказывай, — заявил он, едва машина тронулась.

- Что тебе рассказывать? – засмеялся Ник. – Мы еще никуда не доехали. Сейчас

начнуты пески и редкие пальмы, очень интересно!

- И что? Наплети что-нибудь из истории. Как Моисей водил тут евреев.

- Он не тут водил, а в Египте. И откуда такие познания, родной?

- Понятия не имею, всплыло в памяти. Ну если рассказа не предвидится, буду к тебе нагло приставать.

Рука Глеба легла на бедра Ника в опасной близости от ширинки, а голос понизился до шепота.

- Сколько нам там ехать? Час? За час можно столько всего интересного успеть!

Никита оторопел от такой самоуверенности. В машине водитель вообще-то, пусть они и отгорожены от него непрозрачной шторкой. Он постарался поймать взгляд Глеба – вроде бы правда хочет, не изображает. Ну что ж, секс – прекрасный способ почувствовать себя живым, для Глеба это сейчас важно. А Нику что, он всегда за. Раз любимого шофер не смущает, то почему бы и нет? Секс – не секс, но доставить друг другу удовольствие можно.

Никита потянулся к брюкам Глеба, но тот перехватил его руку.

- Нет-нет! Вести буду я. Ты просто расслабься, мой хороший.

Глеб накинул на них обоих свой плед. Никита по поданному Ташей примеру нещадно ругал его за появившуюся привычку накрывать ноги, хотя и понимал, откуда она берется. Но Глеб упорно таскал плед с собой, и сейчас он пришелся как нельзя кстати. Под тканью рука Глеба могла позволить себе любые шалости. Медленные движения сменялись быстрыми и уверенными, но стоило Никите начать толкаться в ласкающую его руку, Глеб замедлял темп, кончики пальцев едва касались возбужденного члена.

Руки у Глеба были мягкими и теплыми, самыми нежными, самыми любимыми на свете. Но их Никите уже становилось мало. Он прижимался к Глебу всем телом, вдавив его в спинку сидения, целовал упрямые губы и колючий подбородок – щетина до сих пор отрастала у него очень быстро, после обеда он начинал колотиться, а к вечеру щеки уже явственно отливали синевой. Раньше, если вечером был концерт или съемка, Глебу приходилось бриться дважды в день.

Никите хотелось хоть немного отомстить за свои мучения, завести Глеба, чтобы тот сам был заинтересован в скорой развязке, чтобы не был так садистски спокоен и нетороплив. Никита тщетно пытался добраться до любимого тела, но на Глебе было сто одежек – и футболка, и олимпийка, и еще легкая куртка сверху. Ну да, сам просил одеться потеплее, да и мерзнет он, практически не двигаясь. Но не подберешься же!

- Ты садист, Глебушка, — шипел Никита, тщетно пытаясь ускорить темп. – Мы так доедем быстрее, чем ты... Оу... Черт...

- Так нравится? – хищно ухмыльнулся Глеб. – А вот так? Если чуть ниже? Да-а, нравится. Ты ж мой котенок. Ну давай уже, можно.

Он крепко сжал руку и сделал несколько быстрых движений. Никита впился ему в шею, чтобы не издать лишних звуков. Зато застонал слишком сильно укушенный Глеб.

- Прости, родной. Но ты сам виноват, — спустя пару минут блаженства пробормотал Ник. — Ну и что теперь делать?

- Ты о чем? – и ресничками так невинно хлопает!

- Ну... Эээ... Я о последствиях... Плед теперь в мусорку.

- Сейчас прямо, в мусорку. В химчистку. Мой любимый плед.

Пока Никита кое-как приводил себя в порядок с помощью пледа и нашедшихся в рюкзаке влажных салфеток, Глеб с невозмутимым видом рассматривал окрестности, повернувшись к окну.

Застегнув джинсы, Никита придвинулся ближе:

- Эй, любитель экстремального туризма! Не желаешь поменяться ролями?

- Вечером, когда вернемся. У меня далеко идущие планы.

Теперь уже усмехнулся Никита, хорошо понимая, в каком состоянии они вернуться.

@@@

Уже первая остановка на Масличной горе подтвердила опасения Никиты, что работники экскурсионного бюро при центре несколько преувеличивали доступность Иерусалима для колясочников. Пандусы были далеко не везде, и несколько раз Нику пришлось попытеть, перетаскивая коляску через очередной порожек. Каждая такая ситуация заставляла Глеба мрачнеть. И все-таки, когда он увидел Иерусалим с горы, посветлел лицом, положил локти на перила, немного подтягиваясь, чтобы был лучше обзор.

- Красиво, правда?

- Очень!

И надо же было, чтобы именно в этот момент прямо над ухом раздалось:

- Ой, это же Глеб Немов!

Глеб вздрогнул и совершенно по-детски попытался вжать голову в плечи. Никита обернулся. На них неслась белокурая дамочка неопределенного возраста в какой-то жуткой короткой юбке розового цвета и салатной кофточке с огромным вырезом, в котором явно

просматривался бюст пятого размера. Но хуже всего было то, что следом за ней к ним спешило еще человек пять. Видимо, они нарвались на экскурсионную группу из России.

Никита запоздало вспомнил, что обещал Глебу кепку и темные очки. Очки остались в машине, кепку вообще забыли в номере. И теперь приближалась катастрофа.

- Ой, а можно с вами сфотографироваться? И автограф, для мамы!

Глеб вцепился в подлокотники. Его уже обступили со всех сторон. Любопытные глаза скользили по коляске, по неподвижным ногам, по Нику. Кто-то доставал фотоаппарат, кто-то тянул Глебу ручку и блокнот. А кто-то уже снимал Глеба на телефон.

- Не надо, пожалуйста, — пробормотал Глеб, отталкивая блокнот. — Я не Немов, вы обознались.

Голос тут же его выдал, конечно. Защелкал затвор фотоаппарата. Дамочка в розовом попыталась устроиться рядом с Глебом, чтобы попасть в кадр. И тут Никита окончательно пришел в себя.

- А ну-ка разошлись, пока я полицию не позвал! — рявкнул он, выдергивая фотоаппарат у новоявленного папарацци. — Вы приехали Израилем любоваться? Любуйтесь! Немов вам что, дрессированная собачка в цирке?

- Ты кто такой?

- Отдай камеру!

- Он народный артист, пусть общается с народом!

Недовольные реплики посыпались градом. Никита быстро стер фотографии и сунул камеру владельцу.

- А я видела этого парня в журнале! — вдруг взвизгнула дама в розовом. — Они же с ним педики! Точно, это он! Фу, какая гадость!

- Значит, автограф вам уже не нужен? Отлично! Тогда мы поехали! Приятного отдыха, — процедил Ник, берясь за ручки коляски.

Ему очень хотелось кому-нибудь съездить по морде, но Глеба надо было срочно отсюда увозить. Любимого и так трясло. Но хуже всего, что по щекам у него текли слезы. Глеб их даже не замечал. Он вообще смотрел прямо перед собой окаменевшим взглядом. Черт! Черт! Черт!!! Погуляли! Развевались! Все, Никита Иосифович, сегодня ночью тебе опять не спать, будешь караулить свое сокровище, чтобы он еще чего не натворил.

Они добрались до машины, Никита помог Глебу перелезть, убрал коляску, сел рядом. Заставил Глеба повернуться к себе лицом. Сначала вытер слезы ладонью, потом собрал остатки губами, прижал к себе.

- Успокойся, родной мой. Это всего лишь бздыхи. Они не стоят того, чтобы обращать внимание.

- Кто они?

Незнакомое слово вывело его из ступора.

- Бздыхи. У нас в Одессе так отдыхающих называли. Не совсем нормальные люди, солнышком пришибленные. Знаешь, в своих городах они порой прилично себя ведут, а на отдых приезжают и последние мозги теряют, в хамов превращаются.

- Они мои зрители, Ник...

- Да какие зрители?! Ты для них вроде обезьянки, еще один объект, с которым можно сфоткаться, чтоб потом друзьям показать. Они твои песни даже не знают. Это не твои поклонники. Люди, которые тебя по-настоящему любят и ценят, побоялись бы подойти и тебя потревожить. И точно не снимали бы исподтишка. Поехали в магазин, купим кепку, и больше тебя никто не узнает. Ты только не убеждай людей голосом Немова, что ты не Немов, ладно?

- Я не хочу никуда. Поехали домой.

- Нельзя, солнышко. Водиле за все заплачено. У нас с тобой не так много денег, чтобы швырять их на ветер. И вообще, ты позволишь бздыхам испортить нам экскурсию? Я для тебя еще сюрприз приготовил.

- Сюрприз? Сюрпризов мне и не хватает.

Но в магазин они все-таки поехали. Кепку не нашли, купили бандану на голову и арафатку из плотной ткани вместо пледа – прикрыть ноги. Никита уступил, решив, что стрессов на сегодня с Глеба хватит. Заодно зашли в кафе рядом с магазином, взяли какую-то местную сладость из козьего сыра с медом и фисташками, горячего чаю. Глеб ел, и это было хорошим знаком. А вот сторбленная спина и опущенные плечи – плохим. Постоянно хотелось его обнять, защищая от всех несправедливостей этого мира.

@@@

- Вот это – Голгофа! – преувеличенно бодро заявил Никита, когда они в очередной раз повернули и оказались на довольно просторной площадке. – Прямо перед тобой – Храм гроба Господня.

- Где?

- Кто где?

- Голгофа где?

- Вот, прямо перед тобой.

- Издеваешься, да? Голгофа – это гора! А здесь ровно. Скажи честно, тебе лень толкать коляску в гору.

- Чудо ты мое. Две тысячи лет прошло! Сровнялась горка-то! Давай-ка поторопимся, зайдем очередь в храм, а то нас толпа китайцев нагоняет, а они как саранча, размножаются на ходу. С ними мы до вечера простоим.

- Тут еще и очереди? За колбасой, что ли?

- Ну а как ты хотел? Сюда едут паломники со всего мира.

Никита пристроился в конец очереди, Глеб припарковался рядом. В черном с белым узором платке и очках вид он имел совершенно бандитский, чем немало забавлял Никиту. Но зато его больше никто не узнавал.

- А нас туда вообще пустят?

- Глебушка, ты чего? Как могут в храм не пустить?

- Ну не знаю. Может не стоит? Мы вроде как грешники. Еще рухнет он на нас...

- Ага, грешнее тебя тут отродясь никого не бывало. Утомонись уже. Первый раз слышу, что любить – это грех. Я все-таки надеюсь, у нас любовь, а не этот... Как его? Блуд, вот!

- Да и блуда в моей жизни хватало, — задумчиво произнес Глеб, рассматривая что-то на стене. – Ник, а это что за лестница? Стремянка какая-то. У них что, ремонт?

- А, эта. Нет, она тут уже кучу лет стоит, никто убрать не может. Тут же все святое, неприкосновенное. Вот какая из конфессий, служащих в храме, должна ее убирать? Католики, армяне, копты? Непонятно! Так и стоит.

Глеб хотел еще что-то спросить, но в этот момент рыжеволосый мужчина перед ними заметил коляску и начал что-то объяснять по-английски своим спутникам. Все как один закивали, одобрительно улыбаясь Глебу. Глеб напрягся.

- Что опять происходит?

Рыжий начал сбивчиво объяснять, помогая себе руками.

- Они нас пропускают без очереди, — перевел Никита. – Говорят, ты замерзнешь, тут ветрено.

- Да ну, ты чего...

- Не обижай людей. И они пропускают человека, а не артиста, как артиста они тебя точно не знают, так что не комплексуй. Поехали.

Никита поблагодарил туристов и покатил коляску ко входу.

Оказавшись внутри, Глеб ожидаемо испытал шок – слишком непохоже все это было на привычные в России храмы, слишком масштабно,людно и шумно. О чем он незамедлительно сообщил Нику.

- На втором этаже поспокойнее, но туда мы пойдем в следующий раз, когда ты встанешь, — Никита намеренно старался говорить «когда», а не «если». – А сейчас давай купим свечи и поставим за твое здоровье.

- Где купим?

- Да прямо тут, видишь, народ где толпится? Там уже освященные свечи, иконы и прочая атрибутика. Правда, дороже, чем на улице, зато не отходя от кассы, так сказать.

- Они что, в храме торгуют?

- Ну да. Удобно, правда?

- А это не грех?

- «Дом отца моего – не место для торговли» — сказал Иисус и изгнал торговцев из храма, — задумчиво процитировал Никита. – Как видишь, ненадолго изгнал. Да ладно, в России то же самое.

- Не знаю, я в России по храмам не хожу. Я вообще как-то не очень к этому всему...

Глеб замялся.

- Я тоже. Но быть в Израиле и не посетить это место – неправильно, согласишься? Родной, побудь тут, чтобы в толпу не лезть. Я куплю свечи и вернусь.

Глеб кивнул, хотя в глазах отчетливо читалась неуверенность. В этом большом, холодном и мрачном помещении ему явно было не по себе.

Никита быстро вернулся.

- Ну все, пошли ставить. Главное, не перепутать, куда за здравие, а куда за упокой.

- Очень смешно!

У икон Глеб замолчал, думая о чем-то своем. Никита же поймал себя на том, что, кажется, первый раз в жизни о чем-то просит у Бога. Хотя в храмах бывал много раз – в детстве мать постоянно таскала его с собой. Он послушно ставил свечи, ни о чем не

задумываясь, просто делая соответствующее ситуации серьезное лицо. В Москве с Ташей пару раз на то ли пасхальные, то ли рождественские службы ходил, по приколу и за компанию. Он всегда полагал, что человек сам вершит свою судьбу, и глупо просить высшие силы, если ничего не пытаешься изменить. И вот первый раз он не может надеяться на себя, и вынужден просить. Только чтобы жил. Хорошо бы, чтобы еще и был здоров. А все остальное – такие мелочи...

Поставленные им свечки горели ровно. Это хорошо, говорят. Кто на самом деле знает, как хорошо...

- Ник...

Так, пять минут покоя закончились.

- Что, солнце?

- А там что за камень?

- Пошли посмотришь. Это плита, на которую возложили тело Христа после распятия.

- А почему столько народу? И все с сумарями.

- Тут заряжают иконы, кресты, свечи освящают и так далее. Хочешь, твой крестик освятим?

- Не надо, Никит, я и не расстегну его. Это просто память о маме для меня, поэтому и ношу.

- И для меня память, — пробормотал Никита, вспоминая, как именно по этому кресту понял, что Немов ему не приснился в ту самую первую ночь. С этого и начались их отношения. Господи, кажется, это было так давно.

- А зачем на эту плиту тряпки кладут?

- Не тряпки, платки. Считается, что камень мироточит, вот и собирают драгоценную миру.

- Считается?

- Ну да, вообще-то служители каждый день натирают камень бальзамом, остатки которого и оседают на платках паломников.

- Но это же обман!

- Почему? Кто-то утверждал, что камень именно мироточит? Нет. Сами собрали, сами решили. Какая разница? Главное, чтобы людям помогало. Ну что, набрался благодати? Поехали на выход?

Никита заметил, что Глеб начал ерзать в кресле. И правда слишком много впечатлений на сегодня. А им еще в одно место нужно успеть.

Когда они добрались до Стены плача, уже начало смеркаться. Но здесь было как всегдалюдно. Ортодоксы били поклоны и читали молитвы, время от времени присаживаясь на заботливо расставленные у стены пластиковые стулья отдохнуть. Туристы совали записки со своими желаниями в расщелины.

- Так, мальчики налево, девочки направо, — Никита сориентировался и направил коляску в нужную сторону. — Записку будешь писать?

- Кому? Ему?! — поразился Глеб.

- Угу. Все пишут. Есть у тебя заветное желание?

- Ну... В принципе...

Никита порылся в своем дорожном рюкзаке и выудил огрызок бумажки и ручку.

- На, пиши.

- Очки...

- Кто бы их взял. Пиши крупно.

Подглядывать Никита не собирался, но он стоял за спиной Глеба, а писал любимым крупными, слегка корявыми из-за отсутствия очков буквами. Хватило мимолетного взгляда, чтобы прочитать: «Пусть Ник всегда будет рядом». И пришлось закусить губу, чтобы не выдать себя. И украдкой вытереть глаза. Стараться держаться за Глебом, пока тот, пыхтя от старательности, сворачивал бумажку в тугую пульку.

Протиснуться к Стене между оккупированными пространство ортодоксами было не так просто, и коляску пропускать они не спешили. Но Никита довольно бесцеремонно растолкал парочку, выслушав что-то явно нелестное на иврите в свой адрес. Плевать. Глеб запихнул бумажку в подходящую расщелину, довольный как слон. И только потом спохватился:

- Никит, а ты?

- Что я? Я обо всем уже в храме попросил.

- У тебя одно заветное желание, что ли?

- Нет. Но второе уже исполнилось. Поехали, солнышко, становится совсем темно и холодно.

В машине Глеб почти сразу уснул, прижавшись поплотнее к Никите, устроив голову у него на плече. Никита прикрыл любимого не очень чистым пледом, так и валявшимся в машине, утайкой коснулся губами сомкнутых век. Правда спит. Вот такое его странное счастье. Признавшееся сегодня в том, что любит. Как умеет, пусть с оттенком эгоистичности, но любит. Не просят люди у Стены плача о случайных увлечениях и мимолетных желаниях. В Вечном городе поневоле становишься серьезным и четко осознаешь, что лично для тебя важнее всего. Наверное, потому, что здесь остро чувствуешь дыхание Времени.

===== Глава 5. Ульяна Громова =====

Поездка в Иерусалим так утомила обоих, что на следующий день они едва не проспали массаж. Глеб вообще подбивал Никиту прогулять его и сразу отправиться на завтрак, но Ник не поддавался – вытолкал свое сонное сокровище из постели и повез лечиться. В бассейне сегодня никто не резвился, Глеб вяло плавал вдоль бортика, судя по всему, мечтая быстрее вернуться в номер. Глядя на него, Никита даже засомневался, не переборщил ли он с прогулками, но вспомнив, как светились неподдельным интересом вчера глаза Глеба, как загадывали желания и дремали друг у друга на плече в машине, решил, что все было правильно. Еще пару дней отдохнет, и надо свозить его в Вифлеем. Или по Эйлату покататься, тут тоже много интересных мест.

Оставив Глеба в грязелечебнице и условившись, что на магнит тот съездит сам, Никита пошел покурить и прогуляться до ближайшего магазина – на территории центра был только один маленький ларек, где ничего толкового не продавали, а Нику были нужны сигареты и что-нибудь сладкое на вечер. Часам к одиннадцати Глеба обычно надирало попить чаю, а у него чай без печенек-шоколадок-пироженных – это деньги на ветер.

На своих двоих Никита пересек парк за пять минут, если не петлять по проложенным дорожкам, а идти по газонам, получается гораздо быстрее. На выходе он обратил внимание на странную делегацию, о чем-то спорящую с охранником на корявом, явно не родном английском. Две девушки, на вид лет восемнадцати-двадцати, пытались пройти к кому-то из пациентов реабилитационного центра. На сестер девушки никак не тянули: одна высокая блондинка, почти модельной внешности, с выдающимся бюстом, в ярком сарафане, на

каблуках. Вторая маленькая, брюнетка, одетая и подстриженная под мальчика. И обе держали в руках по роскошному букету и по здоровой сумке. Все вместе это явно настораживало охранника, и он упорно стоял на своем:

- Позвоните вашему родственнику, пусть вас встретит!

- Интересные у вас порядки! – возмутилась брюнетка, с трудом подбирая слова и путая времена. – То есть больные люди на колясках должны ездить встречать здоровых?!

Охранник выдал долгую тираду о правилах внутреннего распорядка, которую девушки явно не поняли.

- Чего он от нас хочет? – по-русски обратилась одна к другой.

- Хрен его знает! Может, денег?

Никите стало жалко незадачливых посетительниц, он остановился.

- Охранник пытается вам объяснить внутренний распорядок центра, — пояснил Ник. – Ваш родственник должен либо встретить вас, либо заказать на ресепшн пропуск для посетителей. Проще всего позвонить ему сейчас.

- Мы не можем ему позвонить, — поджала губы брюнетка, даже не обернувшись. – Он нам телефона не давал.

- Спасибо! – добавила блондинка, улыбнувшись Нику и явно пытаясь смягчить резкость подруги. – Жалко, конечно. Куда это все девать теперь?

Она указала на сумки и букеты.

- Полицейское государство! – продолжила брюнетка. – У нас все было бы гораздо проще. Дал денег – и иди куда хочешь.

Она наконец перестала буравить взглядом охранника и подняла глаза на Никиту.

- Ой!

Сумка из разжавшейся руки выпала и ударилась об землю с глухим стуком.

Девушка попятилась от Никиты, как будто увидела приведение.

- Ла-арк! Эт-то он. Эт-то вы...

- Кто он? Уль, что с тобой? – растерялась блондинка.

- Мы знакомы? – удивился Никита, подбирая сумку. – Ого, у вас тут кирпичи, что ли?

- Книги, — машинально поправила Уля. — Детективы, про сыщика Гурова. Он любит. И сладенькое.

Все чудесатее и чудесатее! Сладенькое? И сыщик Гуров? Никита начал о чем-то догадываться.

- Вы ведь Никита, да? — пробормотала Уля, стараясь не смотреть ему в глаза. — Никита Тайлевич?

Поразительная осведомленность! Никита осторожно кивнул.

- В точку. И откуда вы меня знаете?

- Вы ... э-э... Помощник Глеба Васильевича. Разумеется, я вас знаю.

- Интересно! А вы так и не представились! — Никиту ситуация уже начинала забавлять.

Блондинка строила ему глазки, а брюнетка так мило смущалась. Судя по краске на щеках, она даже была в курсе, что он не просто помощник. И если он правильно понимал, кто перед ним, девушки сейчас должны были не смущаться, а кидаться выцарапывать ему глаза.

- Меня зовут Ульяна. Громова. Родители пошутили, на свою голову. Это Лариса. Мы приехали из Москвы, сегодня прилетели. Хотели вот оставить, для Глеба Васильевича, поддержать... Вы не могли бы ему передать? Цветы и гостинцы вот...

Голос становился все тише и тише, конец фразы Никита еле расслышал. И понял, что совсем ничего не понял. Из Москвы приехали. К Глебу. Поклонницы. Тут все понятно. Ну за исключением того, откуда они вообще узнали, что Глеб здесь. Пресса же не могла ничего написать о его болезни? Никто же не знает, кроме своих. А эти не просто знают, они еще и адрес нашли. Цветы приволокли, с книжками и сладеньким. Никита взглянул на букеты и помрачнел. Даже он не знал до юбилея, что Глеб не любит розы, и если уж дарить ему цветы, то полевые. А эти две мелкие засранки приволокли именно ромашки и васильки. И где только достали? Можно не сомневаться, что в сумках именно те конфеты и печенье, которые ест Глеб. С книжками они угадали стопроцентно. Только вчера Глеб ворчал, что ему не нравится читать с планшета, что он любит «нормальные» книги. И серия про Гурова у него самая любимая.

Приехать вот так, в никуда, за хрен знает сколько километров. Сумочку передать... И что это? Сумасшествие или особая форма преданности? Где они только деньги взяли на такое предприятие? И что с ними теперь делать?

- Ну пошли, — вздохнул Никита. — Проведу вас к Глебу Васильевичу. Он сейчас на процедурах, но через полчаса должен освободиться.

- Нет!!!

Сказано было хором и так громко и уверенно, что Ник опешил. Почему нет? Разве не для того, чтобы увидеть своего ненаглядного Немова, они сюда ехали? Не из-за этого спорили с охраной?

- Вы не хотите встречаться с Глебом Васильевичем? – осторожно уточнил он.

- Нет. Мы только гостинцы передать... Думали, через сестру какую, или под дверью оставить...

Под дверью. Мда.

- Но почему? Я же вас проведу! Я не могу гарантировать, что Глеб Васильевич будет гостеприимен и любезен, он вообще последнее время не очень в настроении. Но автографы-то даст, я думаю. Вот фотографироваться с ним сейчас не стоит.

- Я знаю, — кивнула Ульяна. – Он не станет с нами общаться. Сейчас тем более. С поклонниками нельзя общаться, их нельзя приближать к себе.

Последнюю фразу она проговорила как какую-то заученную мантру. И в ней без труда опознавалось авторство Глеба. У Никиты голова пошла кругом. Дурдом какой-то. То есть эти девушки прекрасно отдают себе отчет, что для Глеба они всегда будут людьми второго сорта только потому, что любят его ненаглядного? Ну или его творчество? И это их не останавливает?

- Пошли, — он решительно отобрал у девчонок сумки и подтолкнул их ко входу. – Не съест вас Глеб Васильевич. Я прослежу.

По глазам девчонок было видно, как боролись страх (вдолбленный самим же Глебом, не иначе) и желание увидеть кумира, вполне понятное и объяснимое.

@@@

По дороге в номер Никита пытался вспомнить, в каком виде они оставляли помещение утром, и можно ли вести туда посторонних. Благо, у них двухкомнатный люкс, в гостиной ничего лишнего быть не должно, хотя кто знает? С Глеба станется где-нибудь оставить не только грязные чашки или огрызки печенек, но и какой-нибудь интимный предмет гардероба.

К счастью, в комнате был относительный порядок. Глеб еще не вернулся, и Никита, усадив девушек на диван, занялся чаем. Ульяна распаковала сумки, и на столе, как Никита и предполагал, появились курабье, «Птичье молоко», гадкие на его вкус, но нежно любимые Глебом «Вагон Вилс» и еще с десятков наименований сладостей. Лариса расставляла чашки и помогала заваривать чай. Он Никиты не ускользнуло, как внимательно девчонки рассматривают интерьер, словно пытаясь запечатлеть его в памяти. А ведь это всего лишь казенный номер, пусть и «осененный присутствием» их драгоценного Немова. Как психологу Никите даже стало любопытно поведение поклонниц. Тем более, поклонниц его

Глеба, как-то очень отличающихся от остальных, насколько он мог судить. Чего только стоили их напряженные взгляды, бросаемые время от времени на дверь. Они же боятся появления Глеба!

- Так как вы узнали, что Глеб Васильевич здесь? – нарушил Никита уже ставшую неловкой тишину. – Я надеялся, хотя бы это в газеты не попадет.

- И не попало, пока, — уточнила Ульяна. – Мы тоже надеемся, что не попадет. Звягинские сказали, что их Ольга едет навестить Немова. Ну я выспросила подробности. В личке, конечно, так что ни на каких сайтах это не засветится.

- Звягинские?

- Поклонники Ольги Звягиной. Мы дружим Вконтакте. Мы вообще все между собой общаемся, поклонники артистов одного клана. Ольга со своими в хороших отношениях, иногда сама в Сеть выходит, дает информацию о выступлениях. Иногда даже билеты им оставляет.

В голосе Ульяны прозвучала явная зависть. Никита потряс головой, пытаясь утрамбовать полученную информацию. Весь этот мир был для него совершенно непонятен и незнаком. Личка какая-то, кланы, Вконтакте, «Звягинские». Сидят перед ним две молодые симпатичные девушки. Зачем им это все? Мальчиков бы им хороших, чтобы дурью не маялись. Не мотались за стареньким дедушкой на край света. Мда, а сам-то... Да нет, ну тут вообще сравнивать нельзя. Он не девушка... И у него не такая охрененная разница в возрасте с Глебом. И вообще, он любит Глеба, Глебушку. А эти – артиста Немова.

- А дальше дело техники, — продолжила Ульяна. – Я пробила через интернет контакты этого центра, заказали билеты через Букинг. И полетели.

- Но зачем? Это же дорого!

От Никиты не укрылось, что одеты девчонки небогато. Лариса положила на стол старенький мобильник. Джинсы Ульяны явно были с рынка. Девчонки наверняка студентки, скорее всего, еще и не москвички. Живут на стипендию и то, что мама с папой пришлют, вряд ли они сами уже зарабатывают.

- У меня всегда есть НЗ на Глебушку. То есть на Глеба Васильевича, — тут же поправила Ульяна и снова уставилась в пол – она явно избегала встречаться взглядом с Никитой.

- НЗ?!

- Неприкосновенный запас, заначка. Я подрабатываю внештатником немножко – я на журналиста учусь. Ну и вообще так всегда было. Вдруг он концерт объявит? Или что-то случится, как сейчас... Никита Иосифович...

- Ради Бога! Никита и лучше на «ты»!

Ника аж передернуло. И отчество она его знает. Он не удивится, если и всю его биографию тоже, начиная с детства.

- Никита... Вы... Ты... Скажи, пожалуйста, он поправится?

Наконец-то она подняла на него глаза. И во взгляде Никита прочитал столько неподдельной тревоги, что стало понятно, и как они тут очутились, и что если нужно будет поехать за Полярный круг передать Глебу Васильевичу цветочки и справиться о здоровье, они поедут. Декабристки, блин!

- Нигде же правду не напишут... А спросить не у кого... Даже у Кароловских есть пресс-секретарь, который с ними общается. А мы можем только гадать и искать по всему Интернету. И трястись, если три дня Интернет ничего про него не написал. Сиди и думай, у него отпуск или что-то случилось. Впрочем, сейчас в Интернет вообще лучше не заглядывать.

Ульяна осеклась, но Никита и так ее понял. То, что все желтые издания и Интернет-сообщества сейчас обсуждают ориентацию Глеба, он не сомневался. Интересно, почему даже это не отвратило девчонок от их кумира? Ирма и та не выдержала. А этим все равно, что ли? Но спросить Никита не успел – дверь в номер открылась и появился Глеб.

- Ты представляешь, я опять уснул на магните! Какой-то засранец меня вчера основательно утрахал! – с порога выдал он и застыл. – Что здесь происходит?!

- Глеб, у нас гости! – как можно более доброжелательно сообщил Никита, краем глаза замечая, как окаменели девчонки, в ужасе рассматривая своего кумира.

Интересно, что их шокировало? Кресло, взъерошенная и недовольная фигура в нем, так мало походящая на «концертного» Немова? Или тот факт, что их божество произнесло нелитературное слово «утрахал». Которое, кстати, можно понять и буквально.

- Я вижу, что гости, — процедил Глеб. – Вы что тут делаете?

Девчонки синхронно подскочили. Схватились за букеты.

- Мы просто цветы передать... И гостинцы там.. Как вы любите... Мы не хотели...

Вряд ли Глеб понял что-то в этом лепете. Цветы он взял, секунду подержав в руках переложил на диван. Он буравил девчонок мрачным взглядом и молчал. И Никите все это очень не нравилось.

- Глеб, давай пить чай. Девочки из Москвы приехали тебя проведать. Кучу вкусностей привезли.

- Я их звал? – отчеканил Глеб.

- Мы уже пойдем, наверное, — пролепетала Лариса.

Ульяна в присутствии Глеба, судя по всему, вообще потеряла способность к диалогу. Она смотрела на него такими щенячьими глазами, что трудно было поверить, что эта девушка полчасом раньше ругалась с охраной, не побоялась сорваться в незнакомую страну почти без денег и вообще производила впечатление тех, что «коня на скаку...».

- Никуда вы не пойдете! – вмешался Никита. – Глеб, что с тобой? Давай к столу.

- Без меня!

Глеб Васильевич быстро пересек комнату и скрылся в спальне, неловко захлопнув за собой дверь. Никита повернулся к так и стоящим девчонкам, не зная, что сказать. Стыдно за любимого было невероятно.

- Простите его, дамы. Вероятно, Глеб Васильевич не очень хорошо себя чувствует и не настроен принимать гостей...

- Не надо, все нормально, — тихо пробормотала Ульяна. – Не надо было сюда идти. Он не любит, когда так...

Никита почувствовал, что сейчас лопнет от злости. Не любит он! Мать твою, звезда зоопарка! Убудет от тебя что ли, если ты два глотка чая сделаешь, уделишь девочкам пять минут своего драгоценного времени!

Он провожал девчонок до выхода с территории центра, тщетно пытаясь унять эмоции. Что-то им говорил, как-то даже шутил. Лариса иногда смеялась, Ульяна вежливо улыбалась, но в глазах обеих читались тоска и обреченность. Они ведь знали, чем все закончится. Знали с самого начала. И все равно ехали. Даже не для того, чтобы увидеть. А чтобы убедиться, что с ним все в порядке.

- Когда у вас самолет обратно?

- Сегодня вечером. Гостиница дорого...

Никита кивнул. У него была мысль предложить денег, но он был уверен, что Лариса в этой паре ничего не решает, а Ульяна не возьмет. Слишком хорошо знакомо ему это упрямое выражение лица, этот вызывающий взгляд, когда речь идет о деньгах. Сам когда-то таким был. Нет, ей сейчас не это надо.

- Ты куришь? – неожиданно спросил он, обращаясь к Ульяне.

Помедлила, но кивнула.

- Давай отойдем в сторонку, перекурим.

Лариса сделала вид, что разглядывает висящую на стене афишу. На иврите, ага. Ульяна

отошла с ним в сторону, достала почти что «детские» LD Pink. Курила она тоже по-детски, не втягивая дым.

- Послушай. У него нейрогенный паралич. Это значит, что проблема не в спине, а в голове. На фоне стресса. Пройдет стресс, и он встанет. Все будет хорошо.

Благодарный взгляд, короткий кивок.

- Значит, это не косяк Гутенберга?

- Господи, ты и про него знаешь? Нет, не его.

- А что со сценой? Он вернется?

- Не знаю. Пусть сначала встанет. Он считает, что теперь не сможет вернуться. После той публикации.

Молчание.

- Ты меня, наверное, ненавидишь?

Никита и сам не знал, зачем это спросил. Какое ему дело до чувств Глебовой поклонницы? Ульяна покачала головой:

- Это его выбор. Он не обсуждается. Лишь бы ему было хорошо.

Докурили. Никита замялся, не зная, как прощаться. Просто «Пока» — слишком мало, обниматься и целоваться на прощание в данной ситуации как-то странно. Но Ульяна сама подала ему руку, крепко пожала. Никита заметил, что на большом пальце у нее тонкая полоска серебра.

- Спасибо за все. Ларка, пошли.

Никита проводил их задумчивым взглядом. Пешком пошли, на автобус. С дешевенькими рюкзачками за плечами. Мда...

А в номере его ждала буря под именем Глеб Васильевич.

- Ты что устроил? Ты зачем их сюда притащил?

Глеб орал так, что, кажется, стекла звенели.

- Я никого не притаскивал. Они сами приехали, — Никита старался говорить как можно спокойнее.

Он сел на диван перед накрытым, так и нетронутым столом, отхлебнул холодный чай, наблюдая, как Глеб катается перед ним взад-вперед.

- Они стояли на проходной и не знали, как тебя найти.

- А ты им помог?! Кто тебя просил?!

- Глеб, я тебя не понимаю! Это же твои поклонники! Не враги, не журналисты, поклонники! Они приехали на последние деньги, даже не увидеть тебя – они на это и не надеялись. Не делай такие глаза, ты хорошо их выдрессировал, прямо как Ирму! И когда успел? Они не хотели сюда идти, собирались просто передать тебе цветы и гостинцы. Ну и узнать, как ты себя чувствуешь!

- Охренительно я себя чувствую! В инвалидном кресле! Как они еще сфоткаться меня не попросили! И спеть заодно!

- Эти бы не попросили! Они тебя боятся! Любят и боятся! И твой сволочной характер знают лучше, чем я! – Никита сам того не замечая тоже перешел на крик.

- Ах сволочной?!

- А какой?! Ты посмотри – все твои любимые сладости. Книжки про твоего Гурова! Цветы! Они хотели сделать тебе приятное и даже не надеялись на благодарность. Они просто тебя любят. И беспокоятся за тебя. Неужели так сложно было выпить с ними чаю? Это же твои зрители, ты для них всю жизнь работал.

- Да ни хрена они не меня любят! Они любят артиста Немова. Которого сами себе придумали! И если я каким-то образом вылечу из созданного ими образа, их любовь обернется в ненависть! Что ты знаешь о поклонниках? Увидел двух смазливых дурочек и купился? Знаешь, сколько я таких встречал? Сначала цветы и подарки, а потом из подворотни кислотой в лицо! Потому что она там что-то себе напридумывала!

- Тебе кислотой в лицо? – прищурился Никита. – Что-то незаметно!

- Ну не мне, но были прецеденты у коллег. И у меня всякого было достаточно, чтобы понять простую вещь: поклонников к себе приближать нельзя! А ты вообще поступил по-свински, притащив их сюда без предупреждения. Особенно эту!

- Кого?

- Черненькую. Как ее там зовут? Что-то такое революционное.

- Ульяна ее зовут. Громова. Почему революционное?

- Мда, чему тебя в школе учили? Ульяна Громова – героиня Молодой гвардии. Краснодон, партизаны, и все такое. И эта такая же, как ее легендарная тезка, больная во всю голову!

- Больная потому, что переживает за тебя?!

- А ты считаешь, это нормально переживать за дядьку из телевизора старше ее на сорок лет?!

- Не совсем, — уклонился от прямого ответа Ник. — Так ты ее знаешь?

- Примелькалась. На все московские концерты ходит, цветочки носит.

- И? Приставала к тебе?

- Нет.

- Домой приходила, под дверью спала?

- Нет.

- Жене звонила угрожала? Тебе секс предлагала?

- Тьфу, да нет конечно! — возмутился Глеб.

- Так а в чем ее неадекватность тогда заключается?

- Слушай, ну что ты ко мне пристал? Просто раздражает! Она в каждой дырке затычка. На концертах, в Интернете, на сайте. Все знает, везде лезет. Сюда вот принеслась, нахрен?

- Убедиться, что ты жив и здоров? Поддержать, как умеет? Как ты сам им позволяешь, в строго очерченных рамках.

- Никит, я тебя умоляю! Не надо защищать человека, о котором ты ничего не знаешь. Все они хотят одного и того же — переспать с кумиром. Но это не ко мне, я с поклонницами никогда не спал. А конкретно эту твою Ульяну я уже лет десять вижу постоянно!

- Сколько?! — Никита отставил в сторону чашку, из которой так и не попил. — Глеб, ей не больше двадцати. Если ты ее десять лет видишь на своих концертах... Ты понимаешь, что секс здесь не при чем? В десять лет о сексе не думают! И, ты меня извини, конечно, но как сексуальный объект ты ее вообще не интересуешь, скорее всего. У нее кольцо на большом пальце. Она в теме.

- Какой теме?

- Ну лесбиянка, если грубо.

- Потрясающе! У меня еще извращенцы в фан-клубе! Очень радует! И это только подтверждает мою теорию — они все больные!

- Да ни хрена ты не понял! — взорвался Ник. — Она в десять лет в тебя влюбилась. Как в папу! Не надо быть психологом, чтобы понять. Тут копни, и сто процентов выяснится, что

она из неполной семьи. Папы или нет, или такой, что лучше б не было. И она нашла себе тебя. Ходила на твои концерты, цветочки носила. А ты ее отпинавал. Ты же всегда отпинаываешь людей, которые тебя любят. Но одни, когда их мордой об стол, разворачиваются и уходят туда, где их больше ценят. А есть такие извращенцы, которые все равно будут рядом, будут терпеть и любить такого, какой есть. Получать, утираться и любить дальше. Мальчика она себе не нашла и найти не сможет. Потому что мальчики на твоём фоне проигрывают. И потому что от яйценосителей ничего хорошего она в жизни не видела. Вот и попала в тему. А ты остался, идеал, мать твою!

Глеб ошарашенно смотрел на орущего Ника, уже не пытаясь возражать. А у Никиты как всегда резко кончился завод. На кого он кричит? Кого защищает? Девчонку, о которой действительно ничего не знает? Или себя?

- Все, ладно, закрыли тему.

Помолчали.

- Ник...

- М?

- Ты понимаешь, что мы сейчас ругались из-за моей поклонницы?

Ы-ы-ы! Не убить бы сейчас никого! Случайно!

- Все, Глеб, реально! Давай закроем тему твоих поклонников раз и навсегда. Я уже все понял. Водить тебе больше никого не буду. Даже если придут пешком с Северного полюса. Разбирайся сам.

Никита схватил валявшийся на подоконнике планшет и ушел в спальню, забился в угол кровати и открыл первое попавшееся приложение, бесцельно глядя в экран. Не прошло и пяти минут, как послышался шелест протекторов и тихое урчание электропривода. Подъехать с этой стороны кровати трудно, тут узко, но Глеб постарался. Остановился напротив и замер, ожидая, пока на него обратят внимание. Господи, ну что еще? Не наорался, эмоций не хватило? Сейчас второй раунд будет?

- Никит...

- Что?

- Тебя я никогда не оттолкну. Слышишь? Что бы ты там себе не напридумывал! Не смей даже сравнивать!

- Ну конечно...

- Никит, это совершенно разные вещи. Ты самое дорогое, что у меня есть. Впрочем, ничего больше уже и нет.

- А если бы было?

- Это ничего бы не изменило.

- Глеб, нельзя так с людьми обращаться. Ты еще хуже дядюшки иногда. У него хоть четкое деление: свой-чужой, все честно. А ты внешне для всех «свой», а на самом деле «чужой» для девяносто девяти процентов.

- Но ты-тоходишь в этот один процент. Двигайся!

Залезло на его половину кровати, чудовище бесцеремонное, сунуло нос в планшет.

- А читать сегодня не будем?

Никита хотел напомнить, что ему привезли обычные книги, и он вполне может почитать без посторонней помощи, но передумал. Обидится же. Или опять поругаются. И смысл? Он устроился поудобнее и открыл приложение для чтения.

===== Глава 6. Работа =====

Дождь. Уже третий день подряд дождь. Удавиться можно от тоски. Глеб Васильевич зябко передернул плечами, плотнее завернулся в домашнюю байковую куртку и отъехал от окна. Надоело все. Каждый день одно и то же: ранний подъем, массаж, который уже даже перестал веселить своей двусмысленностью, завтрак, бассейн, который тоже достал, а в такую погоду так вообще не было никакого желания лезть в воду. Глеб постоянно мерз, и это тоже раздражало, раньше он всегда спокойно переносил и жару, и холод. После обеда вообще скука смертная. Из-за погоды они никуда больше не выезжали, да Глеб и не настаивал. От одной мысли, что они опять нарвутся на русских, что его кто-нибудь узнает, становилось тошно.

А еще Глебу надоела еда. Надоел хумус и лепешки, сухой фалаффель и пресный, с сиротливо плавающими кусочками морковки жидкий суп. Хотелось борща, нормальной отбивной, коньяка. И вообще хотелось домой. Но это было невозможно.

Глеб не очень представлял, где теперь его дом. У Никиты? Там хорошо, привычно, уютно. Да, и шестой этаж. И центр города, на улицу нос не высунешь. Заехав в эту квартиру, он уже никогда из нее не выедет. Если только на кладбище. Он будет сидеть в четырех стенах и зависеть от Никиты во всем: и материально, и психологически, и физически. Да лучше сразу на кладбище, чем такая жизнь!

В Нововнуково еще можно было бы жить. Там высокие заборы и огромная территория, его собственный лес, пятьдесят соток, не шутка. Чужих нет, соседи... Да черт с ними, с соседями. Можно забор еще поднять. В гости там ходить не принято, а так – в машину во дворе пересел и поехал, кто там кого видит. О том, что особенно ездить ему будет некуда, Глеб как-то не думал. Его больше волновало, что в Нововнуково два этажа, лестница. В частном доме лифт не сделаешь. Или сделаешь? Но где такие деньги взять? Денег нет

вообще. И не будет. На что он теперь может рассчитывать? На пенсию по инвалидности? Смешно!

А еще Ирма. Мысль о супруге больно резанула по сердцу. Глеб никогда не признался бы вслух, но он скучал. Может быть по Ирме, а может быть по той привычной жизни, которую она олицетворяла. Никита был замечательным, заботливым, внимательным, самым любимым мальчиком. Но порой Глебу не хватало каких-то банальных вещей – сочувственного взгляда, женской, почти материнской ласки, запаха духов, одних и тех же на протяжении тридцати лет. Он никогда не думал о том, чтобы расстаться с Ирмой. И уж тем более не предполагал, что слово «Развод» прозвучит из ее уст. Судебное извещение он получил уже в Израиле – Ромка привез его из Москвы. Согласие подписал, не задумываясь ни секунды. Ирма не знала, что с ним произошло, и не надо ей знать. Если бы он был на ногах, можно было бы спорить, попытаться что-то изменить. А так... До суда дело дойти не должно ни в коем случае, легче все подписать. О разделе имущества договорились по телефону – Ирма согласилась на московскую квартиру, это было справедливо, квартира была подарена ее родителями. Дом оставался за Глебом. Был еще вопрос, на что Ирма собирается жить. Алименты она требовать не могла, но Глеб всегда ее содержал и считал это нормой. Он и сейчас с радостью бы переводил на ее счет какую-то сумму... Если бы было, откуда переводить. К счастью, по телефону она про деньги ничего не сказала. Наверное, понадеялась на его порядочность.

- Солнце, ты где зависаешь? – Никита оторвался от планшета и обратил-таки на него внимание. – Ты как неприкаянный сегодня. Плохо себя чувствуешь?

- Что, вай-фай кончился? – съязвил Глеб. – И что ты нашел в этой своей игрушке такого интересного?

- Ну перестань. Я пытаюсь заработать немножко денег.

- Денег, — задумчиво повторил Глеб. – Тыкая в экран, ты заработаешь денег. Много?

- Как повезет. Сегодня уже десять тысяч.

- Рублей? А вот эта хрень, — Глеб стукнул по подлокотнику коляски, — сколько стоит?

- Не знаю, — пожал плечами Ник.

- А я знаю. Двести тысяч. Один день здесь – тридцать тысяч.

Никита отложил планшет в сторону и внимательно на него посмотрел.

- Откуда такая осведомленность?

- Оттуда же, из Интернета. Поиграл с твоей волшебной тыкалкой на досуге.

- И к чему вся эта математика?

- К тому, что я не собираюсь висеть ни на чьей шее! И тем более на твоей! Ты не должен работать, чтобы содержать меня. Давай заканчивать всю эту хрень и поехали домой.

Никита встал с кровати, подошел к Глебу, присел перед ним на корточки, чтобы глаза оказались на одном уровне, взял его за руки.

- Глеб, ну что ты опять начинаешь? Сейчас самое главное, чтобы ты поправился. Мы здесь лечимся.

- Да не лечимся мы! Мы убиваем время! И тратим деньги, которых нет. Ромкины, Иосифа, еще чьи? И главное, абсолютно без толку! Я не чувствую ног, я не могу ходить, и даже спина у меня по-прежнему болит. Я не получаю никакого удовольствия от пребывания тут, мне насточертели их супы и каши. Я хочу домой!

- Куда домой?

- В Москву!

Никита замолчал. Похоже, такого ответа он не ожидал.

- Глебушка, может быть, не нужно торопиться? Если тебе так тут не нравится, поехали к батюшке. Эля приготовит что-нибудь вкусное. Что ты хочешь?

- Я хочу в Москву, — отчеканил Глеб. — Там мой дом. А здесь все чужое.

- Глеб, ну что там сейчас делать? Зима, холодно.

- Тут тепло! Я промерзаю до костей! Сыро, противно, в кровать ложишься — все влажное, тьфу!

Никита крепче сжал его руки, согревая.

- Глеб, ну что ты. Дождь в Эйлате не может идти долго. Выглянет солнышко, все будет хорошо. Пойдем в кроватку, я тебя погрею. Хочешь, ванну налью?

- И занесешь меня туда на ручках? А потом покормишь с ложечки? Достало, Никит! Все достало!

Глеб выехал из спальни в гостиную. Даже уединиться негде — иногда ему хотелось отдохнуть от Никиты. Он не привык постоянно быть в чьем-то обществе, пусть даже в обществе своего любимого мальчика. В той, прежней жизни, он всегда мог уехать домой, в Нововнуково, закрыть дверь в свою спальню и побыть наедине с самим собой сутки, а иногда и больше. Ирма знала, что в такие периоды лучше его не трогать, он восстанавливает душевные силы, которые тратит на сцене. А теперь куда уехать, где запереться?

В кармане куртки завибрировал телефон. И несмотря на поганое настроение, Глеб улыбнулся, взглянув на дисплей. Ольга все-таки приехала!

@@@

Шумная, суетливая, как всегда ярко накрашенная, не стесняющаяся раговаривать в полный голос, Ольга привлекала внимание всех, кто встретился им по пути – и персонала, и пациентов. Кто-то ее узнавал, кто-то просто удивленно косился на странную русскую. Глеб сам выехал ее встречать, и теперь сильно об этом пожалел. До сего дня ему удавалось оставаться незаметным в реабилитационном центре. Но теперь из-за Ольги оборачивались и на него.

- Тебя совсем здесь не кормят? – пытала его Звягина. – А я тебя пряников привезла, настоящих, тульских. У тебя чайник-то есть? Сейчас чаем тебя напою. Что ж ты такой бледный? Почему загорать не ходишь?

- Я в бассейн хожу, на море холодно, — попытался вставить Глеб, но его тут же перебили.

- А баня тут есть? Русская? Тебе бы сейчас в баньке попариться, мигом бы все прошло. Вот я тебя веничком бы отходила, про все свои хвори забыл бы. Ну хотя да, откуда здесь русская баня. Здесь этот их, как его? Хамам, вот. Слушай, а мальчонка твой с тобой же, да? Теперь-то ты нас познакомишь? Он такой симпатяга!

Глеб хмыкнул.

- Мальчонка, ага. Лось здоровый, сто килограммов поднимает. Ну симпатичный, не спорю.

- Слушай, Глеб, а в сексе он как? – Ольга понизила голос до громкого шепота, озорно сверкая глазами. – Это правда, что мужик мужику может какое-то необыкновенное удовольствие доставить?

- Оля! – возмутился Глеб Васильевич. – Ты о чем думаешь вообще? Ты приехала болезного навестить или интимные подробности его личной жизни выпытать? Проходи, приехали. Вот твой «мальчонка»!

Никита встал при появлении дамы. Он уже успел вскипятить чайник и выставить остатки привезенных поклонницами сладостей. Правда, осталось совсем немного, вечерами Глеб Васильевич методично подчищал запасы.

- Знакомьтесь. Это Ольга, это Никита. Вы уже сто раз виделись, но надо же вас представить друг другу по-человечески.

- Очень приятно, — улыбнулся Никита.

- Какой же ты зайчик! – Ольга откровенно рассматривала его со всех сторон. – И весь такой серьезный, настоящий мужик. Не то, что наш Борюсик, правда, Глеб?

- Оля, ради Бога, — закатил глаза Глеб. – Давай оставим тему секса? Я как-то еще не привык к мысли, что теперь все в курсе моей ориентации.

Звягина выкладывала на стол пряники, пироги, банки с вареньем. Глеб Васильевич подумал, что у всех, кто его навещает, почему-то первая мысль – накормить. Но увидев явно домашние, Ольгой испеченные пироги с визигой, тут же сцапал один, не дожидаясь, пока Никита разольет чай.

- Рассказывай, что у тебя с ногами? Какая нужна помощь? – потребовала Ольга, с шумом отпивая чай из блюдечка.

- Да какая помощь, — поморщился Глеб. – Тут уже всех эскулапов подключили. Они считают, что это у меня в голове. Вроде как я себе болячку придумал. Ага, мне, видимо, нравится в инвалидном кресле сидеть и ног не чувствовать.

- Глеб Васильевич несколько передергивает, — вклинился в разговор Никита. – Никто не говорит, что он симулирует болезнь. Речь идет о том, что причина паралича психологическая.

Он еще долго рассказывал Ольге, как они лечатся, жаловался на Глеба, пытающегося отлынивать от процедур. Ольга цокала языком, хмурила брови и задавала вопросы. Глеб заскучал. Опять о нем в третьем лице, как о предмете мебели. Ему хотелось узнать московские новости. Но спрашивать он боялся. Боялся узнать что-нибудь неприятное о себе, о том, как изменилось к нему отношение коллег.

- Да, Глеб, я чуть не забыла! – Ольга порылась в сумочке и выудила оттуда конверт, положила перед Глебом. – Это от Ильи. Ну и я от себя добавила немножко.

- Что это? – Глеб взял конверт и заглянул внутрь. – Оля, это что?

- На лечение. И долг Азаду Илья тоже покрыл. Кстати, он очень на него зол, так что будут у Азада теперь крупные проблемы, я думаю.

- Ничего не понимаю. Илья тут причем? Ты ему сказала, что со мной?

- Прости, Глеб, надо было с тобой посоветоваться. Но он у меня в примерке был, когда я тебе звонила, сам половину слышал. И ты же знаешь Кароля! Для него помочь коллеге – дело чести.

- Мне тоже? Теперь?!

- А что изменилось? Ну да, Кароль не в восторге от твоих... кхм... предпочтений. И я думаю, когда ты вернешься, он основательно вынесет тебе мозг, вы опять поругаетесь, и дальше как обычно. Но он очень обеспокоен твоим здоровьем и хочет помочь. И я тоже. Так что возьми деньги, пожалуйста. И лечись!

- Подожди, — Глеб помотал головой. – А что с Азадом?

- А это уже Ромка твой его вкрячил Каролю. Рассказал эту историю с арендой. Как Илья орал! Мол, корпоративная этика, актерское братство и все такое. Ты же знаешь, он на этой теме повернутый. Тут же позвонил Азаду и сказал все, что о нем думает. В общем, за аренду ты больше не должен.

- Мда... Неисповедимы пути Господни, — пробормотал Глеб.

Никита фыркнул, подавившись чаем. Ольга тоже как-то странно на него посмотрела.

- Что?! – Глеб убрал конверт в карман куртки. – Израиль накладывает отпечаток. Не бойтесь, я не собираюсь теперь бегать по храмам и лоб расшибать. Так, к слову пришлось. Спасибо, Оль, правда. А Илье я позвоню.

- Это еще не все, Глеб. В Тель-Авиве студия «Ашали» есть, выпускает детские аудиокниги для русскоязычных. Так вот тебя там ждут в любое время для записи. Хотят, чтобы ты начитал им «Волшебника Изумрудного города» и еще что-то, я детали не знаю. Заплатят хорошо.

Глеб Васильевич ошалело смотрел на Ольгу. Никогда в жизни он сказки не начитывал.

- Это что, тоже Кароль договорился?

- Нет, это твой Дэнни похлопотал, у него же везде связи. Сам он тебе бояться звонить после того раза, попросил меня с тобой переговорить.

Ну да, действительно, предыдущий их разговор с Дэном не очень удался – тот позвонил в день после неудачной попытки Глеба вскрыть вены. Глеб Васильевич даже не стал выслушивать антрепренера, просто послал его к черту и попросил больше не звонить. Теперь было стыдно, конечно.

- Но подожди, Оль, я не могу. Как я, на кресле...

- А какая разница? Это же аудиокниги, тебя никто не увидит. Будешь в студии перед микрофоном сидеть и начитывать, в чем проблема?

- А голос? Оль, я голосом вообще не занимался. Даже не пробовал с тех пор. Я может быть вообще не звучу.

- Тебе не петь предлагают, а читать! У тебя же тембр сказочный, мягкий, обволакивающий. То, что нужно для детских книг. И не только! Я бы на месте этой студии заставила тебя любовные романы читать. Бабы бы оргазм ловили на первых строчках!

- Оля! Ник тебя слышит, между прочим! Смотри, он у нас ревнивый!

- Я ревнивый? – возмутился Никита. – Кто бы говорил?

Мальчишка сиял как начищенный пятак. Неужели его новость о подвернувшейся работе так обрадовала? По правде сказать, Глеб тоже был рад, хотя и имел кучу сомнений. Он действительно даже не пробовал голос и не представлял, как это – начитывать книжки? Но попытаться стоило!

@@@

Никита наблюдал за Глебом, стараясь прятать улыбку. После визита Звягиной любимый просто расцвел. Не успела за Ольгой закрыться дверь, как он заперся в ванной. Никита сначала встревожился, а потом услышал сквозь шум воды обрывки арии Мистера Икса и успокоился – Глеб просто решил попробовать голос. И голос звучал, насколько Никита мог судить. Конечно, Глеб сейчас заявит обратное, найдет кучу недостатков. Но, во-первых, голос был в наличии, и это факт – после всего случившегося Ник опасался, что любимый вообще не сможет петь. А во-вторых, Глеба звали все-таки читать.

Распевшись, Глеб вернулся в комнату вполне довольный жизнью.

- Послушай-ка!

Чтобы спеть «Мистера Икса» Глебу пришлось выпрямиться в кресле. Плечи расправились, живот втянулся, и он снова стал напоминать Немова, даже несмотря на смешную домашнюю куртку в далматинovou пятнышку.

- Слышишь? Звучит! – гордо заявил он.

- Слышу, родной, уже все уши заложило.

- Сидя не поют, вообще-то, — вздохнул Глеб. – Но за неимением вариантов... Так, Никит, как хочешь устраивай, но завтра мы должны быть в Тель-Авиве. Я уже позвонил на студию, меня ждут к одиннадцати часам.

И когда успел?! Никита помедлил с ответом, пытаясь сообразить, как и на чем им доехать. Машину реабилитационного центра вообще-то заранее нужно было заказывать. Глеб требовательно и нетерпеливо на него смотрел. Да, попробуй скажи ему сейчас, что время двенадцатый час ночи, как-то поздновато идти договариваться.

- Ну хорошо, давай возьмем обычное такси.

Глеб кивнул.

- Поможешь собраться? Где моя сумка?

- Подожди, так ты что, возвращаться не собираешься?

- Нет конечно! Мы уже говорили об этом. Твой реабилитационный центр – пустая трата времени! Раз уж мы едем в Тель-Авив записываться, зачем мотаться туда-сюда? И потом, вряд ли мы запишем все за один день.

В глазах Глеба застыло хорошо знакомое Никите упрямое выражение. Бесполезно с ним сейчас спорить. Да может быть и не надо.

Собирался Глеб энергично, явно радуясь возможности покинуть насточертевшее заведение.

- Мне нечего завтра одеть! – горестно возвестил он, открывая шкаф, чтобы отправить в сумку его содержимое.

Действительно, никто не предполагал, что в Израиле Глеб будет работать, с собой брали два спортивных костюма, полудомашние футболки и джинсы. С точки зрения Никиты в студии вполне можно появиться и в футболке, но только не Немову! Этот должен всегда быть при полном параде.

- Давай завтра заедем в какой-нибудь приличный магазин и тебя приоденем, — предложил он, подозревая, что сейчас начнутся протесты – не те магазины, дорого, он на коляске, его узнают и так далее.

Но Глеб неожиданно легко согласился.

- И туфли нужны обязательно!

Ну конечно, куда нам сейчас без туфель-то!

- И седины в башке полно, — Глеб задумчиво рассматривал себя в зеркале. – Подкраситься надо.

У Никиты челюсть отвисла. Он предполагал, конечно, что Глеб подкрашивает волосы, но сам он никогда этот процесс не видел. И как-то не очень представлял.

- Сегодня уже не успеем, надо еще нормальную краску найти, — рассуждал Глеб, крутясь перед зеркалом в попытке рассмотреть затылок. – Завтра поеду седой. А вечером обязательно надо привести себя в порядок. Ты мне поможешь?

- Э-э, ну-у, даже не знаю. Может быть, Элю попросим? Думаю, она лучше в таких вещах разбирается. Мы ведь к бате едем ночевать? – осторожно уточнил он.

Глеб кивнул. Ну и чудненько. Дай бог здоровья Дэнни и Ольге. Кажется, Глеб начал оживать.

Остаток вечера Глеб репетировал – читал «Волшебника Изумрудного города». Читать ему пришлось с планшета за неимением книги. Даже разобрался, как куда листать. Что значит, мотивация появилась. Никита же валялся на кровати, слушая про приключения Страшилы, Железного Дровосека и остальных героев в исполнении такого родного голоса и одновременно пытаюсь смотреть телевизор без звука. Смотреть не получалось – куда больше его привлекало любимое сокровище, закутавшееся в плед, в очках, сползших на кончик носа,

с самым серьезным видом декламирующее детскую сказку.

Спать легли рано, чтобы успеть выспаться и выехать пораньше. Никита уже представлял, сколько времени потребуется, чтобы выбрать Глебу костюм, а если еще и с туфлями, то это часа на два, не меньше. За эти дни Ник выработал привычку засыпать после Глеба, на всякий случай. Как бы он ни вымотался за день, все равно не давал себе уснуть, пока не услышит размеренное сопение рядом. Обычно Глеб засыпал быстро, но сегодня процесс затянулся. Он то укрывался, то скидывал одеяло, поправлял подушку, переворачивался – он уже давно наловчился делать это самостоятельно, вздыхал, явно о чем-то размышляя.

- Ну что такое? – Никита приподнялся на локте. – Что ты маешься?

- Никит, я никогда ничего не читал для записи. Это Ромка у нас спец по таким вопросам, он кучу книг озвучил. Правда, взрослых. А мне петь привычнее.

- И что? Все когда-то бывает в первый раз. У тебя прекрасный голос, ты замечательно читаешь вслух. Детки будут счастливы.

- Угу... Слушай, я вообще не представляю, как они собираются микрофон опускать. В студии он фиксирован в расчете на стоящего певца. Сидя никто не записывается.

- Это у тебя на студии он фиксируется, а тут нет, наверное. Ну раз люди тебя приглашают, значит, как-то решат эту проблему.

- Ну да... Очки не забыть... И чаю бы с молоком, а то голос сядет.

- Господи, Глеб, да успокойся ты! Будет там чай. Очки я уже положил. Что ты как первоклассница нервничаешь? Первый в жизни выход на сцену?

- Ничего ты не понимаешь, — Глеб вздохнул и начал перелезать в кресло.

- Куда ты опять?

- В туалет. И пить хочется.

Ну все, началось. Сейчас полночи будет чаевничать и телевизор смотреть. Здравствуй, бессонница.

Никита посмотрел ему вслед, помотал головой и рухнул на подушки. Сегодня его точно не нужно пасти, пускай побудет наедине со своими мыслями.

@@@

Утром Никита обнаружил Глеба все так же сидящим у телевизора, из чего сделал вывод, что спать любимый не ложился. Но выглядел Глеб вполне бодро и жизнерадостно.

- На завтрак пойдём? – уточнил Никита, собирая последние вещи.

- Да ну их к черту, пусть сами едят свои каши, — Глебу явно не терпелось покинуть реабилитационный центр. – Заказывай такси и поехали уже.

- Подожди, солнце, тебе ещё придется посетить твоего лечащего врача. Карту забрать надо?

- По Интернету перешлют, — фыркнул Глеб.

- Ну хоть попрощаться? Невежливо как-то.

- За те деньги, что мы им платим, я должен ещё вежливым быть?! Бери сумку и рвем когти!

Никита улыбнулся. Действительно, все это было больше похоже на побег. Но у Глеба блестели глаза в предвкушении работы, и это самое главное.

Уже из машины он позвонил отцу, предупредить, что они сегодня снова свалятся на его голову.

- Выгнали или сами сбежали? – уточнил Тайлевич-старший, ничуть, впрочем, не удивившись.

- Сами сбежали. Глебу работу предложили. Дома объясню.

- Непременно. Тогда я скажу Эле, чтобы приготовила праздничный ужин и искупала это хвостатое чудовище, которое перепортило нам весь газон! Даже не представляю, что надо делать с собакой, чтобы так ее избаловать!

В Тель-Авиве Никита знал не так много магазинов и очень надеялся, что Глеб не будет слишком привередничать. Но Глеб оказался на удивление покладистым – в первом же бутике подобрал плотные темные брюки из немнущейся ткани, светлую тенниску и синий клубный пиджак, который хорошо смотрелся даже на сидящем человеке за счет укороченных пол. Переоделся Глеб тут же в примерочной. Туфли нашли в соседнем магазине – Глеб выбрал модель из мягкой замши. Так странно, теперь он уже не чувствует, если где-то давит или натирает, а по привычке берет мягкую обувь.

В помещение студии «Ашали» Глеб въехал при полном параде с застывшей на лице доброжелательной маской. Немов собственной персоной, с возвращением!

Коллектив тут работал молодой, явно не из тех, кто вырос на «Нивах России», но к Глебу все отнеслись уважительно и доброжелательно. Он напрасно опасался, микрофон в комнате записи легко подогнали под него, перед носом поставили ноутбук с крупным экраном, на котором шел текст. Тут же накрыли небольшую поляну – и чай, и бутербродики, и даже столь возделенный Глебом коньяк. Удачно записанную первую главу отметили рюмочкой, больше, правда, Глеб не пил, опасаясь за качество дикции. И все легко, весело, с

шутками. Никита курил на балконе студии и с улыбкой слушал треп девочки-помощницы звукорежиссера, рассказывающей, как она перебралась из Гомеля в Израиль и как непросто здесь найти работу. Все было замечательно.

До дома добрались уже ближе к вечеру. Слегка охрипший Глеб тискал соскучившуюся Динку, уплетал приготовленное Элей мясо с картошкой и жаловался на реабилитационный центр. Никита любовался своим ожившим сокровищем и размышлял, стоит его завтра на запись отпускать одного или еще рано? Смущала только машина – залезть в такси, вылезти, загрузить коляску в багажник – тут без посторонней помощи не обойтись. Но с другой стороны, таксисты в Израиле достаточно доброжелательны и толерантны, а Глебу нужно больше самостоятельности. Да и отдохнуть хоть пару часов друг от друга не помешает.

После ужина Глеб с батей отправились катать шары в бильярдную, а Никита традиционно взялся за ноутбук. Но на сей раз не для того, чтобы посмотреть котировки.

На сайт Немова он вышел без труда, но ничего интересного там не обнаружил. Официальная информация, биография, список песен и список наград. Скука смертная. И последнее обновление сделано при царе Горохе. Нет, те, кто ему нужен, тусуются явно в другом месте.

Чтобы найти страницу фан-клуба Вконтакте, ушло уже больше времени. Когда-то он сюда уже заглядывал, но поклонники Немова тогда произвели на него не самое хорошее впечатление, и он про них забыл. Теперь же его интересовал вполне конкретный персонаж.

Никите было интересно, насколько прав Глеб в своих суждениях о фанатах. Если верить его характеристикам, сейчас в фан-клубе должен быть подробный отчет о поездке, фотографии центра, где был Глеб, двери номера, в котором жил Глеб, дорожек, по которым ездил Глеб. А то и сделанные исподтишка фотографии самого Глеба. Но почему-то Никите казалось, что всего этого не будет.

Он пролистал стену фан-клуба. Записи с юбилея, фотографии с юбилея, какие-то старые записи Глеба образца восьмидесятых хренового качества, видимо, из какого-то архива стянули. Несколько статей, вышедших после юбилея, но из исключительно серьезных изданий. Про Никиту и скандальные снимки ни слова, как будто поклонники их не заметили. Неужели вообще ничего? Ай да Глебушка, великий воспитатель! Твои поклонники ведут себя в точности как ты – для посторонних глаз все должно быть чинно и правильно, какие бы страсти ни кипели за кулисами.

Никита спустился еще ниже, поглядывая на даты. Песни, статьи, фотки, опять песни. Оп-па, а это что? На картинке – иллюстрации к записи была изображена свеча. Ну спасибо, хоть не икона. Хотя да, какие иконы, тут же заповедь «Не сотвори себе кумира» на каждом шагу нарушается. Но это все неважно. Никита несколько раз перечитал текст. Черт, какие же точные слова, точнее не придумаешь. Он думал о том же самом в те дни, о том же просил в храме. Только сформулировать не мог. Он, уже несколько лет проживший бок о бок с Глебом. А эта мелочь с глазами побитой собаки и замашками литературной тетки, нашпатаки нужные слова, чтобы выплеснуть накопившуюся тревогу, но не сказать ничего лишнего.

Ты, пожалуйста, только живи...

Мне не надо ни песен, ни плясок,

Не нужны ни концерты, ни туры.

Ты, пожалуйста, только живи.

Пой, как можешь, без верхотуры.

А не хочешь, не пой совсем,

Ты живи только, долго-долго.

Твоя жизнь — нашей жизни свет,

Без тебя в ней ни смысла, ни толка.

Я не верю ни в бога, ни в черта,

Но по свечке поставлю обоим.

Попрошу для тебя здоровья,

А себе лишь в душе покоя.

Ты, пожалуйста, только живи.

Пусть завидуют, пусть обсуждают,

Пусть осудят и даже забудут,

Ты живи, ты дыши, заклинаю.

Ты, пожалуйста, только живи.

Все твои уже там, но ты с нами.

Мы к тебе хоть на край земли,

Только бы не в Колонный с цветами.

Ты, пожалуйста, только живи,

Так, как хочешь, и так, как живется.

Ну а нам всех богов просить

За тебя, что еще остается?

И подпись – Ульяна Громова.

Никита еще раз перечитал стихотворение, размышляя, показывать Глебу или не стоит? Да нет, не стоит. Опять начнет кричать и ругаться. Ничего ему не докажешь, да и надо ли? Как сказал один умный человек, прежде, чем спорить с любимым, подумай, ты хочешь быть правым или счастливым? Никита хотел быть счастливым. А стихотворение себе все-таки сохранил.

===== Глава 7. Жизнь налаживается =====

Жизнь постепенно налаживалась. Теперь не требовалось тратить уйму времени и сил, чтобы по утрам поднять Глеба с постели – он сам подпрыгивал в семь, а в половине восьмого, чисто выбритый и тщательно причесанный, уже требовал завтрак. Быстро перекусив и одевшись, целовал Никиту, трепал за уши Динку и, совершенно счастливый, отправлялся на студию. Никита провожал его до такси, помогал пересест в машину, каждый раз жалея, что его Бэха осталась в Москве. С Глебом он больше не ездил – любимый прекрасно справлялся сам, к тому же хотя бы иллюзия самостоятельности поднимала ему настроение. Полдня у Никиты было свободно, и он спокойно занимался биржей или тягал купленные для Глеба гантели – для него вес был маловат, но за неимением тренажерного зала под боком сойдет. Можно было, конечно, и тренажерный зал поискать, и машину в аренду взять, но Никита старался экономить, хотя бы на себе.

Из студии Глеб обычно возвращался уставший, но довольный. Пару часов отмалчивался, лежа перед телевизором, потом поддавался на массаж – Никита сумел-таки настоять на ежедневном массаже, хоть это он мог сделать самостоятельно и на дому.

К Глебу возвращались силы вместе с желанием жить. Никита искренне надеялся, что на студии захотят записать с Немовым еще хотя бы пару книг. И дело не в деньгах, Ник сам готов был приплачивать, лишь бы любимый был хоть как-то востребован.

Вечерами Глеб играл с Тайлевичем-старшим в бильярд или валялся с Никитой на широкой кровати в их спальне. Правда, никаких поползновений в сторону Ника он не предпринимал – присутствие в доме Иосифа Нахимовича обоих как-то стесняло, несмотря на запирающиеся двери и предельный такт хозяина. И когда батя вдруг объявил, что намерен на неделю вместе с Элей уехать в Египет, отдохнуть и сменить обстановку, оба вздохнули с облегчением.

- Вы точно справитесь одни? – беспокоился Иосиф Нахимович, пакуя чемоданы. – Пойми, сын, отпуск был давно запланирован, я тур за полгода вперед покупаю, так дешево. И у Эли день рождения, мы всегда справляем его в другой стране.

- Все будет в порядке! Я уже большой мальчик, а Глеб у нас сейчас так и вовсе паинька, — заверил отца Ник, уже предвкушая свободу.

Все-таки он успел подзабыть, каково это, жить с родственниками. Даже у Вяземских в Москве он редко оставался дольше, чем на пару дней. Как говорится, в гостях хорошо, а дома можно без трусов ходить. И сексом заниматься, когда хочется, и где хочется. Вчера вот, вернувшись вечером в спальню после последнего штурма биржи, Никита обнаружил свое сокровище с голым торсом, соблазнительно раскинувшееся на постели. Жарко ему, видите ли. И как пройти мимо? Но стоило Никите присоседиться и пристроить руку на некоторые интимные части любимого тела, как его мягко, но решительно отстранили:

- Не сейчас, мой хороший. Все дома, неудобно!

Неудобно ему! Неудобно ходить со стояком, между прочим.

- Ты еще скажи, что бати стесняешься! Двери запираются, вообще-то!

- Не то, чтобы стесняюсь, — совершенно серьезно ответил Глеб. — Скажем так, не считаю нормальным трахать его сына в его доме.

Ник аж воздухом подавился. С каких пор Глеба стали смущать такие вещи? И под одной крышей с Ирмой было, и у Вяземских, да и тут тоже еще не так давно! Он перечислил все это Глебу по пунктам, но тот только головой покачал:

- Мой дом — это мой дом, там я хозяин. Ромка не считается, это же Ромка! А тот раз, когда ты силой уволок несчастного инвалида в спальню и практически изнасиловал давай спишем на невменяемость нас обоих!

Никита был так озадачен появлением новых тараканов в голове любимого, что даже спорить не стал. Да по правде говоря, его и самого напрягало присутствие родителя, пусть даже на другом этаже.

Так что теперь, узнав про Египет, Никита строил далеко идущие планы на неделю и особенно на первый вечер. Романтический ужин — это раз. Ванна с аромамаслами и свечками — это два. И потом долгий, потрясающий секс — это три. Можно попробовать что-то особенное, например, вернуться к римскому массажу, в первый раз Глебу ведь понравилось? Больше они не практиковали, и так все хорошо было, но сейчас, когда выбор поз у них ограничен, почему бы не возобновить хорошее начинание? А еще можно воспользоваться неспособностью любимого к сопротивлению и заласкать его до потери пульса. В общем, было бы желание!

Судя по заблестевшим глазам Глеба, он думал о том же. Вот и чудесно, только попросить его не слишком уставать завтра на студии и вернуться пораньше.

Вечер получился суматошный — батя собирал вещи, Эля готовила еду для Динки и Джека на неделю. Ценные указания сыпались на Никиту нескончаемым потоком: когда и сколько кормить собак, какие цветы как поливать, что делать, если опять придет скандалить сумасшедшая соседка справа и так далее до бесконечности. Глеб с ухмылкой наблюдал за этой возней, а когда все наконец утомонились и разошлись по комнатам, уже лежа в постели

обнял его, прижал к себе и прошептал на ухо:

- Ты даже не представляешь, мой хороший, что тебя завтра ждет. Я дико соскучился по твоим сладким стонам.

Одних этих слов было достаточно, чтобы член Ника нетерпеливо дернулся. Но до завтра еще оставалась куча времени, и Ник только шумно выдохнул:

- Хочу тебя сейчас.

- Терпи, солнышко. Страдание, исполненное надежд, сулит влюбленным гораздо больше радости, чем миг блаженства, от которого угасают желания.

- Чего?!

Никита оторвался от обцеловывания выступающей ключицы и посмотрел Глебу в глаза.

- Ты где этой зауми набрался?

- Это Ромен Роллан. Классика!

- Терпеть не могу французскую литературу. Какой же ты у меня красивый!

Никита обвел руками плечи Глеба, совсем немного уже его собственных, руки с явно выступающими мускулами – с гантелями Глеб занимался сейчас каждый вечер, прошелся по груди, стараясь задеть соски.

- Красивый? Вы извращенец, молодой человек, — фыркнул Глеб. – Надо же выдать такую пошлость, как раз на уровне французской бульварной литературы. Можешь сказать, что я опытный любовник, если уж хочешь польстить, но назвать меня красивым, особенно теперь...

- Ты для меня самый красивый! Был и останешься! Даже когда будешь глубоким дедушкой!

- Ну говорю же, извращенец! Спи давай, хватит уже к моим интимностям подбираться! Завтра все будет!

@@@

С самого утра Никита носился по дому, готовя романтический вечер и сам над собой посмеиваясь – ну просто примерная женушка, которая проводила мужа на работу и бросилась на кухню к плите. Правда, начал Никита не с плиты, а с супермаркета. Выпроводив любимого, он отправился в ближайший гастроном за мясом, коньяком и свечками. Вообще-то Эля оставила им полный холодильник, но он собирался побаловать Глеба столь любимой им бараниной на углях, а еще хорошо бы яичек перепелиных вместо гарнира наварить, их Глеб тоже любит, может как семечки сразу пачку заточить.

В супермаркете нашлось и мясо, и яйца, и еще куча всяких вкусностей типа хамона и сыра Бри, мимо которых Никита не смог пройти. Не забыл он и заглянуть в секс-шоп, так удачно оказавшийся неподалеку – все-таки без нормальной смазки обходиться было проблематично. Девушка-продавец еще умудрилась всучить ему какой-то одеколон с феромонами и массажное масло. Словом, домой он вернулся, нагруженный пакетами.

Пока разбирал покупки, пока мариновал мясо и возился с барбекю на улице, пролетело полдня. Сервировать стол в гостиной Ник посчитал глупым занятием – Глеб терпеть не мог пафосные церемонии дома, на работе хватало. Поэтому он расставил тарелки и бокалы прямо на кровати в спальне, подложив книжки для устойчивости. Хорошо бы на полу все это организовать, в былые времена он так и поступал, и ужин на полу плавно перетекал в секс там же, но для Глеба сейчас перебраться с кресла на пол целое дело, на кровати ему будет гораздо удобнее.

Никита задернул шторы, создав в комнате полумрак, расставил свечи, на тумбочке пристроил планшет, который собирался использовать для музыкального сопровождения – он еще вчера подобрал подходящую случаю инструменталку. Собак накормил и запер обеих в вольере Джека, который чаще всего стоял открытым. Ник не имел ничего против шастающих по дому псов, но у Динки была отвратительная привычка садиться у кровати и наблюдать заинтересованными глазами за всем, что на ней происходит. Какие у Джека обычаи в этом плане узнавать совершенно не хотелось.

Закончив с делами, Никита отправился в душ. Заранее наливать ванну смысла не имело, остынет десять раз, да он и вообще сомневался, стоит ли. Прошлый раз упоминание о ванне вызвало у Глеба только отрицательные эмоции – залезть и вылезти из нее сам он не мог в любом случае. А Никите бы не хотелось портить вечер. Поэтому он решил принять душ, подготовить себя, а там видно будет.

В душе он простоял минут сорок, разрешив себе помечтать о предстоящем вечере, а заодно и снять излишнее напряжение. В силу возраста он мог себе позволить эту маленькую шалость – тем дальше сможет продержаться вечером. Это Глеб у нас товарищ долгоиграющий, Никите порой приходилось завидовать его выдержке и успевать два, а то и три раза прийти к финалу, пока любимый завершит начатое. Что ж, если разница в возрасте и отражалась на их сексе, то вполне благоприятно.

Когда Никита вышел из душа, переоделся в свежие джинсы и футболку и надушился купленным одеколоном с обещанными феромонами, часы показывали половину четвертого. Глеб обычно возвращался около четырех, так что Ник со спокойной совестью устроился на диване в гостиной, играясь с телефоном. Забивать голову биржей сейчас не хотелось, а телевизор он не слишком любил, так что скрашивал ожидание примитивной стрелялкой.

В очередной раз увидев на экране ехидную надпись «Gameover», Никита вырубил игрушку и посмотрел на часы. Половина пятого. И где Глеб? Обещал приехать пораньше, а получается уже попозже. Ник набрал любимого, тихо радуясь, что теперь можно спокойно звонить первому, а не ждать звонка на правах любовницы. Все-таки положительные

моменты в их нынешней жизни тоже присутствовали. Но казенный голос на том конце сообщил, что аппарат абонента выключен или вне зоны действия. Интересное кино! Неужели еще запись идет? А телефон зачем отключать, он же умеет в бесшумный режим переводить.

Никита некоторое время послонялся по дому, еще раз проверяя готовность к встрече. Снова набрал Глеба. Абонент вне зоны. Черт возьми, сколько же можно записываться? Глеб говорил, что сегодня они должны первую книгу закончить. Не успевают и решили писать до победного? Не похоже на Израиль, здесь никто не будет бесплатно перерабатывать. В чем же дело?

Никита начал не на шутку беспокоиться. В голову полезли нехорошие мысли. Не может такси поймать? Они за эти дни уже столкнулись с одним водителем, который не хотел связываться с колясочником. Но это было скорее исключение, чем правило – обычно таксисты очень доброжелательно относились к Глебу, всячески помогая ему залезть и вылезти, а один их бывший соотечественник, узнав Немова, даже отказался брать с него деньги.

И как назло у Никиты не было телефона студии. Не Дэну же звонить узнавать. Впрочем, через еще час он был готов звонить и Дэну, и хоть самому президенту, если это поможет отыскать Глеба. Но Дэн тоже оказался вне зоны доступа. Никита дважды выскакивал на улицу и доходил до места, где обычно останавливалось такси. Стоял у дороги, курил и возвращался домой в надежде, что Глеб уже там. Но дома никого не было. Что же делать? До студии ехать минут сорок, если он сейчас возьмет машину и поедет туда, они могут разминуться. А если окажется, что Глеб просто заработался, Ник непременно получит нагоняй и выставит себя нервной барышней. Ну и черт с ним! Лучше так, чем сходить с ума от неизвестности! Тем более, что начало темнеть.

Никита схватил барсетку с деньгами и ключами и уже направился было к двери, как та распахнулась, и на пороге появился Глеб. Но в каком виде!

Без пиджака и без куртки, в одной рубашке, еще и наполовину расстегнутой. Глаза шалые и блестят, волосы взъерошены, на щеках румянец. Да любимый пьян!

- Привет, солнышко! – улыбнулся он, увидев Ника. – Как жизнь молодая?

- Это как понимать?!

Никита так и застыл, с барсеткой в руках, разглядывая Глеба и пытаясь унять нахлынувшие эмоции.

- Что именно?

- Ты где был?

- На студии.

- Почему так долго? Это ты на студии так набрался? Почему телефон отключил?

- Я не понял, что за допрос? – говорил Глеб на редкость четко, то ли был менее пьян, чем сначала показалось Никите, то ли быстро собрался, почувствовав надвигающуюся опасность. – Я встретил старого друга. Мы зашли в кафе после записи, выпить рюмочку. Телефон разрядился.

- Какого друга ты встретил? Глеб, я же волновался! Время девятый час! Я уже бог знает, что подумал! И почему ты раздетый? Где твоя куртка?

- Мне жарко! А куртка... Забыл... В кафе, наверное... Или в машине. Сейчас, надо у таксиста спросить...

Глеб развернулся к дверям, и Никита заметил, что колеса он крутит руками.

- А что с коляской? Тоже разрядилась?

- Ну да... Черт...

Крутить колеса руками было ему совсем непривычно, да и не рассчитано это кресло на ручное управление. Никита решительно взялся за ручки:

- Все, Глеб, уймись. Таксист давно уже уехал. Давай в спальню, проспись, завтра будем выяснять, где твоя одежда и с каким другом где ты гулял, что умудрился посадить аккумулятор.

Никита тщательно следил за тем, чтобы аккумуляторы кресла всегда были заряжены, тем более сейчас, когда Глеб уезжал на целый день без него. Спокойный тон давался ему с большим трудом, но ругаться с пьяным и уставшим Глебом было абсолютно бесполезно, это Никита знал по опыту. Взявшись за ручки и толкнув коляску вперед, Никита наклонился над креслом, чтобы убедиться, не спит ли еще примолкший Глеб, и отшатнулся. Расстегнутый воротник белой рубашки Глеба изнутри был перемазан помадой. Ярко-алой помадой.

- Друга, говоришь, встретил? – процедил Никита, оттягивая испачканный воротник. – А это тоже друг оставил?

Глеб вскинулся.

- Слушай, что за допросы? Что за тон вообще? Я оправдываться должен? Ты что-то не понял, мой хороший. Я даже перед женой никогда не оправдывался.

- Даже?! То есть хочешь сказать, я в твоей личной иерархии приоритетов где-то после жены и собаки?

Никита уже напрочь забыл о решении не выяснять отношения сейчас. Обидно было до слез.

- Значит, я тебя выхаживаю, ношу с тобой как с писаной торбой. Готовлю романтический ужин, думаю, как бы так в постели извратиться, чтобы тебе удобно было, чтобы у тебя все получилось. А тебе уже ничего и не надо! Ты вырвался на свободу, ты снова Немов, и пошел по бабам? Как в лучшие годы? А я даже не Ирма, я должен молчать и терпеть? Так получается?

- Я не просил меня выхаживать! – глаза Глеба стали злыми и холодными. – И носиться не просил. Я тебе уже говорил, не нравится с инвалидом – не держу!

- Да причем тут это?!

- Ты сам только что сказал!

- Что я сказал? Ты услышал только то, что хотел услышать! Ты же всегда так делаешь, верно? Да, Глеб, я не Ирма! Я не смогу так! Если все – лучше сразу скажи, что все! Надоел, на девочек опять потянуло? Так скажи! Только не надо вот этих закулисных игр, вранья, отключенных телефонов и всего остального!

- Меня не...

Глеб хотел что-то сказать, но осекся. Пристально посмотрел на Никиту.

- Скажи, ты же повод ищешь? Ты хочешь поругаться и сделать виноватым меня? Чтобы не ты инвалида бросил, а он тебя? Тебя так совесть меньше грызть будет, да?

- Я?! Глеб, да что ж ты за скотина такая... Ты же...

Остаток фразы Никита проглотил. Еще только не хватало разрыдаться при Глебе. Не видя ничего вокруг, не соображая, что делает, Никита вылетел из дома.

@@@

Хлопнувшая дверь вернула Глеба к реальности. Да что же он творит? Кто его вообще за язык тянул? Ведь не было же, ничего не было. Из-за чего они поссорились? Ник сказал что-то про необходимость выхаживать инвалида, и у него слетели тормоза. Дальше он уже и не слушал. Но это неважно, сейчас все неважно. Куда побежал Ник? Нужно немедленно его догнать, остановить. Черт знает, что на уме у мальчишки. В таком состоянии можно наделать бед.

Как-то сразу вспомнилась веранда Вяземских и Никита, бледный, с неменяемым взглядом, пытающийся шагнуть через заграждение. И еще одна не менее «чудесная» картинка – сидящий на крышке унитаза парень, пытающийся трясущейся рукой вогнать в вену шприц с «дурью». Кажется, это было сто лет назад, в совершенно другой жизни. Глеб успел забыть этот кошмар, а теперь вот вспомнил.

Он дернул рычажок на подлокотнике, но коляска не двинулась с места. Твою же мать,

аккумулятор! Глеб заскользил руками по ободкам, вращающим колеса. Так скорость движения была совсем низкой, но выехав из дома, он успел заметить, в какую сторону свернул быстро шагающий Ник.

- Никита!

Голос потонул в шуме ночного города.

- Никита!

Его учили так владеть голосом, чтобы и без микрофона было слышно в последнем ряду. Но наполненная машинами улица – не концертный зал, а сбитое от быстрого движения дыхание не лучший помощник.

Глеб почти пересек двор, до калитки оставалось метров двадцать, но коляска вдруг перестала ехать. Он со всей силы давил на обод, но ничего не происходило. Глянув вниз, Глеб обнаружил, что съехал с мощеной дорожки за землю, раскисшую от недавних дождей. Без электропривода коляска буксовала, и Глеб только глубже зарывался в попытках выбраться.

- Никита!

Страх за мальчишку вытеснил все остальные мысли и чувства. Не отдавая себе отчета, что происходит, Глеб оперся руками на подлокотники теперь уже бесполезной коляски и встал. Ему некогда было прислушиваться к своим ощущениям, он даже не осознавал, что произошло. Хватаясь руками сначала за деревья, а потом за забор, пытаюсь не потерять равновесия, он делал шаг, другой, до тех пор, пока не добрался до калитки. Она осталась распахнутой, и Глеб оказался на улице. Он увидел Никиту сразу же, далеко парень уйти не успел – стоял через три дома от него, спиной к Глебу, и голосовал, пытаюсь поймать такси.

- Никита!

Глеб сделал еще один шаг, не заметив ступеньки – участок Тайлевичей был выше соседского, и теперь дорога спускалась вниз. Всего двадцать сантиметров, но Глебу хватило, чтобы оступиться, потерять равновесие и рухнуть. Он едва успел подставить ладони, ударился коленями о мостовую. Из глаз потекли слезы, не столько от боли, сколько от собственного бессилия.

- Глеб! Глебушка, солнышко!

Крепкие руки легко подняли его, обхватив поперек груди.

- Обопрись об меня. Вот так, умница. Ты встал, Глебушка! Ты встал, ты понимаешь?

Ничего Глеб уже не понимал. У него кружилась голова, его тошнило, у него болели колени и его бил озноб. Но он только молча прижимался к мальчишке, намереваясь ни на секунду его больше не отпускать.

- Не уходи! Слышишь? Никогда не смей так больше делать!

- Все, все, Глеб, успокойся. Все хорошо. Пойдем домой. Здесь совсем близко. Давай, шагай, ты сможешь.

Шагать уже не получалось, сил не было совершенно. Он висел на Никите, позволяя себя волочь домой, но он чувствовал ноги так же, как и все остальное тело. И даже это сейчас неважно. Куда важнее было ощущать тепло Никиты, родной запах табака, к которому примешивался еще какой-то, приторно-сладкий, явно дешевого одеколona. Мелькнула лишняя мысль, где только мальчишка нашел эту пакость.

Они ввалились во двор. Господи, до дома еще так далеко!

- Ник, подожди, мне надо присесть.

Голова кружилась так, что Глеб с трудом различал очертания предметов. Но куда собирается его посадить Никита, понял сразу, и вцепился в парня с удвоенной силой:

- Нет!!! Только не туда!

Никогда в жизни он больше не сядет в это кресло! Он лучше ползком домой поползет!

Никита все понял.

- Прости, прости, мой хороший. Черт, ну почему батя лавочки тут не поставил? Ну терпи, тогда, не на земле же сидеть. Ты и так весь холодный. Ну давай, еще немного.

Наконец они добрались до дома. Глеб рухнул на диван, кутаясь в подвернувшийся под руку плед. Он прикрыл глаза, в надежде усмирить свистопляску в голове, но тут же со стоном открыл их снова – так тошнило еще больше. Никита все правильно понял, понесся за тонометром. А когда тот показал верхнее под двести, за таблетками, понижающими давление. Потом с величайшей осторожностью мальчишка снимал с него штаны и обрабатывал ссадины на коленях и ладони – руки тоже пострадали от встречи с мостовой. Ну хоть не лицо, и то хорошо.

- Знаешь алгоритм действий при повреждении мягких тканей? – Никита все время о чем-то говорил, то ли отвлекая, то ли опасаясь, что Глеб отключится.

- Не знаю. Откуда?

- Подуть на вавку, поцеловать в лобик и угостить какао, — улыбнулся мальчишка. – Ну-ка дай лобик, какао тоже сейчас найдем.

- Хорошо бы. Холодно...

- Давай переоденемся. У тебя рубашка мокрая насквозь.

Никита начал расстегивать рубашку и стягивать ее, стараясь лишний раз Глеба не тормозить. Мелькнул перед глазами злополучный помадный след.

- Никит...

- Что, мой хороший?

- Ничего не было. Честное слово. Я на студии Алису встретил. Алиса Дейс, да ты ее наверняка знаешь? Шансон поет, еще из тех, первых эмигрантов. Мы сто лет не виделись. Я даже не знал, что она сейчас в Израиле живет. Она в соседнем помещении что-то записывала, в коридоре столкнулись. Никит, я Алиску знаю лет двадцать. Она такая... Ну... Своеобразная. Раскрепощенная очень. Для нее секс – это что-то вроде спорта. Она сама всех наших мужиков эстрадных в постель укладывала, говорят, и не только мужиков. У меня с ней было, но так давно, что я даже не помню. И всего один раз. Я так понял, что ей не понравилось.

- С тобой не понравилось?!

- Как мне льстит твое удивление! Понимаешь, она из тех женщин, что всегда сверху. Не в прямом смысле. То есть она любит вести. А мне это непонятно...

- Ну да, ты же у нас альфа!

- Именно. Женщина в постели должна получать удовольствие. И точка. Это с тобой еще можно пускаться в эксперименты.

- Консерватор!

- Возможно. Но суть в том, что повторять мы никогда больше не пытались. А у Алиски такое отношение остается ко всем бывшим, как к покоренным вершинам, понимаешь? Ее флирт иногда заходит слишком далеко. Она нагнулась меня поцеловать, в щеку, обнять. Ну и видимо не рассчитала, мазнула по шее. Неудобно же с сидящим-то. Не знаю, как так получилось, в общем. А потом мы пошли отметить встречу. Я знаю, я должен был ехать домой, ты меня ждал. И мне нужно было хотя бы позвонить. Но все так быстро произошло. И я так рад был встретить кого-то из той, прошлой жизни. А телефон и правда разрядился.

Никита аккуратно приподнял его, натягивая пижамную куртку, свел полы на груди, начал застегивать.

- Глеб, ты оправдываешься? Не надо. Я все понимаю – старые знакомые, интересное общение. Правда понимаю, меня ты видишь каждый день, круг общения слишком сузился. Ты привык быть центром притяжения всего и вся. Но, пожалуйста, не надо сравнивать меня с Ирмой. К чему все это вообще было? Ты мог просто объяснить, что случилось? Вот как сейчас. Неужели это настолько неприемлемо для тебя?

Глеб тяжело вздохнул, подтянул плед повыше, перевернулся на бок, сворачиваясь

клубочком. Господи, какое же счастье иметь возможность поджать под себя ноги. Не перетаскивать их руками в нужное положение, как какой-то мешающий балласт. Снова чувствовать свое тело полностью, пусть даже колени болят, а ступни мерзнут.

- Никит, прости, малыш. Я не знаю, что на меня нашло. Выпили мы с Алиской изрядно. А потом ты сказал, что тебе надоело выхаживать инвалида...

- Я этого не говорил!

- Ну что-то такое сказал. И меня перемякнуло. Ты на самую большую мозоль наступил. Я и так все это время думал, когда же тебе надоест. Ты не понимаешь, что значит чувствовать себя неполноценным.

Глеб со свистом втянул воздух. Не привык он объяснять свои поступки. Но сейчас чувствовал, что надо.

- А когда ты дверью хлопнул, я как будто проснулся. И чертовски за тебя испугался.

- За меня? А за меня-то чего пугаться?

- Да кто тебя знает? Опять решишь с балкона шагнуть. Или наркоту достанешь. Да просто под машину попадешь! Ты же вылетел, ничего не видя и не слыша. Я тебя звал, звал. А потом решил догнать.

- Глебушка...

На особые ласки сил у Глеба совсем не было. Но как не ответить на такой искренний, горячий поцелуй? Как не прижать к себе мальчишку, стиснув так крепко, как только возможно?

- Глеб, ты понимаешь, что произошло? Ты встал! Ты будешь ходить! — прошептал Ник ему куда-то в шею.

- Угу. И теперь я смогу тебя отрахать в той позе, в которой захочу, — в тон ему прошептал Глеб.

Засмеялся, паршивец.

- Что я сказал смешного?! Я совершенно серьезно.

- Угу. Верю, — сквозь смех пробормотал Никита. — Только у тебя глаза закрываются, трахальщик. В спальню пойдём или здесь спать будем?

- Никуда я сегодня не пойду. А завтра пойду. И на студию я пойду! И гулять мы с тобой пойдём. Без кресла, Ник! Пойдём, а не поедем.

- Конечно, родной, — Никита щелкнул выключателем и пристроился рядом. — Поделись

краешком пледа и спи уже!

===== Глава 8. Денди =====

Никита проснулся с ощущением праздника. Совсем таким же, какое бывает в детстве в первое утро нового года, когда нужно бежать к елке забирать подарки. Или в День рождения. Но сегодня причина прекрасного настроения крылась не в календаре – она лежала на соседней подушке и безмятежно спала. Однако пора было уже вставать.

- Глеб! Глебушка, — Никита склонился над любимым, провел рукой по волосам, коснулся губами сомкнутых век. – Просыпайся, мой хороший. На студию опоздаешь.

- К черту, — простонал Глеб, плотнее зарываясь в плед, который, стоило вчера Нику заснуть, полностью стянул на себя. – Позвони и отмени.

- С чего это?! Кто у нас рвался работать? Вставай! Вставай, страна огромная! Вставай на смертный бой!

Никита не успел пропеть и двух строчек, а Глеб уже сел в постели с мученическим выражением лица и заткнул ему рот ладонью.

- Миллион раз просил, не пой при мне! Мой слух этого не выдерживает!

- Зато ты проснулся, — несколько обиженно протянул Ник. – Не так уж плохо я пою.

- Да конечно. А репертуар! Ужас! Ладно, своего ты добился, только я все равно никуда сегодня не поеду. Дай телефон, позвоню отменю.

- Но почему?

- Не понимаешь? – Глеб серьезно посмотрел на Никиту. – В кресло я больше не сяду. Ни при каких обстоятельствах. Убери его вообще, чтобы я не видел, хорошо? А на ногах я боюсь, еще недостаточно уверенно держусь. Мышцы сводит, и колени трясутся.

- Это пройдет.

- Я знаю. Поэтому хочу сегодня побыть дома. Ты мне массаж сделаешь? И попробуем погулять. По двору.

- Ну конечно, родной, — Никита чмокнул его в нос. – А на студии проблем не возникнет? У них же тоже сроки есть, наверное?

- Думаю, все будет нормально, мы и так записали первую книжку гораздо быстрее, чем планировали.

Пока Глеб разбирался со студией, Никита разогрел мясо от несостоявшегося ужина, и вместе с миской перепелиных яиц и кружкой чая принес Глебу на диван. Он ожидал, что на еду любимый накинется, все-таки полсуток прошло с момента, когда он последний раз ел,

но Глеб как-то равнодушно посмотрел на тарелки, закинул в рот пару яиц и, отхлебнув чай, оставил чашку.

- Ты чего? Невкусно? Сладкого принести?

Отсутствие аппетита у Глеба самый тревожный признак, это Никита знал совершенно точно. Глеб помотал головой:

- Вкусно, просто не хочу.

Он сосредоточенно разглядывал свои ноги, Никита заметил, что он поочередно вращает носком то одной, то другой.

- Что, Глеб? Что-то не так?

- Не так. Болит. Сильно. Ноет и покалывает.

Глеб выглядел озабоченным.

- Родной, ну это же лучше, чем вообще ничего не чувствовать, правда? Конечно мышцы болят, они столько бездействовали. Давай попробуем встать и пройтись?

Уже по тому, как Глеб поднимался, морщась и тяжело опираясь на руку Ника, стало понятно, что с выводами они поторопились. Восстанавливаться придется основательно, это еще бате спасибо, что настоял на поездке в реабилитационный центр. Могло быть еще хуже.

До ванной кое-как добрались, и как бы ни кряхтел Глеб, надо было видеть его счастливое лицо, когда он наконец-то встал перед унитазом, как положено. Никита хихикнул и отвернулся, дабы не смущать. Никогда он еще не видел, чтобы человек писал со столь гордым видом. В спальню шли еще медленнее и пошатываясь. Глеб завалился на кровать и уставился в потолок. Никита занервничал. Он и сам понимал, что у них проблемы. В таком состоянии на студию не поедешь ни завтра, ни послезавтра. А на кресло он не согласится даже ради работы.

- Глеб, давай я Гутенбергу позвоню? – озвучил Никита пришедшую в голову мысль.

- Зачем?

- Расскажу о твоих успехах, посоветуюсь.

- Даже не думай. Он опять меня упечет в какую-нибудь больницу. А завтра я должен быть на студии, и точка. Никит, мне палочка нужна.

- Чего?! В кресло ни за что, а на палочку согласен?

- Почему нет? Это даже импозантно! Только палочку нужно приличную, не дедушкину клюку, а такую, знаешь, тросточку.

Никита завис. Сначала соображал, где найти требуемое, потом пытался представить, как будет Глеб смотреться с палочкой и чем она ему поможет. Любимого шатало из стороны в сторону, на Никите он висел почти всем весом. Тут не палочку, тут ходунки надо. Но если Ник будет держать его под одну руку, а другой он будет опираться на трость, до машины и от машины можно дойти. А в студии ему стульчик поставят. Никита хорошо понимал, что лишит его сейчас работы и опять уложить в постель – преступление. Пусть ходит как может.

Никита улегся рядом с Глебом и включил планшет.

- Ну давай выбирать тебе палочку.

@@@

Магазин ортопедических приспособлений нашелся сразу, вот только доставки у них не было. Сайт есть, каталог есть, а возможности заказать через Интернет – нет. Нужно приезжать и забирать требуемое на месте. Маразм, если учесть, что целевая аудитория магазина – люди маломобильные. Никита нашел другой магазин, с доставкой, но там не было такой палочки, как в первом. А Глеб уперся, что хочет именно такую – из темного дерева с блестящим набалдашником и рукояткой в форме львиной головы.

- Родной, это другой конец города, — заметил Никита, сверяясь с электронной картой. – Я часа полтора минимум прокатаюсь. Ты сможешь побыть один?

Глеб фыркнул.

- Я вроде не ребенок! К плите подходить не буду, пальцы в розетку совать не стану.

- Да ну тебя! Я имел в виду, что тебе что-нибудь понадобится или просто заскучаешь.

- С чего вдруг? Мы с Диночкой посмотрим телевизор или поспим. Пару часов как-нибудь справимся.

- Обещаешь без меня не вставать?

- А если мне пописать приспичит? – прищурился Глеб. – Я, знаешь ли, старенький, долго терпеть не могу!

- Глеб! Я прекрасно видел, как ты четыре часа концерта не вспоминал ни о каких потребностях. Правда, давай без подвигов. Будь умницей, а я тебе шоколадку куплю.

- Да, мамочка, — съехидничал Глеб. – И в лоб поцелуй на дорожку.

В отместку поцеловал его Ник как полагается, по-взрослому. А когда любимый непроизвольно подался на встречу и попытался Ника обнять, отстранился и помахал рукой:

- Не скучайте, я быстро!

На тумбочке возле Глеба он на всякий случай оставил графин с соком и миску с печеньем, убедился, что пульт, телефон и очки у милого под рукой, и ушел, заперев за собой дверь.

Быстро не получилось, город как назло стоял в пробках. Когда добрался до магазина, выяснилось, что они не принимают карточки, что-то там у них сломалось, пришлось идти искать банкомат и снимать наличность. Потом целую вечность ждать, пока найдут нужную трость. По дороге домой позвонил Глебу, любимый отрапортовал, что у них с Динкой все прекрасно. Никита вздохнул в облегчении, подсознательно он ожидал от Глеба какого-нибудь фокуса. И оказался прав.

Едва войдя в дом, он почувствовал неладное. Что-то было не так. Динка не выбежала его встречать, а из ванной комнаты слышался шум воды. Господи, ну что опять случилось? Он быстро пересек холл и спальню, в которой любимого конечно же не оказалось, распахнул дверь в ванную. Твою же мать!

Раковина, точнее то, что от нее осталось, грудой фаянсовых обломков лежала на полу. Из трубы хлестала вода. В луже сидела озадаченная Динка и с интересом наблюдала за происходящим. А посреди всего этого безобразия на четвереньках ползал Глеб, пытаясь собрать обломки в аккуратную кучку.

- Упс, — выдал он, заметив Никиту. – Не успел.

- Что не успел? Весь дом затопить? – Никита привалился к дверному косяку, чувствуя, что его самого уже ноги не держат.

Глеб когда-нибудь его в могилу сведет, честное слово.

- Прибраться. Я нечаянно!

- Ну это понятно...

Никита добрался до вентиля и перекрыл воду, вытащил из лужи свое сокровище, с облегчением убедившись, что Глеб цел.

- Я сам!

Не позволил себя тащить, оперся на руку Никиты и пошатываясь, добрал до кровати.

- Видишь? Я могу!

- Вижу! Я ведь просил не совершать подвигов! Зачем ты встал?

- Стакан помыть из-под сока.

- Это так срочно?

- Да! Я могу сам себя обслуживать!

- Заметно. А что с раковиной произошло?

- Я поскользнулся, схватился за край, чтобы не упасть, а она не закреплена!

И главное, обиженный такой, на незакрепленную раковину! Никита тяжело вздохнул. Ну вот теперь еще и раковину бате новую покупать. Хорошо хоть без травм обошлось.

- Ты понимаешь, что мог покалечиться, упали ты вместе с раковиной?

- Но не упал же! Ты трость купил? Давай сюда, будем пробовать.

Трость пришлась как раз впору. Даже переодеть себя не дал, прямо в промокших насквозь штанах пошел сначала вдоль стены в спальне, потом по холлу. Никита едва за ним поспевал, придерживая под локоть.

- Удобно?

- Вполне! Только мышцы болят.

- Массаж хочешь?

Улыбается, чертяка. Значит, не только массаж намечается.

@@@

На следующий день они поехали на студию, и Никита убедился, что это правильное решение, едва только они вышли из машины. Глеб даже не хромал почти, зная, что на него смотрят. И за Ника держался весьма условно, хотя с утра пил обезболивающее и расхаживался с большим трудом. Появление Немова без коляски на студии произвело фурор – девчонки аж бросились его целовать, чем немало смутили Глеба: любимый испуганно отшатнулся, косясь на Ника, после недавней ссоры он, похоже, готов был на воду дуть. А Никита только смеялся над непосредственностью девчонок и реакцией героя дня.

Вечером, отдохнув после записи, Глеб заявил, что ему надоело сидеть дома, и они отправились гулять по ночному Тель-Авиву. Спустились на набережную, побродили вдоль берега, посидели в сквере у фонтана. Никита откровенно наслаждался прогулкой и Глебом – тихим, спокойным, не скандалящим, не выносящим мозг. Последний раз он его таким видел... Да Никита даже вспомнить не мог, когда. В Москве его все время кто-нибудь дергал, что-нибудь над ним висело – съемки, записи, концерты. Туда надо поехать, здесь выступить, то подготовить. А еще успевать и у Ирмы показываться, и у него, Никиты. Израиль же у них обоих теперь будет ассоциироваться с бесконечными больницами и проблемами.

Никита не питал особых иллюзий, он уже понял, что оставаться здесь Глеб не захочет. Особенно теперь, когда он мог ходить. Сейчас окончательно восстановится и обязательно поднимет вопрос о возвращении. Ник все чаще замечал, что вместо излюбленного «Спорта» Глеб смотрит по телевизору московские новости, а в планшете требует открыть ему какую-нибудь столичную газету. Да и в разговорах с Ромкой по телефону он то и дело спрашивал про концерты и тусовки. Кстати, о Ромке, дядюшку-то они так и не обрадовали новостью.

- Глеб?

Любимый оторвался от философского созерцания фонтана.

- М-м?

- А ты Ромке так и не сообщил еще, что ходишь. И Таше.

- Сообщил, вчера Таша звонила, пока ты опять на своей бирже «зависал».

- И что она сказала?

- Что ты умница, — хмыкнул Глеб, рисуя что-то палочкой на песке. – Я так и не понял, почему умница ты, а не я. А если серьезно, обещала приехать, но я ее отговорил.

- Почему?

- Во-первых, у Ксюшки там опять какие-то важные соревнования, не надо ее сейчас бросать из-за нас. А во-вторых, я думаю, мы сами скоро вернемся в Москву. Вот допишу вторую книжку, и вернемся.

Ну вот он это и сказал. Никита вздохнул, придался к нему поплотнее.

- Ты правда этого хочешь?

- Хочу. Никит, я люблю Москву, я там родился, вырос, это мой город. Даже если теперь я там никто и звать никак, там все равно лучше, чем здесь. Засяду в Нововнуково, буду огурцы выращивать.

- Ты же терпеть не можешь в земле ковыряться.

- Ну буду плотничать, например. Это я умею.

- Между умею и люблю есть большая разница. А любишь ты свою работу. И здесь она есть.

- Это не работа, Ник, это так, бирюльки.

- Я думал, тебе нравится?

- Лучше, чем ничего. Но «Ашали» не нужно собрание сочинений всех детских писателей в моем исполнении, это все скоро закончится. И вообще мне непривычно так работать, в одни ворота. Мне нужно видеть реакцию слушателей.

- Ну да, аплодисменты, цветы, автографы.

Глеб кивнул, даже не заметив иронии. Никита пнул подвернувшийся под ногу камушек. И всего этого в Москве не будет. Он начнет ждать звонков и приглашений, втайне надеяться, что позовут на очередной концерт. А этого не произойдет. И в один прекрасный день Ник снова найдет его с порезанными венами. Или из петли вытащит. Если успеет.

- Ты не устал? – Ник малодушно сменил тему. – Еще немного пройдешься?

- Пройдусь, а что ты хочешь?

- Да собакам что-нибудь купить. Все, что Эля на неделю наготовила, они за два дня сожрали.

- Пошли!

Глеб решительно поднялся. Ради своей любимой Динки он готов был на любые подвиги.

В уже облюбованном Никитой супермаркете народа было не слишком много.

- Тележку ты покатишь, — распорядился Глеб, крепче цепляясь свободной рукой за локоть Ника. – Скользко у них тут.

И все равно старается держаться прямо. В сочетании с костюмом трость даже элегантно

смотрелась, дополняла образ этакого денди. Волосы Глеб все-таки подкрасил, избавившись на время от милой сердцу Никиты седины, и теперь зачесывал их назад, слегка сдобривая гелем. И часы на руке появились, и платочек из кармана пиджака выглядывал. Никита исподтишка любовался своим сокровищем, тихо радуясь положительным переменам.

- Мясной отдел там, - заметил он, когда Глеб свернул совсем не в ту сторону.

- Ты торопишься? Тут наверняка продают кучу вкусностей! У нас дома сладенькое заканчивается!

В итоге нагребли полную тележку. И нарезок всех сортов, и пирожных, и молочки местного производства – очень уж Глебу понравились забавно раскрашенные пятнистые бутылочки, взял на пробу целую батарею, и клубники с апельсинами килограмма по три.

- Родной, куда это все? – робко поинтересовался Никита, когда место в тележке закончилось.

- Что не съем – то понадкусываю, — заявил Глеб, прихватывая с полки еще и бутылку вина. – Устроим романтический ужин, который у нас так и не состоялся.

- С вином?

- Угу. И еще сливки надо взять к клубнике!

Ник только глаза закатил, но сливки вместе с Глебом пошел искать, думая о том, что в Москве они вряд ли смогут вот так под ручку ходить по магазинам. Скорее всего, теперь в Москве они вместе вообще нигде ходить не смогут, даже просто рядом, Глеб не захочет себя еще больше компрометировать. И ради чего туда возвращаться?

===== Глава 9. Демон возвращается =====

Запись второй книги близилась к финалу, и с каждым днем Глеб становился мрачнее и мрачнее. Он уже несколько раз просил Никиту взять билеты на самолет в Москву, но Ник каждый раз искал предлог этого не сделать – то отца с Элей надо дожидаться, то рейса подходящего нет, то карта оплаты не проходит. Глеб забывал на пару дней, но потом снова возвращался к теме Москвы. Москва постоянно мелькала во всех их разговорах: если обсуждали погоду, Глеб сравнивал израильский климат с московским, и как-то так у него выходило, что второй гораздо лучше. Если ужинали в ресторане, — теперь, с палочкой, Глеб охотно давал вывести себя в люди по вечерам, — то он непременно начинал рассказывать про «Славянский базар» или «Метрополь», в которых и кормят лучше, и персонал профессиональнее. И даже пальмы Глеба начали раздражать только потому, что они – не березки. Никита старался переводить все в шутку, подтрунивая над приступами ностальгии у любимого, но в глубине души прекрасно понимал – дело не в ностальгии, точнее, не только в ней. Глеб мог сколько угодно говорить о том, что скучает по дому, по серому московскому небу и звездам Кремля, но Никита знал – больше всего любимый скучает по сцене. По вниманию публики, свету софитов, аплодисментам. И всего этого в Москве не будет.

Глеб снова начал распеваться по утрам. Он уходил в ванную и отворачивал краны у замененной раковины, но шум льющейся воды не мог заглушить его мощный баритон, а насколько Никита мог судить, месяц молчания прекрасно сказался на голосе – связки отдохнули, восстановились, и теперь Глеб звучал шикарно. И любимый не мог этого не понимать. И тем острее чувствовал свою не востребованность. С этим нужно было что-то делать. Но что? Ответ нашелся совершенно неожиданно.

На студию Глеб давно уже ездил один, но в тот день Никита напросился с ним: ему осточертело сидеть дома и он решил поторчать на студии, послушать болтовню девчонок. Все развлечение. В очередной раз выйдя на «курительный» балкон, пока Глеб записывался, Никита обнаружил, что его местечко у пепельницы занято – там стояла дамочка неопределенного возраста с ярко-рыжими волосами и в неприлично облегающем платье.

- Привет! – непринужденно поздоровалась она, заметив Ника. – Я тебя здесь раньше не видела.

Если внешность ему ничего не сказала, то голос Никита узнал сразу. Это же та самая Алиса Дейс, о которой недавно рассказывал Глеб. Исполнительница шансона, дамочка без комплексов.

- Привет, — в тон ответил Ник, доставая сигареты. – Я Глеба Васильевича жду. Я его помощник.

- Помощник? Немова? – усмехнулась Алиса, окидывая его оценивающим взглядом. – По сексуальным вопросам? Да ладно, не смущайся. Я люблю читать бульварную прессу, и Глеб в прошлый раз немало рассказал.

Никита скептически поднял бровь. Как-то не похоже на Глеба обсуждать свою личную жизнь с кем попало.

- Надрались мы с ним тогда изрядно, — продолжила Алиса. – И знаешь, с ним стало совершенно невозможно общаться – он только о тебе и говорит. Никита сказал, Никита сделал, Никита считает. Час мне рассказывал, как вы в Иерусалим ездили. Можно подумать, я в Иерусалиме не была. В общем, мне стало даже интересно, что там за Никита такой. Ну ты секси, конечно...

Дамочка оперлась на бортик балкона, выгнувшись так, чтобы в разрезе платья Никите был отчетливо виден бюст. Ник сделал вид, что рассматривает улицу. Прелести Алисы его совершенно не интересовали, а вот ее поведение само по себе вызывало любопытство. Если Глеб прав, и мадам коллекционирует мужиков, и если Никита все правильно понимает, его сейчас пытаются снять.

- Не хочешь угостить даму коктейлем? – продолжила Алиса. – Тут недалеко есть отличный бар.

- Я не пью.

- Неужели? Здоровый образ жизни? Ну да, заметно, такие мускулы... Не пей, даму угости.

Никита тяжело вздохнул.

- Не хотел бы показаться невежливым, но я жду Глеба Васильевича.

- Да он еще часа два тут проторчит. Ну ладно, ладно, я поняла, ты из верных. И что ты только в нем нашел? Он же трахается в одни ворота!

Ник подавился дымом от такой сентенции. Куда он, простите, трахается?

- Правда же, индюк самовлюбленный. Не сверкай на меня глазами, я люблю Глебушку как приятеля, коллегу. В жизни он зайка, и артист хороший. Но в постели – фи. Поверь, мальчик, я знаю, о чем говорю. Ты, наверное, просто мало видел, другого не пробовал. У него одни сплошные комплексы. Сзади нельзя, минет нельзя, руками его драгоценный член трогать нельзя. Раздвинь ноги и получай удовольствие. Тьфу, никакой фантазии.

Никита удивленно разглядывал дамочку. Потрясающая непосредственность! И они точно об одном и том же Глебе говорят? Или милый в постели с ним разрешил себе все, что запрещал себе с женщинами?

- Ладно, не хочешь секса, давай дружить. Жаль, конечно, я бы тебе показала небо в алмазах. Но дружба – тоже хорошо. Из геев, говорят, отличные друзья получаются.

- Я не гей, — мрачно сообщил Никита. – И Глеб тоже. Просто так получилось.

- Один раз не п..с? – хохотнула Алиса. – Ну как скажешь. И что, у вас прямо такая огромная любовь? Что ты, как декабристка, рванул за ним в Сибирь и испортил ему всю каторгу?

- В Израиль я его привез, если ты об этом, — Никита перешел на «ты», решив, что выкать при подобном стиле общения совсем уж глупо. – И видно, не зря, с кресла он встал. От трости тоже скоро избавится, я надеюсь.

- Она ему идет, можно не избавляться. Такой прям денди! Разве что на сцену с тростью никак.

- Да на сцену вообще никак, — Никита достал новую сигарету из пачки. – Он в Москву рвется, надеется, что его там будут приглашать выступать. А не будут же.

- Почему? – изумилась Алиса.

- Ну как почему? Он же в глазах общественности теперь гей. Репутация подмочена. У нас же в моде традиционные ценности, а Глеб, само олицетворение моральной устойчивости и консерватизма на сцене, эти ценности поправил, получается. О

государственных концертах теперь точно можно забыть.

- Мда, давно я не была в России, — протянула Дейс. — Даже предположить не могла, что у Глеба такие проблемы. Думала, дело только в здоровье, еще порадовалась за него, когда увидела без коляски. Слушай, но так же нельзя, он зачахнет без сцены.

Никита кивнул. Надо же, какое понимание. Или она знает Глеба лучше, чем он предполагал, или все они, артисты, одинаковые.

- Так давай ему тут концерт устроим! Для русской публики! Тут же огромное количество русских, а Глеб для них сто лет уже не пел. Я думаю, зал соберется без проблем! Ну может не тысячный, я сейчас вот больше по клубам выступаю. Но это тоже здорово, там камерная обстановка, зритель более доброжелательный.

- Доброжелательный? — протянул Ник. — Глеб Васильевич еще переживает, что зрители его теперь не воспримут. Будут думать не о том, что он поет, а о том, с кем он спит.

- Глупости какие! Глеб все тот же — комплекс на комплексе и комплексом погоняет. Точно надо устроить ему концерт. Я поговорю со своим антрепренером, а ты поговори с Глебом. Нужно обязательно вытащить его на сцену.

Не откладывая в долгий ящик, Алиса схватилась за телефон — вызванивать антрепренера. Никита же снова потянулся к сигаретам. Кто как не он больше всего хотел, чтобы Глеб оставил сцену. А теперь получается, он сам же пытается Глеба на нее вернуть. Но Алиса была абсолютно права, Глебу это необходимо.

@@@

Обнадеживать Глеба раньше времени Никита не хотел, но в то же время боялся, что любимый может ответить решительным отказом, когда Алиса уже обо всем договорится. Кто же знает, как его переclinит? Ник мучился, не зная, как поступить. По телефону Дейс своего директора озадачила, тот обещал разведать обстановку, переговорить с владельцами одного из русских клубов. Все произошло само собой.

Из студии Глеб вышел сам не свой, тяжело опираясь на трость, хотя утром шагал довольно бодренько. Никита поспешил подхватить его под локоть.

- Ты чего? Устал?

- Нет.

- Что-то болит?

- Нет.

- Поехали домой?

- Не хочу. Бери машину, поедem кассы искать.

- Какие кассы?

- Билетные, Никит. Обычные билетные кассы, в которых сидят обычные тетеньки и продают билеты на самолет. У которых проходят карточки на оплату и находятся свободные места!

Черт! А Ник думал, что его отмазки прокатывают.

- И к чему такая срочность? Что произошло?

- Ничего, меня просто достала эта страна! Здесь все по-другому, понимаешь? Я не привык так работать! Вот мы сейчас не дописали маленький кусочек до конца главы. Еще бы полчаса, и доделали бы. Так нет, время! Рабочий день окончен, и все расходятся. Им плевать, что я согласен еще поработать, звукорежиссеру и редактору тоже домой надо! А завтра шаббат! То есть мы прервемся на полуслове, а в понедельник я должен буду вспоминать ту интонацию, с которой читал. Это сложно, понимаешь?

Никита понимал. И почему Глеб злится понимал. Он привык быть главным действующим лицом, вокруг которого все вертится. Никите однажды пришлось наблюдать, как он гоняет своих музыкантов. Если Немов сказал, будут репетировать хоть до утра. А здесь так не получается. К тому же каждый шаббат для Глеба становился настоящим испытанием – в городе ничего не работало, пойти было некуда, даже магазины закрывались. Глеб страдал от безделья, не зная, куда себя приткнуть. Книги, телевизор и даже бильярд давно ему осточертели, дома он, наверное, за год уделял этим развлечениям меньше времени, чем за последний месяц. И приближение очередной субботы его злило не меньше, чем не желающие перерабатывать сотрудники студии.

- Так что хватит отлынивать, поехали за билетами. На следующей неделе мы закончим вторую книгу, в пятницу можно лететь.

- Глеб, я паспорта с собой не ношу, — заметил Никита.

- Поехали возьмем паспорта. Ник, пожалуйста, прекрати увиливать. Или я сам съезжу куплю билеты. Мне заплатили за озвучку, я вполне могу это сделать.

- Ну конечно можешь, родной, в этом как раз никто не сомневается. Просто у нас тут еще одно дело образовалось.

- Какое? Ты собрался упечь меня в очередную больницу? – вскинулся Глеб. – Куда на этот раз? В психушку, чтобы нервы не трепал?

- Ну зачем ты так? Не хотел тебе говорить заранее, но похоже, у тебя будет концерт в Тель-Авиве.

Глеб открыл уже рот, чтобы в очередной раз возразить, и закрыл его, так ничего и не

сказав. Он молча смотрел на Никиту, осмысливая услышанное. Никита ждал. Да или нет?

- У меня будет концерт? Меня хотят здесь услышать?

Он нервно переложил трость из одной руки в другую. Ник спохватился, что они все еще стоят в коридоре студии, и давно пора бы Глеба куда-нибудь посадить. Он повел его вниз, ловить машину, попутно рассказывая про Алису и клуб. Глеб слушал внимательно, не перебивая, не возражая и не истеря.

- В общем, они должны перезвонить, когда обо всем договорятся, — закончил рассказ Ник, когда они уже ехали в такси.

Глеб кивнул, явно думая о чем-то своем. Он так и молчал до дома, а дома сразу сел за стол что-то писать. Дергать его Ник не решился, обед принес в комнату, поставил тарелки на свободный край стола. Заглянул ему через плечо и увидел, что Глеб составляет репертуарный лист, то вписывая, то вычеркивая песни.

- Эту им петь не надо, эмигранты не поймут, — бормотал он себе под нос. — А на эту у меня голоса не хватит. Или хватит? Надо попробовать. Так, с завтрашнего дня распевки по полной программе. И минусы, нужны минусы. Ник?

- Я...

- Ник, мне минусы нужны. Ты можешь по этому своему Интернету написать моим музыкантам, чтобы выслали?

- А мыло у тебя их есть?

- Чего?

- Ну адрес электронный.

- Зачем? Я им позвоню.

Ник закатил глаза.

- Давай лучше я позвоню, и спрошу мыло.

- И веревку, — хмыкнул Глеб. — Сообщишь, что собрался вешаться от их шефа. Слушай, а может их сюда вызвать, а? И подпевку.

- И на что? Ты же даже не знаешь, сколько тебе заплатят.

- Ой, да ну тебя! Это мой коллектив, скажу «надо» — и прилетят. И никто про деньги даже не спросит. В том и разница между ними и местными работниками. Так, и мне костюм нужен! Завтра едем покупать!

- Завтра шаббат.

Глеб заскрипел зубами.

- Значит послезавтра.

- Глеб, а что будем с тростью делать? Может, тебе на сцене барный стул поставить? Высокий такой, знаешь? На нем иногда певцы сидят перед стойкой микрофона, красиво получается.

- Какие певцы? – уточнил Глеб.

- Западные. Пресли я видел, в записи, конечно. Элтон Джон.

- Так, вот не надо мне подобных сравнений! То западные, а я советский! Постою, ничего страшного.

Никита только головой покачал. Советский он, надо же. И постоит ведь, можно не сомневаться. Только бы все получилось и концерт не отменился.

@@@

Концерт не отменился. Более того, билеты были распроданы моментально, оказалось то, что Глеб не приезжал с концертами в Израиль довольно давно, и русскоязычная публика действительно по нему соскучилась. Музыкантов и подпевку он из Москвы все-таки вызвал. Они приехали за день до концерта и поселились в самом дешевом хостеле, который Глеб им оплатил. Перелет тоже оплачивал он, и Никита подозревал, что на это ушла добрая часть заработанных записью книги денег. Оставшаяся часть была потрачена на костюм – они обошли с Глебом с десятков магазинов прежде, чем нашли смокинг, который ему понравился. Кремовый, с блестящими отворотами и жилеткой. А еще рубашка, бабочка и туфли. И все самое дорогое, отличного качества. Глеб даже не поленился найти магазин театрального грима, точнее, искал Ник, в Интернете, а Глеб же нудел над ухом, что без грима на сцену он выйти не сможет. В итоге набрали с десятков разных баночек, флакончиков, и еще целый пакет карандашей и кисточек.

Никита не возражал, не напоминал, что музыканты могли привезти из Москвы какой-нибудь из старых костюмов и все эти краски-мазилки. Он видел, как горят глаза Глеба, какой это для него праздник – готовиться снова выйти на сцену, пусть даже ночного клуба. Глеб каждое утро по часу распевался, еще час тратил на наматывание кругов по саду, и в окно Никита наблюдал, как он время от времени поднимает трость и пытается ходить без нее. Он наконец-то нормально ел, опасаясь выглядеть на сцене замороженным.

А что началось, когда приехали музыканты! Перед ними Глеб предстал с тростью, но вопросы о здоровье никто задать не решился. Или не успел, потому что Глеб стал их гонять с первой же минуты. Им предоставили сцену клуба для репетиции за день до концерта, с обеда до семи вечера, и все это время Глеб заставил их репетировать, забыв о том, что люди

с самолета. Под раздачу попали все. Тут же выяснилось, что девчонки подпевки раскабанели и забыли, как надо двигаться. Клавишник забыл несколько песен, а барабаны вообще фальшивили. И в целом все распустились и нюх потеряли, судя по возмущениям Глеба.

Репетировали так, как будто готовились в Кремле выступать. Глеб даже пропел всю программу вместе с коллективом, чего никогда не делал, предпочитая новые песни разучивать дома под минус, а старые вообще не считая нужным повторять.

Никита наблюдал за репетицией из-за столика в первом ряду. Ни во что не вмешивался, боясь попасть под горячую руку. Да и во что он мог вмешаться? Сейчас Глеб был король, и чувствовал себя в своей стихии. Даже обычную заботу о том, чтобы вовремя поел, попил, отдохнул, Никита отложил до лучших времен. Перед коллективом Глеб точно не даст ему с собой возиться. Так что Ник развлекался беседой с Алисой, которая принимала активное участие в организации концерта и пришла послушать прогон. С Глебом они договорились, что Дейс споет несколько песен в середине его программы, чтобы Глеб мог перевести дух. Они даже откопали какой-то дуэт, который пели сто лет назад, и теперь решили его возродить. Как ни странно, с Алисой Никита нашел общий язык. Когда дамочка отказалась от сексуальных притязаний на него, поняв всю их бессмысленность, общение с ней стало даже приятным.

Когда они вернулись домой, Никита ожидал, что любимый сразу вырубится – слишком уж много сил было потрачено на репетиции, и моральных, и физических. Но не тут-то было! Стоило Никите прилечь рядом с устроившимся на кровати Глебом, как теплая рука легла ему на пояс.

- Какой-то ты сегодня молчаливый, мой хороший.

Ник хмыкнул.

- Зато ты за двоих разговаривал. Как от тебя коллектив не сбежал за столько лет, я удивляюсь. Ты же деспот!

- Деспот, — охотно согласился Глеб. — Тиран. И сбегали, или ты думаешь, состав за столько лет не менялся? Подпевка чаще меняется, она устаревает. Музыканты реже.

И смеется.

- Старееет, ты хотел сказать?

- Ну да. Чем я старше, тем моложе должны быть девчонки, которые сзади крутятся.

Рука начала пробираться под пояс Никитиных джинсов.

- Девчонки! Ты хоть помнишь, как их зовут? Ни разу сегодня не слышал, чтобы ты их по именам называл.

- Помню. Кажется... Зачем мне это? Будем дальше обсуждать мою подпевку или

займемся чем-то более интересным?

Вторая рука присоединилась к увлекательному занятию стягивания с Ника штанов.

- Глеб, погоди, я сам, — запротестовал Ник. — Ты опять петельки порвешь, в эти джинсы самые любимые.

У Глеба была привычка просовывать пальцы в петельки для ремня и тянуть штаны вниз. Петельки отрывались, и потом Никите было некуда вставлять ремень.

- Давай сам, давай, а я понаблюдаю.

Глеб подпер щеку ладонью и с преувеличенной заинтересованностью уставился на Никиту.

- Сюда бы еще ведро попкорна...

- Да ну тебя! На самом сто одежек!

Никита повалил любимого на спину. Теперь снова можно было безбоязненно кувыряться в постели, позволяя себе все, что хочется.

- Только без следов на шее! — предупредил Глеб, слабо отбрыкиваясь от попыток снять с себя рубашку. — Завтра концерт, не забудь...

- Забудешь тут, — Никита уже терся своей эрекцией о бедра Глеба, осторожно целуя плечи, грудь, но покорно избегая шеи. — Сколько жертв ради него.

- Скажи спасибо, что я не сторонник воздержания перед выступлением! Ник, кончай уже качаться, а? Пресс каменный!

Руки Глеба скользили по его животу, как бы невзначай касаясь того, что ниже.

- Завидуем?

- Не то слово! Хочу быть молодым, и снова способным на три раза за ночь.

- Мда? А я бы не отказался от твоей выдержки, чтоб один раз, но на час. И твоего офигенного опыта. Который, как выяснилось, ты используешь только со мной. Остается вопрос, где ты тогда его набрался?

- Чего?! — Глеб даже отпустил его член, который вот уже несколько минут активно ласкал. — Что за намеки? С кем я там недостаточно опыта проявил?

- Да с Алиской. Она мне тут жаловалась, что ты не позволяешь трогать твой член и делать тебе минет. Признаться, я был шокирован!

Говоря это, Никита освободился из объятий и сполз пониже, явно собираясь и потрогать, и сделать. Ну хотя бы начать.

- Господи, я думал, они мое творчество обсуждают, — простонал Глеб. – Это вы про мой член сегодня всю репетицию шушукались? Шикарная тема для интеллектуальной беседы.

- Ты не ответил. Вот сейчас буду тебя пытаться. Не дам тебе кончить, пока не расскажешь.

Никита выразительно прошелся языком по стоящему члену Глеба, подул на головку и отстранился, наблюдая, как дергается Глеб ему навстречу.

- И сам полезешь на стену от перевозбуждения. Что тебе рассказать? Да, я всегда считал, что минеты – удел проституток. Ты тут причем? Ты же не женщина.

- И слава Богу! Иначе, похоже, меня ждал бы исключительно занудный секс.

- Да ну тебя! Кроме Алиски никто не жаловался. Слушай, прекращай на него дуть или я тебя сейчас изнасилую!

- Давай, начинай...

Глеб подорвался моментально. Как же приятно было снова чувствовать его силу, давящий сверху вес, плохо сдерживаемую страсть. Кровать жалобно скрипела, Глеб рычал, а Никита прикрывал глаза от удовольствия. И дело было далеко не только в сексе.

@@@

- Пять, шесть, семь, восемь... Восемь свободных мест осталось. Да, Никит? Посмотри молодыми глазками, темновато у них тут.

Глеб стоял у кулис и пытался подсчитать, сколько свободных мест еще в зале.

- Успокойся пожалуйста, все билеты проданы. Ни одного не осталось. Иди сюда, я тебе бабочку поправлю. Куда ты ее так затянул? Разотрешь шею же. Смотри, уже вот раздражение.

Глеб нетерпеливо дернул головой.

- Нормально мне. Волосы хорошо лежат?

Он в сотый раз коснулся рукой волос. Ему все время казалось, что они не держат форму, хотя он не менее получаса укладывал их, израсходовав с полбаллончика лака. Все-таки отсутствие профессионального гримера чувствовалось. Конечно, он мог сам и причесаться, и морщины замазать, основы грима он знал – и в институте вдолбили, и общение с Ромкой даром не прошло. Но одно дело знать, а другое уметь. Брови он мог затемнить, ресницы худо-бедно подкрасить тоже. А вот глаза самому себе подвести контурным карандашом – это

уже без вариантов. Не Никиту же просить? Да и он вряд ли умеет. Хорошо хоть Алиска поблизости крутилась, выручила. А прическа ему все-таки не нравилась.

- Ты замечательно выглядишь. Смотри, не осталось свободных мест, все расселись. И время уже. Можно начинать.

- Да? Правда время. Так, вы чего стоите? Марш на сцену! – рявкнул Глеб на маячивший за спиной коллектив. – Шустрее, шустрее. И улыбаемся! Стоп!

Он поймал за рукав гитариста, пытавшегося прошмыгнуть мимо него.

- Ты куда в таком виде?

- В каком?

- В футболке! Это что такое? Ты куда пришел? На пляж?!

- Глеб Васильевич, ну клуб же!

- И что? Я в смокинге, а сзади меня три шута в майках? Ну тогда в одних трусах бы вышли, еще веселее было бы. Переодеваться, быстро!

- Во что?!

- Во что хочешь! Или вообще вали отсюда, если не понимаешь, что любого зрителя нужно уважать.

Дождаться возвращения гитариста Глеб не стал – пару песен можно спеть и без гитарного сопровождения, главное, чтобы клавишник был на месте.

- Никит, палку возьми.

Мальчишка забрал трость, глядя на него с тревогой.

- Ты уверен?

- Да.

- Удачи, родной.

Глеб уверенно шагнул на сцену. Яркий свет прожекторов сразу ослепил его, стало жарко, заигравшая музыка приветственной песни показалась слишком громкой, и все равно Глеб был счастлив. Сцена. И зрители, полный зал. Ему хлопают, его встречают. Они пришли специально, чтобы послушать его.

Глеб улыбался, сегодня совершенно искренно. Он чувствовал себя как никогда в голосе, ему пелось легко и свободно, и звук был сильный, чистый. После первой песни он несколько

минут не мог ничего сказать – зал устроил овацию. Глеб понимал, что они просто по нему соскучились, он сто лет не пел для израильской публики. И зал небольшой, пришли те, кто действительно его любит. И все эти люди понятия не имеют, чего стоил ему этот выход. А аплодируют потому, что почувствовали его эмоции, его искренность. И все равно он был счастлив.

Вторая песня по программе шла веселая, динамичная, и Глеб сам не заметил, как начал пританцовывать. Зал подпевал, хлопал в такт, публика вообще оказалась на редкость доброжелательной, хотя в прежние времена Глеб не любил выступать в клубах: зрители постоянно отвлекаются на еду и выпивку, ты для них скорее приложение к ужину, и накурено всегда. Но сегодня Глеб не замечал ни снующих между столиками официантов, ни сигаретного дыма. Да и видел он полутемный зал плоховато, только чувствовал идущие от него волны позитивной энергии.

В середине концерта вышла Алиса, и Глеб смог занырнуть в кулисы. Никита протянул ему трость, но он только отмахнулся:

- Не надо, я в порядке. Ник, ты слышишь? Слышишь, как они мне хлопают?

- Слышу, родной. Отлично принимают! Только тебе пиджак уже уделали.

Глеб оглядел себя и обнаружил на светлом пиджаке и правда какие-то розовые разводы. Не иначе цветы к себе прижал. А второй костюм сегодня не был предусмотрен.

- Давай, попробую салфеткой оттереть.

- Да ну его к черту! – Глеб скинул пиджак и остался в рубашке и жилете. – Так не сильно пузо выпирает?

- Было бы оно у тебя, это пузо, — фыркнул Ник. – Ну все, теперь первый ряд будет обсуждать, что у тебя в штанах. Ты бы хоть плавки под белые брюки-то надел, солнце! Видно же, в какую штанину ты что положил!

- Мне в плавках тесно, а артиста нужно слушать, а не разглядывать! – парировал Глеб и, щелкнув мальчишку по носу, вернулся на сцену – подпевать Алисе.

По программе у Глеба было двадцать песен. По факту получилось все двадцать пять – зал бисировал, и Глеб спел акапельно несколько народных песен, в том числе «Дорогой длинною» и «Калинку», чем привел эмигрантскую публику в дикий восторг. Ему подпевали, кто-то пустился в пляс у сцены, где-то в конце зала уже по-русски били посуду.

Отовсюду неслись крики «Браво», Глеб поймал кураж и сделал то, чего не делал на концертах очень давно – запел «Демона». Зрители замерли, обескураженные непривычным звуком и резкой сменой настроения. Ария Демона была у Глеба одной из самых любимых среди классического репертуара, когда-то, много лет назад, он пел ее на выпускном экзамене в Гнесинке, а сейчас часто распевался на ней дома. Но в концертах не пел. Во-

первых, уже сложно, можно запросто дать петуха. Во-вторых, ария написана под низкий голос, под бас-баритон, который у него и был. Но на эстраде Глеб пел облегченным, более высоким звуком, к которому привык зритель. Вот и сейчас все резко затихли, вслушиваясь, не веря, что этот мощный, низкий голос принадлежит Немову. А Глеб наслаждался, показывая все свои возможности, всю красоту звука, входя в образ коварного Демона.

- Тебе принес я в умиление

Молитву тихую любви

Земное первое мученье

И слезы первые мои.

На последней ноте он совсем забасил, но вытянул. И сорвал бурю аплодисментов, разбавляемых криками «Браво!».

Со сцены Глеб уходил абсолютно счастливым. Он смог. Он доказал. Он вернулся.

===== Глава 10. Артист Немов =====

«Под крылом самолета о чем-то поет зеленое море тайги...»

И дальше что-то такое про смелого пилота, который нашел точный путь. Слова Никита не запомнил, но от мотива уже трясло – Глеб напевал это в течение всего полета, в машине, и даже теперь, обходя с дозором свои владения. Настроение у любимого было замечательное даже несмотря на то, что рейс на час задержали, и им пришлось слоняться по аэропорту с собакой, Динка в полете устроила форменную истерику, отказавшись сидеть в переноске, а стюардесса не разрешила вытащить ее и взять на руки. Даже Немову.

Москва встретила обильным снегопадом и стоящим по этому поводу кольцом. До дома добирались почти три часа, встречавший их Ромка уговаривал ехать ночевать к ним и вообще пожить в Переделкино. Но Глеб уперся, и они поехали в Нововнуково. Даже Никиту дорога утомила до чертиков, а Глеб был как огурчик – шастал по дому в семейных трусах и распахнутом халате, деловито постукивая по деревянному полу тростью и засовывая нос во все дырки.

- За продуктами нужно будет съездить. И службу вызвать, знаешь, есть такие, которые порядок наводят, чистят там, моют.

- Клининговые, — подсказал Никита с дивана, на котором развалился и наблюдал за мельтешением Глеба. – Таша обещала завтра с утра к нам приехать и помочь хозяйство наладить.

Головой от тетушки по телефону он уже получил. В первую очередь за то, что они с Глебом не предупредили о своем возвращении. А как тут предупредишь? Никита был уверен, что после успешного концерта Глеб захочет задержаться в Израиле, но получилось совсем наоборот. Уже на следующий день, выспавшись и придя в себя, Глеб потребовал купить

билеты на ближайший рейс до Москвы. Еще на день их задержала только необходимость сделать справки для Динки.

- Здесь меня больше никуда не позовут, — рассуждал Глеб. — Страна маленькая, русскоязычная публика тоже небезразмерная. В Иерусалиме я нафиг никому не нужен, в Эйлате тем более. Ну можно устроить еще концерт в Хайфе, а дальше что? Здесь я так, экзотика, заезжий гастролер.

Судя по всему, он окончательно уверился, что по-прежнему нужен зрителям, что востребован, что его ждут. И больше ни дня не хотел сидеть в Израиле. Спорить Никита не решился, он уже достаточно хорошо изучил Глеба, чтобы понять — речь идет не просто о сцене, а о всей дальнейшей жизни любимого. И без лишних проволочек заказал билеты. Батя, конечно, расстроился, похоже, он лелеял надежду, что сын осядет на Земле Обетованной, где-нибудь поблизости, если уж не в отчем доме. Но за Глеба был рад, провожал их, а в аэропорту от всей души желал в следующий раз приезжать все-таки в гости, а не лечиться.

То, что Глеб хотел вернуться именно в Нововнуково, Никита воспринял спокойно. Они не один раз разговаривали на тему дома, Ник знал, насколько Глеб к нему привязан, и понимал, что здесь ему лучше, привычнее и удобнее. По лестницам любимый скакал уже довольно резво, так что можно было не переживать. Оставался вопрос, куда деваться Нику. Никита не был уверен, что хочет жить в Нововнуково, в его сознании это все еще был дом Глеба и Ирмы. Но и бросать Глеба он не собирался. В итоге решил, что пока поживет с Глебом, а там видно будет. Станет неважко — сбежит на Бардина. Или попробует уговорить Глеба. В конце концов, можно жить и на два дома, как раньше.

Пока же он лежал на диване и наблюдал, как Глеб разбирает вещи. Помочь он не мог, так как понятия не имел, что где должно находиться. Глеб, судя по всему, тоже. Когда любимый, озадаченно почесав затылок, чуть ли не пятками затолкал пустой чемодан под вешалку, оставив на полу кучку тряпок, которым так и не нашлось места, Ник подумал, что Таше тоже придется жить на два дома.

Ужинали яйцами, которые нашлись в холодильнике, и консервами, даже без хлеба. Сил тащиться в поселковый магазин у Никиты не было совершенно. Но Глеб не жаловался, уплетал яичницу с большим аппетитом, заедая ее печеньками.

- Тогда ты завтра встречай Ташу, хозяйничайте тут с ней, а я в офис поеду, там порядки наведу, — сообщил Глеб, дожевывая последний кусок. — Сейчас Игоря вызвоню, узнаю, где он и чем занимается. И Дэну тоже надо позвонить.

Ник мрачно на него посмотрел, но комментировать идею с офисом не стал.

- Я не хотел бы оставаться в твоём доме без тебя, — только заметил он. — Даже с Ташей. Если я не нужен тебе на работе, я поеду на Бардина.

- Так! — Глеб отставил чашку. — Ты опять начинаешь? Я же сказал, это наш дом! Наш с

тобой. Мы завтра поедem и закажем тебе комплект ключей. Что еще я должен сделать, чтобы ты прекратил комплексовать по этому поводу? Переписать на тебя завещание?

- Да ну тебя! – Никита возмущенно пихнул любимого в бок. – А у тебя правда есть завещание?

- Нету. Но в последнее время я начинаю думать, что оно бы мне не помешало. Никит, пожалуйста, не трепли мне нервы. Я съезжу в офис на пару часов и вернусь, а вы тут с Ташей разберетесь. Выбери себе комнату, кстати. Хочешь, гостевую для тебя переделаем, хочешь – Ирмину спальню. А хочешь, еще на цокольном этаже комната есть, бесхозная.

- Ты меня еще и в отдельной спальне хочешь поселить? Глеб, я тебе что, жена?!

- При чем тут это? Я тебе не предлагаю там спать. Сейчас прямо, отпущу я тебя куда-нибудь из своей постели, ага. Я имел виду, что тебе нужен свой кабинет, угол, где можно уединиться, поработать. Сделаем там все так, как тебе нравится. Ну?

Никита кивнул. Глеб пытался найти компромисс, шел навстречу, а это в его случае такая редкость, что надо ценить.

После ужина Глеб отправился принимать ванну, сопровождать его Никита не решился – если по-честному, сил не было уже ни у кого, но если Глебу намекнуть на секс, даже случайно, начнет доказывать, что еще может. Поэтому Никита просто убрал со стола тарелки, скормил остатки ужина Динке и устроился в холле дожидаться милого. Идти без него в спальню он не решался, да и не хотел.

Глеб появился спустя полчаса в намотанном на бедра полотенце, уже практически спящий.

- И что ты тут кукуешь? Не знаешь, где спальня?

- Просто не хочу идти туда один.

- За ручку проводить? Никит, ну в чем опять дело?

- Не знаю, — Никита нервно потрепал за уши попавшуюся под руку Динку. – Глупо это все, наверное. Просто это твоя спальня, твоя кровать, вы там с Ирмой...

- Чего мы там с Ирмой?! – Глеб стащил парня с дивана свободной от трости рукой. – Если хочешь знать, она никогда ко мне не приходила, только я к ней. Так что на этой кровати ничего и не было, спал на ней только я. Но мы можем заменить матрас и подушки, если ты и мной уже брезгуешь!

- Тобой не брезгую.

- Ну слава Богу!

В спальне Глеба было на удивление уютно – ничего лишнего, никаких рюшечек и салфеточек, так раздражавших Никиту в этом доме. Помимо самой необходимой мебели – кровати, шкафа и тумбочки, только однотонный ковер на полу и картина с какой-то абстракцией на стене. И кровать, застеленная чистым бельем, оказалась довольно удобной, а подушка привычно пахла любимой туалетной водой Глеба. А когда уже через пять минут Глеб заснул, свернувшись клубочком, с абсолютно счастливым выражением лица, Никита окончательно смирился с новой реальностью.

@@@

- Что у вас тут творится? – это было первое, что произнесла Таша, входя в дом. – Как можно было устроить такой бардак за один вечер?! Привет, Ники.

- Привет, — засмеялся Ник, целуя тетушку в щеку. – Как же я рад тебя видеть! Я уже вешаюсь в этом склепе!

Глеб уехал час назад, и все это время Никита слонялся по этажам, не зная, куда приткнуться.

- Надо же, какое совпадение вкусов, — хмыкнула Таша. – Мне тоже здесь не очень нравится. Но если выкинуть все эти цветочки, коврики и статуэтки, и повесить пару нормальных картин, будет не так уж плохо, поверь. Ну и трусы по комнатам разбрасывать не стоит!

Она выразительно посмотрела куда-то в сторону дивана. Никита проследил за ее взглядом, ойкнул и полез доставать из-под кофейного столика Глебовы семейники. Была у любимого такая привычка раздеваться по пути в душ, оставляя за собой вереницу одежды.

- И где наше сокровище?

- В офис уехало.

Таша удивленно подняла брови, Ник пожал плечами:

- Не знаю! Сказал – работать. В чем именно это будет выражаться, я без понятия. Меня вот на хозяйстве оставили. Как примерную жену.

- Как я понимаю, оно уже в полном порядке?

- Да как тебе сказать. Ходит с палочкой, но может и без нее при желании. Рвется на сцену. Отъелся. Да сама увидишь, он обещал скоро вернуться.

- Зато ты худющий, смотреть страшно. Совсем он тебя измотал. Ну-ка пошли на кухню, я тут из дома пирогов привезла, разогреем. Чай-то хоть в запасах Ирмы Владимировны имеется?

- Понятия не имею, я по ее шкафам не лазал.

Таша хмыкнула и решительно направилась на кухню. Пока пили чай, Никита рассказывал про реабилитационный центр, про то, как Глеб встал с кресла и про концерт в Тель-Авиве.

- И теперь он надеется, что здесь будет то же самое – приглашения, выступления, успех у зрителей, — закончил Ник. – А я сомневаюсь, если честно.

Таша задумчиво кивнула.

- Не лезь. Пусть сам разбирается. Может и правда еще все наладится.

- Ну да, и скоро я окончательно превращусь в Ирму. Сиди дома, молчи, никуда не выходи, только плюшки осталось начать печь и салфеточки вышивать. Как она, кстати?

Таша подавилась чаем.

- Кто? Ирма? Ты еще спрашиваешь? Тебе правда интересно?

- Почему нет? Я не хотел, чтобы так все получилось. И мне ее жалко.

- Ник, тебе нимб на уши не давит? Она на развод подала, и это тоже попало в газеты, кстати! Хорошо еще Глеб не знает, надеюсь, ему не сообщат.

- А что ей оставалось делать? По-моему, это логично.

- Ничего в этом логичного нет! Не принято у нас сор из избы выносить. Ну жили бы по разным домам, разводиться зачем? Знаешь, сколько раз Кароль со своей Тиной расходился? Раз пять точно. Потом сходились, и никогда в прессу ни слова не попадало! Я не к тому, что Глеб к Ирме вернется, ты не подумай. Я к тому, что она ведет себя неправильно. В нашем кругу так не принято.

Никита молча курил. Глеб вчера даже снял свой запрет на курение в доме – видимо любимый очень хотел, чтобы Нику тут было комфортно. Ни о чем он не думал. А Ирму и правда было жалко. Куда она теперь денется? Глеб был всем в ее жизни. Для кого теперь готовить диетические запеканки и вышивать крестиком?

Таша помогла Никите разобрать вещи, которые Глеб вчера свалил кучей в шкафу, рассортировала чистое и грязное, показала, как пользоваться мудреной Ирминой стиралкой, даже провела ликбез по стирке концертных рубашек и чистке костюмов. В какой-то момент у Никиты возникло желание взять блокнотик и все записать по пунктам. Он и предположить не мог, что тут столько тонкостей: и воротники нужно отглаживать, и в химчистку каждый раз пиджаки сдавать, и брюки гладятся совершенно по-особому. Впрочем, брюки он вообще гладить не умел, джинсы же не мнутся.

- А в целом, не заморачивайся, — подытожила Таша. – Пиджаки в химчистку, брюки пусть сам гладит, главное – чтобы свежие рубашки на каждый день были. А дом убирать

найми клининговую службу, я тебе дам телефон. А то правда в жену превратишься. И найди себе нормальное дело. Не за компьютером, а такое, чтобы из дома уезжать.

- А Глеб?

- Что Глеб? Он, к счастью, больше не беспомощный инвалид, сиделка ему не требуется. Вот увидишь, у вас еще лучше отношения станут, он начнет больше тебя ценить. Хочешь, я с Ромкой поговорю, чтобы он тебе с практикой помог?

- Опять? Он уже помогал. Спасибо, Таш, но психологом я работать не хочу. Мне одного пациента выше крыши хватает. Сам что-нибудь придумаю.

За обсуждением этой без сомнения увлекательной, но тяжелой для Никиты темы их и застал вернувшийся Глеб Васильевич. Любимый сиял как начищенный пятак.

- Меня пригласили на ток-шоу! Центральный канал! Эфир в прайм-тайм! Съемки завтра! – с порога сообщил он. – Здравствуй, Ташенька.

- Ну надо же, заметил.

Таша внимательно его разглядывала, задержалась взглядом на трости, но никак ее не прокомментировала.

- Что за шоу? Какая тема?

- Не помню, — беспечно пожал плечами Глеб. — По-моему, что-то бабское. Из серии «Между нами, девочками». Да какая разница? Прайм-тайм! Вся страна смотреть будет! А меня в этом доме кто-нибудь покормит? Мне еще вечером на работу.

- Куда? – возмутился Ник. – Ты же обещал себя беречь! Мы не успели приехать, ты по Москве круги наматываешь!

- Ну прости, мой хороший. Тусовочка вечером намечается, у Палки День рождения. Вечеринка в клубе на Маяковке. Черт, название тоже забыл. Ну Игорь помнит, он меня везет.

- У чего, прости, День рождения? – мрачно уточнила Таша, отрезая ему пирога и ставя чайник. — Какой Палки?

- Певица такая, модная, Палкой зовется, — с набитым ртом сообщил Глеб. — Чего вы так на меня смотрите? Не я ее продюсер, не я ей сценическое имя выбирал.

- Это понятно, а зачем ты идешь на ее День рождения? – вкрадчиво уточнил Никита.

- Потому что позвали. А я сейчас не в том положении, чтобы отказываться.

- Тебе что, заплатят за выступление на Дне рождения?

- Нет, я же гость.

- А, то есть за хавчик петь будешь?

Ник метнул на тетушку грозный взгляд. Не стоит так с Глебом разговаривать, он и взорваться может, даром что сейчас улыбается. Но разве Ташу смутишь.

- Я просто приеду ее поздравить. Потусуюсь, засвечусь. Чтобы народ знал – Немов вернулся, он в форме и в голосе, и готов выступать.

Ник тяжело вздохнул. Опять доказывает. И ведь без трости поедет наверняка. И петь там будет. Народный артист России поздравляет Палку. Зашибись просто! И все ради того, чтобы «засветиться», напомнить о себе. Так дальше пойдет, он еще приплачивать начнет за возможность выйти на сцену.

- Я вернусь поздно, так что ты ложись спать, меня не жди, — продолжал Глеб как ни в чем не бывало.

Возникла неловкая пауза. Таша сосредоточенно размешивала сахар в чае, постукивая ложечкой о стенки чашки. Никита буравил взглядом Глеба. А Глеб Васильевич невозмутимо доедал третий кусок пирога и ничего не замечал.

- Никит, а давай ты сегодня к нам поедешь? У Ромки спектакль, зато у Ксюшки вечер свободный. Пообщаетесь.

Таша первая сообразила, что надвигается гроза, и решила разрядить обстановку. Но Никита только мотнул головой:

- Спасибо, Таш, но нет. Я на Бардина поеду. Домой.

Он сделал ударение на последнем слове, и Глеб наконец-то на него посмотрел.

- Никит, ну в чем опять дело? Мы же договорились?

- О чем? О том, что я буду сидеть в твоём гребанном дворце и ждать тебя с тусовок? Об этом мы не договаривались! Все, Глеб, у тебя теперь все в порядке, и я тебе больше не нужен? Из помощников и телохранителей меня разжаловали, как я понимаю, переведя в статус кого? Ирмы?

- Никит, не говори глупостей! Ты сам должен понимать, что после всего, что произошло, я не смогу появляться с тобой на публичных мероприятиях. Ты будешь привлекать...э-э-э... Нездоровый интерес, скажем так. А мне сейчас нужно, чтобы все забыли про ту историю...

- Вот именно, Глеб. Ключевая фраза «мне нужно». Ты всегда поступаешь так, как нужно тебе, даже не пытаешься подумать о других.

- Ты не понимаешь, Ник. Для меня сейчас очень важно вернуться на сцену. Это вся моя жизнь.

- Вот именно! Только это твоя жизнь и есть! Больше ничего, все остальное – приложение, декорация. Ну раз я больше не твой помощник, то я готов вернуться к своему прежнему статусу – любовника. Когда захочешь чего-то еще, кроме сцены, приходи.

Не дожидаясь возражений, не слушая ни Глеба, ни тетушку, заговоривших одновременно, Никита вышел из кухни. Забрать планшет, кинуть телефон в барсетку, взять куртку – дело нескольких минут. Уже обуваясь в прихожей, он услышал стук Глебовой трости. Сердце словно стиснуло холодной рукой: как он его оставит? За эти месяцы он так привык быть постоянно рядом, заботиться, беспокоиться. Но о ком? О человеке, капризном, заносчивом, но любимом. А сейчас с ним разговаривал артист Немов, который вернулся совершенно неожиданно и абсолютно некстати.

Ник не стал ждать, пока Глеб доберется до прихожей. Он захлопнул за собой дверь, быстро пересек двор и вышел за ворота. Надо было бы попросить Ташу подбросить его в город. А, к черту все! До трассы не так далеко, а там поймают кого-нибудь.

Никита шел, не оборачиваясь. Он прекрасно знал, что сейчас за ним никто не пойдет. Это Глеб мог рвануть следом, забыв про коляску и неспособность ходить. Артист Немов, имея все возможности его догнать, сейчас проводит его взглядом, отряхнется и поедет на день рождения Палки. А что будет дальше, Никита даже думать не хотел.

@@@

На вечеринку в клуб Глеб Васильевич все-таки поехал. Абсолютно без настроения, но чисто выбритый, в отглаженной рубашке и привезенном из Израиля костюме, без трости и даже в легком гриме, скрывшем большую часть морщин. Светский лев, мать твою. И пускай на душе кошки скребут, да и чувствует он себя паршиво. На часах начало одиннадцатого, и сейчас он с удовольствием бы лежал в своей кровати, обнимая Никиту и готовясь заснуть под телевизор. И впереди бессонная ночь, полная фальшивых улыбок и пафосных тостов за творческие успехи именинницы, он сам когда-то выбрал эту жизнь, и эту профессию. И отказываться от нее не собирался.

Откровенно говоря, статус вечеринки был для Немова низковат, в былые времена приглашение от Палки или другого исполнителя ее уровня отправилось бы в мусорку даже не прочитанным. Но нынче выбирать не приходилось. Глебу был нужен любой повод появиться в тусовке, нарисоваться перед коллегами, попасть в объектив папарацци, чтобы завтра в глянцевых журналах появились его фотографии. Чтобы про него вспомнили телевизионщики и организаторы концертов, чтобы все знали – Немов вернулся, он в порядке, он работает.

Очень жаль, что Никита этого не понимает. Но откуда ему знать всю закулисную кухню? Дело ведь не в Палке, и не в вечеринке. Просто сейчас нужно хвататься за любую возможность и работать, работать, работать. Жалеть себя он будет позже, да и нажалелся

уже, хватит. И деньги им, кстати, не помешают, Глеб в долгах как в шелках. В деньги из компьютера Глеб не верил и всерьез эту «работу» Никиты не воспринимал.

К хлопнувшей двери и демонстративному уходу Никиты он отнесся спокойно. Характер у мальчика, конечно. Глеб искренне надеялся, что Ник не наделает глупостей, но Таша обещала его проконтролировать. На Ташу можно положиться. А сейчас ему нужно было излучать позитив на публике.

Излучать не очень получалось. Едва переступив порог клуба, Глеб почувствовал, как растет раздражение. Он почти никого тут не знал, в клубе собралась одна молодежь. Немова они, конечно, узнавали, здоровались, но поглядывали на него как-то ехидно, без привычного пиетета.

- Коктейльчик? – рядом с Глебом нарисовался официант, разносивший напитки. – Канапешечку? Бесплатные обнимашки?

- Чего? – Глеб удивленно взглянул на юношу с подносом. – Иди отсюда, чтобы я тебя не видел! Обнимашки! Совсем охренели! Понаберут неизвестно кого!

- Ой, Глеб Васильевич!

В подошедшей к нему девушке Глеб не без труда признал Палку, виновницу торжества.

- Как я рада, что вы пришли!

- Ну как я мог пропустить такое событие? – Глеб нацепил дежурную улыбку и вручил девушке подарок – нарядную коробку он просто выудил дома из шкафа, где хранились презенты еще с позапрошлого юбилея, даже не удосужившись заглянуть внутрь.

- Идите ближе, давайте сфоткаемся! Кен, сфоткай нас! – Палка сунула свой телефон маячившему поблизости парню, похоже, продюсеру звезды и обняла Глеба. – Получилось? Супер! Дай сюда, я в Инстаграмм запилю!

Несколько ошарашенный Глеб постоял посмотрел, как фото с ним куда-то там «пилят» и убедившись, что больше на него никто внимание обращать не собирается, пошел в зал, искать свой столик. Знакомых лиц было мало, а среди одетых в майки и джинсы девушек и парней Глеб Васильевич в костюме чувствовал себя неловко. Поговорить было не с кем. Обычно Глеба сопровождал директор, и если уж он попадал в совсем не подходящую компанию, можно было пообщаться хотя бы с ним. Глеб с тоской вспомнил о временах, когда он брал с собой Никиту в качестве помощника. Вот с кем комфортно в любом месте. Мысль о мальчишке отдалась тупой болью в груди. Ну и зачем он на все это согласился? Никаких папарацци он тут не видит, похоже, они сочли мероприятие недостаточно интересным. Коллег Глеба практически нет. И ради чего здесь торчать? Сейчас бы спал в своей кровати, и с Ником бы не поссорился.

Глеб хотел было унять нахлынувшую тоску спиртным, но из этой идеи ничего не вышло

– гостям предлагали в основном коктейли жутких цветов и непонятного содержания, а когда Глеб все-таки вытребовал у официанта коньяк, тот оказался отвратительного качества, и увлекаться им Глеб просто не рискнул. Есть не хотелось, выступавшие на сцене исполнители не вызывали у него ни малейшего интереса, от громкой музыки и мерцающего света очень скоро начала болеть голова. Его на сцену никто не приглашал, да оно и понятно – на этом торжестве откровенной попсы он смотрелся бы как минимум странно.

За неимением спиртного Глеб цедил какую-то сладкую газировку, поднимая вместе со всеми тосты за именинницу, и последствия не заставили себя ждать. Дотерпев, пока выступит очередное «дарование», Глеб поднялся со своего места и побрел искать туалет. Пробираясь между столиков и думая только о том, как бы идти ровно, что без палки было проблематично, Глеб не замечал косые взгляды. Но фразу, прозвучавшую прямо у него за спиной, не услышать было сложно:

- Смотри, смотри, это же Немов! Ну да, тот самый старпер, что про «Нивы» пел! Ты в курсе, что он педик? Да серьезно тебе говорю! Интересно, чего он сюда приперся? Больше никуда не зовут?

Оборачиваться Глеб не стал. Настроение испортилось окончательно. И даже в туалет не пошел. Привалился к стеночке и набрал Игоря, потребовал забрать его домой.

Поехал Глеб в Нововнуково. У него мелькнула мысль насчет Бардина, да и Никита недвусмысленно дал понять, что будет его ждать в любое время. Но в последний момент Глеб понял, что в таком настроении ехать к Никите не хочет. На продолжение дневных разборок у него нет ни сил, ни желания. Ехать, чтобы снова поссориться? Зачем?

В Нововнуково его ждала Диночка. Он сгреб собаку в охапку, подобрал оставленную в холле трость, тяжело опираясь на нее, добрался до спальни. Разделся, побросав вещи, кое-как смыл грим, и завалился спать. Динка устроилась у него под боком. Для нее хозяин оставался самым любимым, в каком бы настроении он не пребывал.

===== Глава 11. Где жена, там и Родина =====

Как же непривычно просыпаться в одиночестве. Однако, к хорошему быстро привыкаешь. Раньше Глеб Васильевич ценил свою отдельную спальню, предпочитая по утрам не видеть, как Ирма причесывается и красится. И чтобы его никто не видел, чтобы можно было спокойно приводить себя в порядок и сползать с кровати в три приема. Но с Никитой все было иначе. Друг друга они не стеснялись, и даже утренний стояк не был поводом натягивать штаны под одеялом. Глеб привык к сонной, но неизменно ему с утра улыбающейся физиономии, следующим за «Доброе утро» поцелуем и немому вопросу в серых глазах: «Еще что-нибудь хочешь? Или будем вставать?». И можно было выбрать любой вариант, его бы приняли с неизменным удовольствием.

Глеб мысленно отвесил себе пинка и поднялся с кровати. Хватит рефлексировать, господин артист, у тебя съемка. Сейчас как следует поработаешь, исполнишь долг перед Родиной, а потом можешь ехать к своему мальчику, мириться и вправлять ему мозги.

Собираясь на студию, Глеб тоже постоянно себя одергивал. Сначала он не мог разобраться с завтраком – Ташины пироги еще оставались, но их надо было как-то разогреть, а пользоваться микроволновкой он не умел. В итоге поел холодные, поделившись с Динкой, чей корм он вообще не нашел. Потом никак не мог решить, что ему надевать. Ирма всегда готовила для него два варианта одежды на утро, и он выбирал под настроение и в зависимости от планов на день. Никита в этом смысле обладал потрясающим чутьем и, если Глеб его спрашивал, всегда точно подбирал костюм, подходящий ситуации. Даже покупать одежду Глеб в последнее время предпочитал с Ником, мальчишка мог найти именно то, что подчеркивало достоинства фигуры Глеба, скрывая недостатки.

Черт, да что же это такое! Они вчера только расстались, а Глеб уже скучал. Скучал по ехидным комментариям, по иронично-любящим взглядам, по случайным и неслучайным прикосновениям, да просто по положительной энергетике, которую излучал мальчишка. И даже по запаху табака, прочно ввевшемуся в кожу и волосы Ника, скучал.

Мда, надо срочно с этим что-то делать. Находить какие-то слова, чтобы объяснить Нику, как важно для него сейчас много работать. Ромку, что ли, подключить? Он артист, должен понять. Плюнуть, что ли, на все, и брать Никиту не съемки? Ну не сидеть же парню в четырех стенах. И Глебу спокойнее, когда Ник рядом. Может, никто и не вспомнит про тот журнал? Ну да, вчера уже «не вспомнили». А с домом как? Как помочь Никите почувствовать себя здесь комфортно? Или правда на Бардина переехать?

Раздираемый внутренними противоречиями, Глеб Васильевич кое-как собрался и поехал в Останкино, от души отругав Игоря за опоздание на пять минут.

В передаче «Девичьи посиделки» (название напомнила встречавшая его помощница редактора Полина), он еще ни разу не принимал участия. Вообще-то раньше Глеб заранее узнавал формат передачи, старался посмотреть хотя бы пару выпусков или проконсультироваться с Ирмой, которая больше и чаще смотрела телевизор, и только потом давал согласие на съемку. Но теперь было не до жиру. Сам он «Посиделки» по понятной причине ни разу не видел.

- Смотрите, Глеб Васильевич, формат передачи – ток-шоу, — вводила его в курс дела Полина, пока накладывали грим. – Ведущие задают вам вопросы, вы отвечаете. В конце программы подключается зал, идут вопросы от аудитории. И в заключение вы поете песню.

Про песню Глеб знал, его заранее предупредили. Собственно, это был решающий довод, появиться с песней на телевидении сейчас нужно было позарез. А вот ток-шоу он не любил, они требовали массу энергии, чтобы концентрироваться на вопросах, давать правильные, попадающие в образ Немова ответы и при этом еще постоянно улыбаться.

- Я «Весенний дождь» спою, это из новенького, — сообщил он, разглядывая себя в зеркало. – Минус звукорежиссеру уже отдал.

- Минус? Глеб Васильевич, к нам лучше с плюсом приходите. Студия без подзвучки, вы себя слышать не будете.

Мать вашу! Предупреждать нужно о таких вещах! Заранее! Он ведь специально в офис за минусом заезжал, плюс можно было и дома найти, вон их дисков сколько валяется.

- Спою как-нибудь, — процедил Глеб.

Все-таки отсутствие директора сказывалось. Вот как раз такие вопросы он и должен решать, организовывать все, чтобы артист приехал и спокойно мог работать, без нервотрепки.

- Тема беседы-то какая? — уточнил он, поправляя воротник. — О чем говорить будем?

- Да о разном. Женские темы у нас, наша аудитория женская в основном. Дети, дом, готовка.

- Чего? А я тут причем? — Глеб даже оторвался-таки от зеркала. — Что я могу сообщить на тему готовки?

- Да нет, вы не поняли, мы часто приглашаем мужчин, чтобы обсудить с ними женские проблемы, — начала объяснять Полина. — Знаете, мужской взгляд очень помогает.

Глеб только головой покачал. Ладно, у Немова были отрепетированы ответы на тему «дом и семья», что-нибудь наплетет, не в первый раз.

Студия была стилизована под кухню, на которой за столом сидели ведущие и гость. Вроде как чаевничали и беседовали «о девичьем». С двух сторон от «кухни» располагались зрительские места, на которых наблюдались одни дамы бальзаковского возраста. Глеба передернуло. Самая что ни на есть целевая аудитория, эти от его песен как раз и млеют. Но ведущие были молодые, симпатичные, одна даже показалась Глебу знакомой.

- Садитесь сюда, Глеб Васильевич, — Полина устроила его во главе стола. — Это Окси, это Лиззи. По сценарию Окси задает каверзные вопросы, а Лиззи смягчает ситуацию.

- Прямо-таки каверзные? — улыбнулся Глеб. — Девчонки, ну вы сильно-то меня не пытайте!

Он уже вошел в образ обаятельного любимца публики и источал жизнерадостность. Не перепутать бы имена девушек. Окси! Мда, ну хорошо не Палка!

- Чай бутафорский! — предупредила Полина, заметив, что он уже потянулся к стоящему на столе чайнику. — Там крашеная вода. Сладости тоже из пластика.

Ну вот так всегда! И почему, спрашивается, не налить нормальный чай и не поставить блюдо с печенюшками? Он бы сейчас от пары глотков горячей жидкости не отказался.

- Вечно на нас экономят, — проворчала та, которую представили как Лиззи.

- Не ной, поставят настоящее – гости будут жрать вместо того, чтобы говорить, — одернула ее Окси. – Ну мы сегодня начнем уже, нет? У меня еще тусовка вечером!

Глеб Васильевич вздохнул и вытащил из кармана телефон, чтобы отключить звук. Как раз в этот момент аппарат завибрировал. Надписи на экране у Глеба были крупные, чтобы видеть, кто звонит, без очков. Никита. Ну надо же, про него вспомнили? На душе потеплело. Звонит, беспокоится. Глеб уже начал было переживать, когда мальчишка не объявился ни вчера, ни сегодня с утра. Однако брать трубку Глеб не стал – Полина уже давала отмашку о начале съемок, да и лишних ушей вокруг полно. Потом перезвонит.

- Внимание! Тишина! Снимаем!

- Здравствуйте, дорогие телезрители, — затараторила Окси. – Сегодня пятница, а значит, в эфире «Девичьи посиделки». У нас в гостях народный артист России Глеб Васильевич Немов!

Зал дружно зааплодировал, Глеб привычно улыбнулся на камеру.

- И мы сегодня говорим на тему «Что же нужно мужчинам в сексе?», — продолжила Лиззи. – Вот представьте себе типичную домохозяйку. С утра она отправила детей в школу, прибралась в квартире, постирала, приготовила обед, выучила с вернувшимися детьми уроки и ждет Его. А Он звонит и говорит, что задержится на работе. Ну мы-то с вами знаем, на какой работе мужики обычно задерживаются.

- Да к любовнице он пошел, — подхватила Окси. – Молодой, красивой, и не думающей о борщах и уроках. Так ведь, Глеб Васильевич? В вашей жизни такое бывало?

Не ожидавший столь стремительного развития событий Глеб даже не сразу понял вопрос.

- Как бывало?

- Ну чтобы вы вот так с работы «задерживались»? Звонили жене и говорили: «Дорогая, сегодня не жди, у меня концерт». Артистам же вообще хорошо, у них ненормированный рабочий день.

- Стоп, стоп, девчонки! – Глеб протестующе поднял руки. – Если говорить про меня, я никогда так не делал. А у коллег, да, бывает, безусловно. Понимаете, в артистической среде адюльтеры вообще распространены. Художнику нужны новые ощущения, новые музы, если хотите. Так что, я думаю, мужчины чаще всего ищут на стороне вдохновения.

- Как вы красиво сказали, Глеб Васильевич, — Окси налила себе бутафорского чаю. – Ну а как быть, если муж не артист, а слесарь? Почему он изменяет? Тоже вдохновения ищет?

Глеб закашлялся. Как-то ему совершенно не нравилось направление разговора. Но деваться уже было некуда.

- Ну я же не слесарь, девочки, откуда мне знать?

- Хорошо, построим вопрос иначе. Не кажется ли вам, что налево мужчина идет за физическим удовольствием? Вдруг любовница умеет больше, чем жена? – предположила Окси.

- Или хочет чаще, чем жена? – подхватила Лиззи.

Глеб Васильевич окончательно смутился. Он все-таки был артистом старой закалки, и не привык вот так свободно рассуждать о сексе на камеру. Одно дело дома с Никитой постельные темы обсуждать, и другое дело в студии перед целой толпой.

- Вы знаете, я считаю, что уметь должен мужчина, — нашелся он. – Тогда неважно, в каком статусе находится женщина, жена это, любовница или какое-то мимолетное увлечение, с настоящим мужчиной ей должно быть хорошо.

- Но лично вы за верность в супружеских отношениях?

- Лично я – да!

- А в чем же тогда причина вашего развода с супругой после, если не ошибаюсь, тридцатилетней совместной жизни?

Глебу Васильевичу стало нехорошо. Откуда они знают? Ведь не афишировали. Впрочем, они всегда все знают. Господи, ну зачем он согласился на этот эфир! Глеб обвел взглядом зал. Съемку еще можно остановить, устроить скандал и уйти. Но в студии человек двести зрителей. И у всех телефоны с этими, как их, куда «фоточки пилят». Сейчас они все «запилят» сообщение о том, что Немов отказался отвечать на вопросы и сорвал съемку, и будет еще хуже. Нет, надо что-то отвечать и уходить от скользкой темы.

- Знаете, я не хотел бы говорить об этом, — мягко начал он. – Ирма Владимировна замечательная женщина, я очень благодарен ей за все, что было, но у нас возникли некоторые непреодолимые противоречия, и мы решили расстаться. Увы, так случается и после долгой совместной жизни.

- Скажите, а инициатива развода была с чьей стороны?

Глеб хотел ответить правду, но в последний момент передумал. Не поверят же, что женщина первой подала на развод. Да и неправильно как-то сваливать все на Ирму. Ее здесь нет, и зрители все равно всех обстоятельств не знают.

- С моей, — произнес он и услышал, как зал неодобрительно загудел.

- То есть вы бросили супругу, которая отдала вам лучшие годы? – уточнила Окси.

Глеб поморщился. Отвратительная штампованная формулировка.

- Я никого не бросал, это было обоюдное решение.

- Но, согласитесь, мужчина в любом возрасте может найти себе новую пассию. А что делать в такой ситуации женщине?

- Понятия не имею, я не женщина, — резче, чем хотел, произнес Глеб, уже начавший терять самообладание.

- А мне кажется, проблема в том, что наше общество утрачивает традиционные ценности, — влезла Лиззи. — Институт семьи перестал быть чем-то священным. Вот ваша пара, Глеб Васильевич, для многих, я уверена, была примером для подражания. Вы ведь кумир миллионов! А теперь люди думают: «Ну если ему можно, то мне — тем более!».

- Послушайте, я — артист! Певец. Можно любить или не любить мои песни, но при чем здесь моя личная жизнь? Я никогда не пытался быть для кого-то эталоном мужа!

- У нас вопрос из зала, — перебила его Окси. — Дайте микрофон женщине в третьем ряду! Пожалуйста, что вы хотели сказать?

- Я считаю, проблема в пресыщенности, — забубнила тетка лет пятидесяти с кулем на голове и накинутом на плечи платке. — Вы тут на эстраде с жиру беситесь, не знаете, чем себя развлечь. Клубы, машины, молодые любовницы. И с экранов все это как норму преподносите. Наши мужики смотрят на вас, и у них тоже крышу сносит. А сейчас любовницы надоели, гомосятина пошла! И к чему это приведет? Не вы ли, господин Немов, на обложке журнала целовались с парнем? Не в этом ли причина вашего развода?

Глеб Васильевич побледнел, дышать стало совсем нечем.

Звукорежиссер уже сориентировался, микрофон тетке отключил. Ведущие тоже нашлись:

- А сейчас мы прервемся на рекламу, после чего продолжим! Оставайтесь с нами!

- Стоп! Перерыв! — прозвучал голос откуда-то сверху.

Глеб Васильевич резко поднялся и вышел из студии. Только бы ничего не сказать при зрителях. Уже в коридоре он услышал, что за ним кто-то бежит. Обернулся — Полина.

- Глеб Васильевич, простите, ради Бога! Понаберут массовку с улицы, потом не знаем, что с ней делать. Мы вырежем этот вопрос из программы. Вернитесь на съемку, пожалуйста.

- И все остальное тоже вырежете? — рявкнул Немов. — Все вопросы ведущих? Вы меня зачем вообще позвали? Грязное белье перед всей страной полоскать?

- Глеб Васильевич, но у передачи такой формат...

- Не мой это формат, значит! Все, никаких съемок не будет! И только попробуйте дать

это в эфир, я вас всех засужу к черту!

Не слушая больше ничего, Глеб пошел в гримерку, где остались пальто и барсетка. У двери стояли какие-то люди, явно его поджидавшие. Господи, только этого не хватало. Ему что теперь, с охраной ходить? Это кто вообще, очередные бабки-моралистки?

- Автографов не будет! – прошипел он, пытаюсь пройти мимо. – Комментариев тоже.

- И не надо.

Голос показался ему знакомым.

- Просто возьмите, — в руки лег букет полевых цветов. – Мы вас любим.

Глеб присмотрелся внимательнее. Ну да, точно, Громова. И с ней еще три подружки, скромно в уголке стоящие. Он хотел сказать какую-нибудь гадость, но промолчал. Забрал цветы, кивнул и скрылся в гримерке. Не то, чтобы стало легче. Но по крайней мере кто-то продолжает его любить, несмотря ни на что.

Он даже забрал с собой цветы, вопреки обыкновению. Шоферу велел отвезти его в офис. Что там делать, в этом офисе, он понятия не имел.

@@@

Как же хорошо дома! Привычный бардак, который можно не прибирать, если не хочется. Тут и там стоящие пепельницы. Свобода и тишина. Тишина... Без лая Динки, без ворчания Глеба, без стука трости и родных шаркающих шагов. Тишиной и свободой Никита наслаждался от силы полсуток – пока отоспался на диване в кабинете. Даже до спальни не дошел, да и не хотелось. В былые времена именно кабинет становился его пристанищем. Здесь ничего лишнего, диван, стол и портрет Глеба в рамочке на стене. Так и остался, с тех самых былых времен. Рука не поднялась убрать, хотя сам Глеб неоднократно порывался это сделать.

Утро началось со звонка Таши – тетушка контролировала, в каком он состоянии, не иначе. Никита спокойно с ней поговорил, сообщил, что работает за компьютером, еда у него есть, и вообще все в порядке. Хотя на самом деле компьютер и не думал еще включать, валялся на диване, небритый и в несвежей футболке, в холодильникемышь повесилась, и больше всего на свете хотелось кофе. И позвонить Глебу.

Мысли постоянно возвращались к нему. Как он там? Никита уже начал забывать в последнее время, что Глеб взрослый и самостоятельный человек, который как-то всю жизнь обходился без его заботы. И по гастролям мотался, и по тусовкам, и работал как каторжный, и ничего особо страшного с ним не случалось. Теперь, когда он может ходить, совершенно не обязательно следить за каждым его шагом.

И все-таки у Никиты душа была не на месте. Он то и дело поглядывал на телефон, который упорно молчал. Почему Глеб не звонит? Отсыпается после вчерашней пьянки или

обиделся сильнее, чем показалось Никите? Позвонить первому? И что сказать? Если Глеб обиделся, нужно мириться, а как? Просить прощения и возвращаться в Нововнуково? Этого Никита делать не собирался. Он четко озвучил Глебу свою позицию и считал себя правым. Если сейчас уступит, все начнется сначала.

В конце концов он взялся за телефон и набрал Глеба. Гудки шли, но никто не отвечал. Никита начал беспокоиться, но вовремя вспомнил, что Глеб говорил про съемки на телевидении. Интересно, долго они длятся, съемки эти?

Часа два Ник слонялся по дому, пытаясь чем-нибудь себя занять. Работать настроения не было. Зашел на кухню, открыл холодильник, задумчиво посмотрел на пустые полки и закрыл. Сходить в магазин и что-нибудь приготовить? Да ну к черту. Это из-за Глеба он мог бегать по супермаркетам и извращаться у плиты. Сам же спокойно жил неделю на кофе и сигаретах. Решив навести порядок, Никита открыл шкаф с одеждой, и на него тут же свалился ворох тряпок. Свитера, рубашки, пижамные куртки – все вперемешку, чистое с грязным, и все вещи Глеба. Никита несколько минут помедитировал над образовавшейся кучей и начал потихоньку ее разбирать. Это стирать, и это тоже. Господи, а эта рубашка вообще с юбилея валяется, во что она уже превратилась! А эти джинсы еще ничего, можно пару раз надеть.

Нет, глупо это все. Не смогут они по разным домам жить. Суток не прошло, а он скучает так, что готов на стену лезть. Любимый запах, который хранили вещи, сводил с ума. Даже в этом доме Глеб везде – в сваленных комом рубашках, сиротливо стоящих у кровати мягких тапочках, конфетных обертках, раскиданных по всем комнатам, батарее бутылочек и баночек с косметическими средствами на зеркале, забытых на бачке унитаза очередных очках. Никогда Никита не был примерным семьянином, никогда не привязывался к вещам. Даже с Ингой они почти не бывали дома, проводя все свободное время на соревнованиях, в каких-нибудь походах или у друзей. А Глеб умудрился что-то в нем изменить. С Глебом хотелось валяться на диване у телевизора, пить чай на кухне или просто заниматься своими делами за компьютером зная, что он где-то рядом, в соседней комнате, сопит над нотами, разучивая новую песню, читает «Советский спорт» или дремлет.

Никита разложил вещи по полочкам, отволок стирку в ванную, запустил машинку и, сев на крышку унитаза, в сотый раз набрал Глеба. Любимый по-прежнему не отвечал. Однако сколько можно сниматься? Ник позвонил Таше.

- Скажи, что собираешься к нам приехать? – весело потребовала тетушка. – Я как раз штрудель готовлю.

- Вообще-то нет. Таш, Глеб не объявлялся?

- Начинается! Так я и думала, теперь вы найдете третью сторону, и я буду работать почтовой совой!

- Кем? – поразился Никита.

- Неважно, Ксюшка с утра все части «Гарри Поттера» пересматривает, у меня уже голова кругом. Не объявлялся твой Глеб.

Перебросившись еще парой фраз, Никита отложил телефон. И что делать? Ехать в Нововнуково? Тетушка такая спокойная, посоветовала ему меньше трястись над Глебом и подумать о себе, работу начать искать. Не трястись! Легко сказать! Да мало ли, что с ним могло случиться!

За компьютер Никита все-таки сел, но не работать. Адрес группы поклонников Немова был вбит у него в Избранное, два клика, и он на месте. Глупо, конечно, надеяться, что он найдет там что-то полезное. На стене висело сообщение, что сегодня у Немова съемка в программе «Девичьи посиделки». Никита только головой покачал. Вот пронеры, когда только успевают все узнавать! Так вот, что за передача с эфиром в прайм-тайм, которому Глеб так радовался! Ужас какой, это же откровенно бабский треп, Ник как-то случайно включал эту ересь. И что там Глебу делать?

Ник прокрутил страничку вниз, оставляя без внимания песни Немова и очередные видеозаписи времен царя Гороха. Больше новостей не было. Тут он заметил, что сбоку мигает запрос на добавление в друзья. Никита навел курсор на мигающую надпись и присвистнул. Подружиться с ним желала Ульяна Громова. Какие люди!

Он открыл сопроводительное сообщение и иронизировать расхотелось: «Никита, здравствуйте. Не подумайте, что навязываюсь. Просто хотела узнать, как Глеб Васильевич себя чувствует после съемок? Он не очень расстроился?»

Никита подтвердил запрос в друзья. Ульяна была он-лайн, похоже, что с телефона. Он быстро набрал ответное сообщение:

- Привет! Я еще не видел Глеба Васильевича. Что случилось на съемках?

- Ему из зала задали вопросы, которые Немову задавать нельзя.

Никита раздраженно стукнул кулаком по столу. Однако сдержанность поклонников Глеба выводила из себя! Нельзя конкретнее выразиться?

- Какие?

- Про развод с Ирмой Владимировной и про вас.

Твою же мать!!!

- Откуда знаешь?

- Была на съемках.

Правда что в каждой дырке затычка. Зато теперь понятно, почему не отвечает Глеб. То есть ничего не понятно. Так, думай, Ник, думай. Куда он обычно едетлизывать раны? Или

к Вяземским, или к «Капитану». Если у Вяземских его нет... Черт, да в Москве сотни ресторанов, кафе и кабаков. Он может быть в любом из них. Совершенно не факт, что он отправится именно к «Капитану».

- И чем все закончилось? — напечатал Ник.

- Он развернулся и ушел, съемку прекратили. Мы отдали ему цветы. Но у него взгляд был такой... нехороший.

Никита хмыкнул. «Нехороший» — это мягкое определение. Знал он этот взгляд взбешенного Глеба. Внимательные какие у него поклонники, ишь ты. Обычно люди не замечают, что Немов на пределе. Если он не орет и не кидается предметами, а только сверкает глазами, лучше прятаться куда-нибудь подальше, ибо это в его случае гораздо хуже.

- Спасибо за информацию, Ульяна. Я тебе напишу, когда увижу Глеба Васильевича.

- Спасибо, Никит.

И все. Ни смайлика, который должен обозначать улыбку, ни еще какого-нибудь проявления эмоций. Замороженные они у Глеба какие-то.

Зато у Никиты чувства били через край, от злости на телевизионщиков и Глеба, соглашающегося на что попало, до страха за любимого. Свежи еще в памяти были порезанные руки и красные потеки на белом кафеле отцовской ванной. И где прикажете его искать?

@@@

Лифт снова не работал. Обнаружив сей прискорбный факт, Глеб Васильевич еще несколько раз ткнул проваливающуюся кнопку вызова в какой-то глупой надежде, что она все-таки оживет. Не ожила. Глеб привалился к стене и прикрыл глаза. Господи, ну что за день-то такой сегодня? Подниматься на шестой этаж пешком и раньше доставляло мало радости, а сейчас сотня с лишним ступенек казалась непреодолимым препятствием. И трость дома. И устал он уже как собака, путь от машины до подъезда показался ему бесконечным.

- Соберись, — сам себе велел Глеб. — Вариантов у тебя все равно нет. Водителя ты отпустил, назад не поедешь. Хватит уже разваливаться. Отдохни и начинай восхождение.

Легко сказать. Тут даже сесть негде, чтобы отдохнуть. Не на корточки же, как соседский пьяница. Да и не встанешь потом.

Надо было все-таки ехать к «Капитану». Посидел бы, выпил, расслабился и домой баиньки. Но, что удивительно, пить не хотелось. И вести задушевные разговоры с Ромкой или Ташей тоже. Получив второй раз по морде за сегодняшний день, в фигуральном смысле, конечно, Глеб понял, что хочет он только к Никите. И даже не плакаться. Поговорить. А тут очередной удар.

Было обидно снова почувствовать себя немощным инвалидом. Сломанный лифт, не слишком чистый подъезд и даже сам факт расположения квартиры на шестом этаже казались насмешкой. И все-таки он собрался и заставил себя дойти до лестницы. Один пролет ему под силу. А там можно постоять на площадке и представить, что он только начал подниматься. И еще один пролет. Только бы не встретить никого из жильцов, не хотелось бы вызывать сочувствие. Он прекрасно понимал, как смотрится со стороны, согнувшись и цепляясь за перила. Или решат, что пьяный.

Глеб дошел до третьего этажа и остановился. Все, больше не может. Ноги заплетаются, колени дрожат. Где-то наверху хлопнула дверь. Ну точно соседи. Может, отвернуться к стене, сделать вид, что звонишь в какую-нибудь квартиру, не обратят внимание и не узнают?

Глеб собрался было так и поступить, но услышал, что шаги слишком быстрые, кто-то летел, перепрыгивая через ступеньки. Он знал одного товарища, который спускается по лестнице именно так...

- Никитка...

Ну хоть в чем-то ему сегодня повезло!

- Глеб? – Ник едва успел затормозить, чтобы не налететь на него. – Ты как здесь... Родной, что с тобой?

- Ничего, все в порядке. К тебе шел. А лифт сломался.

Глеб с облегчением повис на мальчишке, крепко его обнявшем.

- Ты позвонить не мог? Я бы тебя встретил! И почему ты трубку не берешь? Я тебя сегодня раз сто набирал.

Говорил Никита сердито, но руки прижимали к себе, губы ткнулись куда-то в шею, и от него исходили такие волны тепла, что у Глеба пропали последние сомнения. Все он сделал правильно.

- Что я, маленький, чтобы меня встречать? Ты и так нянькой работаешь. А мне не нужна нянька. Мне нужен мой Ник.

- Так лифт же... Черт, я убью этого домоуправа, если найду. И узнаю, как он вообще выглядит. А с телефоном твоим что?

- Я звук выключил. И забыл. Да ну его. Не хочу никого слышать. Кроме тебя. – Глеб говорил короткими фразами, то и дело прерываясь, чтобы целовать мальчишку. — Пойдем домой?

- Домой? – Ник на секунду отстранился, чтобы посмотреть ему в глаза. – Домой – это куда?

- Туда, — Глеб кивнул в сторону лестницы, ведущей наверх. — Какая разница? Мой дом там, где ты. Я такой дурак... У меня осталось так мало времени, а я его трачу на такую ерунду.

- Глеб, ты что? — Ник встряхнул его так, что у Глеба зубы клацнули. — Что ты несешь? Пошли, горе мое.

- Именно что горе, — кивнул Глеб.

В обнимку с Никитой преодолеть оставшиеся ступеньки оказалось не так уж сложно. Сев на диван в гостиной и вытянув гудящие ноги, Глеб вздохнул с облегчением.

- Ты почему без трости? — выговаривал ему Ник. — Что за подвиги? Перед кем ты форсишь?

- Не знаю. Уже не перед кем. Ты куда? — Глеб поймал его за рукав.

- Пойду чаю тебе сделаю. Еды нет, правда. Доставку что ли вызвать?

- Не надо ничего. Сядь. И прекрати разговаривать со мной таким тоном, пожалуйста.

- Каким? — Никита все-таки сел рядом.

- Сдержанным. Как с умственно отсталым.

- Глупости, Глеб. Я просто не знаю, чего от тебя ждать. Сейчас ты пришел, бледный как смерть, мне тебя жалко до слез. А завтра выплещешься, оклемаешься, снова махнешь хвостом и улетишь на тусовку. Я не знаю, как реагировать, Глеб. Я устал. Мне непонятна эта ваша жизнь, это маниакальное стремление на сцену, в любом виде и состоянии. Это же даже не любовь к искусству, искусством можно заниматься и дома. Это любовь к славе, к вниманию, причем со стороны людей, которые не знают тебя настоящего. И которые сами по себе тебе нафиг не нужны. Тебе нужны только их аплодисменты и восхищенные взгляды. Но чтобы при этом они держались от тебя на расстоянии и не мешали жить.

Никита говорил и говорил, выплескивая все, о чем явно давно думал. Глеб слушал и кивал. Даже возражать не хотелось. Во многом мальчишка был прав, чего-то просто не понимал в силу юности и разности интересов. Когда Никита наконец замолчал, Глеб притянул его к себе, покрепче обнял и пробормотал ему куда-то в затылок:

- Никуда я больше не уйду. Все, кончились тусовки. А искусство — оно еще раньше кончилось.

@@@

- И ты представляешь, едва захожу в коридор, навстречу Атошка Звольский. У него офис в том же здании. Несется на всех парах. Меня увидел, обрадовался, конечно, расцеловались.

Хороший он мальчик, воспитанный. Это только на сцене изображает из себя черте что, задумка такая у его продюсера.

Глеб рассказывал, сидя на диване, прижимаясь к Никите и обнимая двумя руками кружку с кофе. На улице снег пошел. Никита включил сплитку для дополнительного обогрева и теперь сидел, слушая рассказ Глеба о его сегодняшних злоключениях и думая, что со всем этим делать.

- Я его спрашиваю, куда летишь, а он такие глаза удивленные сделал: «Как куда, Глеб Васильевич? В Кремль! Сегодня ж концерт к 23 февраля!». Ты представляешь, Никит? Я ведь и забыл совсем! Антошка на меня глазами хлопает: «А вы разве не едете?». Ну конечно, в его сознании я – неотъемлемая часть любого правительственного концерта. Он, наверно, еще на горшке сидя, меня в телевизоре видел. И что я ему мог сказать? Что меня не позвали? Первый раз за лет так тридцать? Я наврал что-то про дикую занятость, конечно. Пришел в офис, где секретарши и той нет, сел за стол и знаешь, даже не обидно. Просто никак.

Никак – это плохо, защитная реакция психики на ситуацию, с которой сложно справиться. Это Никита помнил из базового курса психологии.

- Глеб, организаторы просто не знали, что ты в Москве, поэтому не позвали. Директора у тебя сейчас нет, ты два с лишним месяца нигде не появлялся. Чему ты удивляешься?

- Ник, о чем ты говоришь? Правительственные концерты делают одни и те же люди, с которыми мы сто лет знакомы. Разумеется, у них есть все мои телефоны. И звонят они мне всегда напрямую. И потом, я же не успокоился, я Каролю позвонил, объяснил ситуацию.

- Ты? Каролю? – поразился Ник.

- А что такого? Ну да, между нами есть противоречия, но он, как бы тебе сказать... Что-то вроде крестного отца в нашем мире. Через него решаются все вопросы, споры, проблемы. И если артиста незаслуженно обижают, он всегда вмешивается, забывая даже про личную неприязнь.

Никита вспомнил, что именно Кароль погасил долг Глеба за аренду зала, и молча кивнул. Он уже убедился, что всех этих людей, их логику и взаимоотношения, ему не понять.

- Так и так, говорю, Илья. Я вернулся, хочу участвовать. Он же в курсе моей ситуации. И поверь, это не проблема, впихнуть артиста в сборный концерт, даже если до него осталась пара часов. Илья меня выслушал, обещал все решить. Через пять минут перезванивает и говорит, что ничего сделать нельзя. Была команда Оттуда меня из всех правительственных концертов убрать. В связи с нашей новой государственной политикой. Понимаешь, Никит? Я теперь в «черном списке».

Глеб говорил абсолютно спокойно, и это пугало. Только теснее прижимался к нему и с шумом прихлебывал горячий кофе.

- Эти списки на самом деле существуют? Как в советское время?

- Не совсем. Тогда если артиста «закрывали», то глобально – ни гастролей, ни эфиров, ни записей. Все же подчинялись Министерству культуры – и Росконцерт, и телеканалы, и студии. А теперь почти все в частных руках. Но состав артистов для правительственных концертов ко всем возможным праздникам утверждается по-прежнему наверху. И если ты в них не участвуешь, ты уже не артист первого эшелона.

Никита с трудом вникал во всю эту систему. Ему было понятно, что Глеб расстроен, что как раз выход в сборном концерте в Кремле был бы для него не лишним – это не ночной клуб и не сомнительное телешоу. Но что он мог сделать? Про сорванные съемки Глеб тоже рассказал, клятвенно пообещав вообще больше на телевидение не лезть.

- Они не хотят артиста Немова, — заключил он. – Они хотят шута Немова, который будет веселить публику пикантными подробностями личной жизни. Типа Бори Алексева, только еще веселее, с учетом легендарного прошлого

Никита не знал, что сказать. Похоже, что выводы Глеба были верными. Только кому от этого легче?

- И что ты решил? – осторожно спросил он.

Если Глеб не бесится, не орет и не пытается напиться, значит все или совсем плохо, или у него есть какое-то решение, это Никита уже знал по опыту.

- Не знаю. Илья обещал пошуршать, замолвить за меня словечко, где надо. Но если честно, Никит, я даже не уверен, что этого хочу. Так противно все... Шепот за спиной, насмешки в глазах, игнорирование. И устал я смертельно. Изображаю светского льва, а самому выть хочется от тоски и хренового самочувствия.

- Сейчас тоже? – насторожился Никита. – У тебя что-то болит?

- Сейчас нормально. Когда под попой мягкий диван, а под боком любимый мальчишка – хорошо.

Глеб наконец-то улыбнулся. У Ника немного отлегло от сердца. Минут двадцать они молча смотрели работающий фоном телевизор. Причем Глеб не отпуская его руку, и продолжал жаться, хотя в квартире уже было не просто тепло, а жарко.

- Глеб, — нарушил тишину Никита. – У нас какие планы?

Явно начавший дремать Глеб не сразу понял вопроса.

- В смысле?

- Как я понимаю, ты здесь ночуешь?

- Мы здесь ночуем, — Глеб сделал ударение на первом слове. – И мы поедem в Нововнуково, когда захотим. Или не поедem. Как нам захочется. Обоим.

- Ясно, — Никита мысленно улыбнулся. – Только, солнце, тебе все равно придется поднять попу с дивана и покататься по Москве. Так и быть, я побуду твоим шофером.

- Чего это? – возмутился Глеб.

- А ты не забыл, что у нас есть еще один член семьи? Которого надо выгулять и накормить?

- Черт, Диночка...

- Угу. И если мы собираемся жить на два дома, придется таскать собаку с собой.

- Ник, у меня сил нет туда-сюда мотаться. Давай я Игоря вызову, чтобы он ее привез.

- И дашь ему ключи от своей хаты? Да и не пойдет к нему Динка, ты же знаешь ее характер. Ладно, родной, поехали в Нововнуково ночевать. И вообще жить. И тебе там лучше, и Динке раздолье.

- А тебе?

Глеб смотрел на него внимательно, настороженно.

- А мне здесь без тебя повеситься хочется. Так что какая разница? Знаешь, один умный человек сказал: «Где жена, там и Родина».

- Я – жена?!

- Нет, Родина, — хмыкнул Никита. – Иди переоденься во что-нибудь потеплее, там полный шкаф твоих вещей. А я на пять минут за компьютер и поедem.

Пока Глеб возился в спальне, переодеваясь, Никита быстро отправил сообщение Ульяне:

- Глеб Васильевич дома, с ним все хорошо.

И с точки зрения Никиты, он даже не сильно соврал.

===== Глава 12. Последний поклон =====

Такое ощущение, что этот дом возводился по книжке «Как не надо строить дома». За что бы Никита ни взялся, везде обнаруживалась проблема – краны текли, в подвале не включался свет, автоматические ворота постоянно заклинивало, и приходилось вылезать из машины и с силой оттащить створку, преодолевая сопротивление проржавевшего механизма. Но хуже всего вела себя система отопления. Ник уже перепробовал десятки варианты настройки котла, но ему так и не удалось добиться тепла во всем доме. Или на

кухне можно было пингвинов разводить, или в гостиной сопли на лету замерзали. На возмущения Никиты по поводу этого безобразия и отсутствия в доме мужской руки, Глеб только отмахивался – я артист, это не моя компетенция.

- И вообще, домом всегда Ирма занималась, — добавил он, устраиваясь поближе к камину, который Никита начинал топить, едва смеркалось.

Никита заметил, что Глебу нравится сидеть у огня. Да и Динка сразу приходила и вытягивалась ковриком перед защитной решеткой.

- Кранами, отоплением и воротами – тоже Ирма?

- А для этого службы специальные есть. Телефоны можно в Интернете найти.

- Угу, они с тебя сдерут три шкуры и ничего не исправят, пользуясь тем, что ты артист.

Никита сел на пол, перед креслом Глеба, прижавшись спиной к его ногам и запрокинув голову. Отсюда было удобнее подкидывать дрова, а теплая рука, легшая на затылок и начавшая перебирать его волосы, приятно успокаивала, так что желание спорить быстро пропало.

Они жили в Нововнуково уже три дня. В первое утро опробовали Глебову кровать, а потом заодно и душ в его ванной комнате. Кровать испытание на прочность прошла, а вот душевую кабинку, слишком тесную для двоих, решено было заменить. Потом ездили за продуктами, забили до отказа холодильник и два раза поругались. Первый раз из-за трости, которую Глеб не хотел брать, выходя из дома, принципиально.

- Это не Израиль! Меня здесь каждая собака знает! – возмущался он. – Сфотографируют, потом в Интернет выложат, журналисты подхватят, статью накропают. И новый позор!

Ник понимал, что он прав, но без трости Глеб быстро уставал и начинал заметно хромать.

Второй раз поцапались по дороге домой. Какой-то колхозник с иногородними номерами нагло подрезал Бэу Ника на Кольцевой. Мириться с таким безобразием Никита, разумеется, не стал, втопил педаль газа и показал, чего стоит его машина. Разгонялась Бэха моментально, он без особого труда обогнал нахала, перестроился на его полосу и притормозил. В зеркале он мог наблюдать, как колхозник испугался, что сейчас въедет на своей колымаге в зад дорогой машины. Довольно усмехнувшись, Ник снова набрал скорость. И только тогда заметил, что сидящий рядом Глеб выглядит неважно.

- Родной, ты чего? – осторожно поинтересовался Никита.

- Ничего. Я с тобой ездить больше не буду. Мальчишка!

- А чего я?! Он меня подрезал!

- А ты ему зад подставил!

Никита заржал от формулировки.

- Да ну тебя, — еще больше рассердился Глеб. – Не успел бы он притормозить, и разбил бы тебе машину. Не жалко?

- Жалко. Но это моя машина, и у нее мой характер. Я не собираюсь плестись в крайнем ряду и уступать каждому тазику. Она неоднократно битая, кстати.

- Почему я не удивляюсь?

- Ты можешь ездить с Игорем, если хочешь, — пожал плечами Ник. – Я буду кататься на своей.

- Ну да, кортеж из двух машин, Немов едет за продуктами. Жалко еще мигалки нет! Можно просто не лихачить?

- Нельзя.

Но в целом все было замечательно. Никита чинил краны, смазывал ворота и сидел за компьютером. Глеб взялся наводить порядок в кабинете, решив выкинуть оттуда лишний шкаф и поставить второй стол для Никиты.

- Будет у тебя офис на дому, хватит по сортирам жаться, — сообщил он.

Никита только усмехнулся. Подумаешь, застал его один раз Глеб на унитазе с ноутбуком. Ну не мог он прервать торговлю! И вообще там тихо, спокойно. Комната уединения!

Как Никита и подозревал, разбирать и выкидывать шкаф пришлось ему. А Глеб по уши закопался в книгах, дисках, нотах и афишах, вытряхнутых из шкафа и теперь нуждающихся в пристроении. Никита боялся, что найдя все эти свидетельства своего творческого пути, Глеб снова загрустит, но любимый как-то на удивление быстро собрался, книги рассовал на свободные полки в гостиной, диски сложил стопочкой и пристроил на своем столе, ноты рассортировал и по большей части отправил в камин. Афиши он явно собрался отправить туда же, но Никита его вовремя остановил.

- Ты что делаешь? Ну-ка отдай!

- Зачем это тебе? Просто хлам, у меня еще в офисе таких тонны!

- Отдай, говорю! Как можно такого красавца в камин?!

Никита развернул афишу и залюбовался изображенным на ней Немовым.

- И что ты с ней делать будешь? – иронично спросил Глеб.

- На стенку в спальне повешу!

- Я тебе повешу! Засранец мелкий! Можешь в гараже повесить, если очень хочется. В спальне изволь наблюдать оригинал. А тут вообще не я, тут артист Немов.

- Раздвоение личности, родной? – хмыкнул Никита, сворачивая афишу.

- Нет, просто способ сохранить свое «я».

И все-таки Никита не мог не замечать, что Глеб в сомнениях. Он держался, не позволял себе хандрить, они почти не разговаривали о сцене, но он явно находился в раздумьях, периодически «зависая», глядя невидящим взглядом в телевизор, газету или чашку с чаем. Он что-то для себя решал, и Никита старался в эти моменты к нему не лезть. Пусть будет как будет, это должен быть только его выбор. Чтобы никого потом не обвинял.

На третий день позвонил Кароль. Глеб о чем-то долго говорил с ним по телефону, выйдя в другую комнату. Потом вернулся с нейтральным, ничего не выражающим лицом.

- Илья договорился о концерте, — сообщил он. – Вроде как шефском. Для работников, точнее, работниц фабрики, забыл уже название, в Подмоскowie, короче. К восьмому марта. Фабрика оплачивает.

- Ты типа подарок женщинам к празднику? – уточнил Никита.

- Типа да.

- Ты согласился?

- Согласился. Долги-то надо отдавать, деньги не лишние сейчас.

Уточнять, дело ли только в деньгах, или Глеб ухватился за возможность выйти на сцену, Никита не стал. У Глеба не горели глаза, он не выражал особенного восторга, говорил как о чем-то будничном. Ну, если он хочет...

- Когда концерт?

- Через неделю. Поедешь со мной.

Не вопрос, утверждение. Никита кивнул. Поедет, почему нет?

@@@

В концертном зале было так же холодно, как и на улице. Глеб пробыл тут всего минут двадцать, а у него уже зуб на зуб не попадал.

- У вас здесь вообще не топят? – накинулся он на директора зала, когда тот, с

приличным опозданием, все-таки появился.

- Топят, — пожал директор плечами. — Только у нас дыры в крыше и стены без утепления. Так что топим мы не зал, а так, царствие небесное.

- Дыры в крыше? — встрял Никита, по пятам ходивший за Глебом, но пока благоразумно молчавший. — То есть вы хотите сказать, если во время концерта снег пойдет, Глеб Васильевич со сцены сможет в зрителей снежки кидать?

Глеб сердито взглянул на Ника. Его шуточек тут только не хватает. Однако директор юмора не оценил:

- В снежки — вряд ли, а капать с потолка может. Мы ведерки подставляем.

Никита заржал, Глеб только глаза закатил. Чего он только за свою жизнь не повидал. И ведерки на сцене, и гримерки под открытым небом, и туалеты на улице. Махнул рукой:

- Мне-то все равно, я свое отпою. А зрители как должны два часа сидеть?

- В верхней одежде, — спокойно сообщил директор. — У нас все привычные.

Привычные они, мда. Ладно, отступить некуда, до концерта остался час, гонорар уже был перечислен на счет Глеба, и славные работницы ткацкой фабрики ждали встречи с любимым артистом. Некоторое уже стояли у дверей с цветочками, Глеб видел их, когда проезжали на машине к черному ходу.

Работали сегодня в усеченном составе — одна из девчонок подпевки сказала больно, так что на бэк-вокале стояло только двое, и до гитариста не смогли дозвониться. Все это изрядно раздражало, Глеб подозревал, что его коллектив просто-напросто начинает искать более «теплые» места. Оно и понятно — выступлений нет, заработков тоже, а жить на что-то надо. И все-таки он ожидал большей преданности от людей, с которыми работал много лет.

Выстроив коллектив на сцене и проверив звук, Глеб ушел в гримерку вместе с Никитой. Здесь было так же холодно. Ник засуетился насчет чая, но чайника не оказалось.

- Оставь, — поморщился Глеб, усаживаясь на древний стул с подранной обивкой. — Не хочу ничего. Доставай костюм.

- Ты замерзнешь, — Никита тоже стоял в куртке, пряча руки в карманы. — Костюм совсем тонкий.

- И что мне теперь, на сцену в пальто выходить? Там прожектора греют.

- А голос? Тут петь — все равно, что на улице.

- Никит, — Глеб вздохнул и включил лампу у зеркала, готовясь гримироваться. — Я, может, последний раз пою. Черт уже с ним, с голосом.

- Откуда такой пессимизм? Нашлись одни заказчики, найдутся другие. Сегодня тебя вот работницы ткацкой фабрики хотят, завтра – комбайнеры Кубани нарисуются.

- Я не хочу, Никит. Надоело все. Я думал, приедем сюда, увижу зал, вдохну запах кулис, и все будет как прежде. А не будет. Во мне ничего не искрит, понимаешь? Мне сейчас к людям выходить, нести свет и радость. А нести нечего.

- Все так плохо? У тебя в жизни совсем-совсем нет радости?

Никита подошел сзади, обнял, уткнулся куда-то в затылок. Глеб улыбнулся.

- Нет, малыш, этой своей радостью я ни с кем делиться не намерен. Это мое, личное. Как бы тебе объяснить? Стоя на сцене, артист отдает свою энергию. Если ты просто вышел и механически отпел программу, публика будет разочарована. Зрители могут этого не понимать, но они идут на концерт не только послушать музыку, а еще и зарядиться энергией. Артист эту энергию где-то должен брать. Когда ты молодой, у тебя ее через край. Ты готов петь где угодно, когда угодно и за сколько угодно, даже бесплатно, только бы слушали, смотрели, хлопали. Ты заряжаешь зал и сам заряжаешься от него. А с возрастом все меняется. Ты начинаешь экономить жизненную энергию, чтобы ее хватало на самые элементарные вещи – встать утром с кровати, сходить в магазин, что-то сделать дома. Знаешь, когда мы жили с Ирмой, такого не было. Меня вполне устраивало, что домой я прихожу, выжатый, как лимон. Отдал все на сцене, до дома доехал, до кровати добрел и баиньки.

- А сейчас ты от зала не заряжаешься?

- Редко. Моя аудитория тоже постарела, иногда осветитель направит прожектор на зал, и мне плохо становится. Там же одни бабки! И многие выглядят старше меня. Знаешь, сколько надо сил, чтобы их «раскачать»? И дальше будет только хуже. Это еще если не считать скандальных публикаций. Они пришли, смотрят на тебя, старого дурака: «Ну давай, шут, весели нас!». А мне не хочется уже веселить. Сейчас мне хочется улыбаться тебе, а не зрителям. Хочется быть чем-то полезным дома. Не только в постели! И в постели тоже, там, знаешь ли, энергии немало требуется. Вот сегодня я выложусь на концерте, и три дня от меня толку не будет, разве что полежать за себя. И ты начнешь вокруг с бубном плясать, таблеточки, вкусняшки, массаж, только чтобы я из куклы назад в человека превратился. Не так разве?

- Так, — кивнул Никита, глядя на него через зеркало грустно и серьезно.

- Ну и кому это надо?

- Тебе. Ты же не можешь без сцены.

- Знаешь, в кои-то веки я в этом не уверен. А вот без тебя не могу, это я знаю совершенно точно.

Глеб притянул Никиту к себе и поцеловал. Без обычного напора, спокойно, неторопливо, со вкусом.

- Я не требую выбирать, — заметил Ник, отдышавшись.

- Я знаю. Но на два фронта меня уже не хватит. Ладно, мой хороший, ты костюм сегодня достанешь или нет? До выхода десять минут.

@@@

Зал был набит до отказа, но лица зрительниц на первых рядах, которые видел Никита из кулис, были такие протокольные, как будто славных ткачих загоняли на концерт силой. Впрочем, могло быть и так – фабрика проплатила, начальству нужно, чтобы деньги были отработаны сполна. Дали приказ всем на концерт – все и пошли. А нравится лично ткачихе Марии Петровой артист Немов или нет – всем как-то до лампочки. Бедный Глеб отдувается: он уже и анекдоты со сцены рассказывал, и пытался заставить зал подпевать. Но аплодисменты были по-прежнему сдержанными, за тот час, что прошел с начала, Глебу вынесли только два чахлых букетика. Музыканты тоже стояли с такими лицами, как будто делают Немову одолжение, девчонки подпевки только что не засыпали на ходу, Никита заметил, что Глеб уже дважды зло на них оглядывался, цедя что-то сквозь зубы. Да и сам Глеб пел без настроения, на автомате. Но улыбался, заученно, изображал добродушие.

Сегодня Глеб работал так называемый «микс» — одна песня под минусовую фонограмму, когда в записи идет только музыка, а поет он сам, вторая под плюсовую, на которой записана и музыка, и голос. Никита знал, что к этому приему Глеб прибегает, если хочет сэкономить силы или неважно звучит. Пока идет «плюс», он успевает отдохнуть, восстановиться, и следующую песню поет живым звуком. Как объяснял ему сам Глеб, это компромиссный вариант для возрастных певцов старой закалки, которые и под «фанеру» не хотят работать, и целиком концерт уже не тянут.

Не обладавший хорошим слухом Никита тем не менее легко определял, когда звучит плюс, а когда живое исполнение. Под фонограмму Глеб двигался расслабленно, а когда пел сам, сразу собирался, выпрямлялся, сосредотачиваясь на пении и забывая про пританцовывания.

Сейчас он явно пел живую, причем довольно сложную песню, с разбросом в полторы октавы. Что это значит, Никита тоже не особо понимал, знал только, что песня сложная, а потому искренне переживал за любимого. Когда он вытянул последнюю ноту (что вытянул, а не сорвал, Никита понял по торжествующему взгляду Глеба), Ник облегченно вздохнул. Глеб поклонился, справедливо ожидая грома аплодисментов. Но аплодисменты были довольно жидкими, а откуда-то из глубины партера вдруг донеслось:

- Фанера! Пой живую!

Глеб побледнел, но сориентировался быстро. Снял микрофон со стойки и с улыбкой

подошел к краю сцены, шурясь в зал.

- Мы поем только вживую!

- Фанера! Халтура!

Никита поискал глазами охрану, но в этом зале она, видимо, не предусматривалась. Поработать что ли за нее? Найти нахала и вытряхнуть на улицу? И пусть Глеб потом ругается, сколько ему влезет. Но выкрики повторились из разных концов зала. Кто-то засвистел. Глеб поднял руку, прося тишины.

- Господа, вы слышали живое выступление. Но поверьте мне, различить фонограмму и живой звук неспециалистам крайне сложно. Сейчас я вам это докажу! Я спою вам несколько песен, перемежая живое исполнение и запись. А вы попробуйте угадать, где что.

Никита сел на колонку, забыв, что Глеб ругается за неуважительное отношение к аппаратуре. Что он вообще делает, а? Ведется как мальчишка! Он же сам себя подставляет. Если у него есть готовые фонограммы, и их можно вот так поставить посреди концерта, значит, он их использует! Но ткачихи логическим мышлением, видимо, не отличались и охотно включились в игру. Глеб спел песню под «фанеру», и на вопрос, какое это было исполнение, зал заорал «Живьем». Следующую песню, спетую мало что самостоятельно, так еще и намеренно сорвав финал, признали «фанерой». Глеб откровенно смеялся, оглашая результаты теста.

- Дальше, если вы позволите, я допою концерт. Разумеется, «вживую».

Пристыженный зал одобрительно загудел. Глеб допел программу, в конце ему все-таки устроили овацию, видимо, поверили. Но в кулисы он ввалился буквально никакой.

Никита подхватил его под руку.

- Молодец, родной, ты их сделал! Господи, ты же ледяной. Пошли быстрее переодеваться. И чая найти в этой дыре.

В ответ молчание. Никита даже не особенно удивился, привык уже, что после выступления Глебу нужно время, чтобы выйти из образа.

Не успели они переодеться, в примерку влетел директор зала.

- Поздравляю, Глеб Васильевич, такой успех, такой успех! – тараторил он, порываясь пожать Глебу руку.

Но Глеб не замечал его. Он сидел перед зеркалом, накинув на плечи пальто, и сосредоточенно оттирал грим влажной салфеткой. Никита молча собирал вещи: упаковывал в кофр костюм, складывал в специальный чемоданчик крема, краски и расчески.

- Глеб Васильевич, — продолжал директор. – Там группа активисток собралась, хотят

поблагодарить вас от имени всего коллектива за концерт. Ну и сфотографироваться, автографы взять. Выйдите к ним, пожалуйста.

- Не выйду, — Глеб наконец-то поднял на него глаза. — Скажите, чтобы не ждали. Я тороплюсь.

-Но Глеб Васильевич, неудобно.

- Кому? Мне? Им удобно хамить из зала? В задницу таких благодарных активисток! И вообще вас всех, с вашими холодными залами, текущими сортирами и от замороженными людьми!

Глеб резко встал, задев столик. Зазвенели баночки, которые Ник еще не успел собрать.

- Поехали, Никит!

Ник едва поспевал за несущимся к служебному выходу Глебом. И не поверишь, что дома он с тростью ходит. Хорошо еще на своей машине приехали, страшно представить, что бы им дали от концертного зала. Какой-нибудь битый «тазик», не иначе. Газель музыкантов еще стояла открытая — пока сматывают шнуры, соберут аппаратуру, не меньше часа пройдет. Глеб дернул дверцу Бэхи, Никита поспешно разблокировал замки.

- Втопи, как ты любишь, мой хороший, — тихо произнес Глеб, откидывая свое сидение. — Я хочу как можно скорее оказаться дома.

- Очень устал? — Никита развернул машину и включил обогрев.

- Смертельно. О чем я и говорил. Все, чего сейчас хочу, это лечь. Хотя, еще от ванны не отказался бы, горячей. И пожрать.

- У-у, ну значит, не все так плохо, — усмехнулся Никита. — Подремли часик, подъедем к дому, я тебя разбужу.

Он по опыту знал, обсуждать сейчас прошедший концерт и вообще что-либо Глеб не будет. Ему нужно отмолчаться, привести в порядок мысли и чувства. Но подремать Глебу не дали. Едва они выехали на трассу, зазвонил мобильный.

- Да, Илья, я тебя слушаю. Да, отпел, все благополучно. И заплатили, да, спасибо тебе. Что?

Несколько минут Глеб слушал Кароля с озабоченным лицом.

- Еще три концерта? Господи, сколько же у нас заводов в Подмосковье? Все твои, что ли? Шучу. Да знаю я, что у тебя везде друзья. Слушай, Илья, я не смогу, наверное. Ну да, я понимаю, все дырки свои закрою. Да нет, здоровье не при чем. Просто не смогу. Деньги можно и другими способами достать. Спасибо тебе в любом случае.

Глеб убрал телефон в карман, подумал, достал снова и отключил совсем. Откинулся на спинку.

- Ник?

- Я.

- А чего у тебя в машине пледика нет? Как бы удобно было, прикрыться сейчас.

- Как тогда, в Израиле? – хмыкнул Никита. – Боюсь, не получится, Бэха, конечно, хорошая машина, но без водителя не едет.

- Да ну тебя, одни глупости на уме! Я имел в виду, спать удобнее было бы. Ладно, придется так. Спокойной ночи!

Он еще и на бок умудрился повернуться. Правда что ли обзавестись пледом? И подушечкой.

- Сладких снов, родной, — пробормотал Никита и прибавил газу.

===== Глава 13. Новая реальность =====

Сутки после концерта Глеб отсыпался. Никита, поняв, что спячка будет долгой, притащил в спальню ноутбук и работал под сопение любимого. Динка расположилась в ногах с жевательной косточкой из зоомагазина и тоже неплохо проводила время. Дважды звонил дядюшка, но Глеб первый раз сбросил звонок, не открывая глаз и матерясь сквозь зубы. Второй раз трубку взял Никита и на вопрос «Как прошел концерт?», честно ответил, что ничего не понял. Рассказал и про крики из зала, и про странную реакцию Глеба во время выступления и после. Дядюшка выдал многозначительное «Угу», и под вечер явился собственной персоной в сопровождении Таши. Ник прямо из постели вылетел открывать, в трусах и тапочках.

- Мда...

Роман Исаевич критически осмотрел его и покачал головой.

- Есть у меня подозрение, Ташенька, что вляпался наш Глеб и по-крупному. Малыш Ники его просто утрашает. Тут уже ни концертов не захочешь, ничего. Вы круглосуточно этим занимаетесь, что ли?

- Да ну тебя! – возмутился Никита. – Я вообще-то работал. А Глеб спит. Погодите, я сейчас тапочки найду.

Таша засмеялась и взъерошила племяннику волосы:

- Ну ты прямо хозяйюшка. Никит, в приличных домах гости не разуваются. Тапочки – это из советских времен.

- И в трусах гостей не встречают, в приличных-то домах, — продолжил Роман Исаевич.

Никита окончательно смутился, тем более, что он понятия не имел, где у Глеба хранятся гостевые тапочки. Но в этот момент с лестницы донеслись шаги и зычный, хорошо поставленный голос:

- Так, хватит моего мальчика дрессировать, вы оба! Затравили совсем! Никит, не обращай внимание, они просто прикалываются. Можешь ходить хоть без трусов, мне так даже больше нравится.

В холле появился Глеб в длинном темно-синем халате, причесанный и, Ник повел носом, кажется, надушенный.

- Привет! – Глеб пожал руку Ромке, поцеловал Ташу. – Проходите в гостиную. Я не уверен, что в доме есть пожрать, но бутылочка коньяка и конфеты точно найдутся. Вы с водителем?

Ромка кивнул.

- Насчет еды не беспокойся, моя умная жена понимала, куда мы собрались, и взяла все с собой. В машине три пакета провизии.

- Что за намеки? Я умею готовить, вообще-то, — оскорбился Никита.

- Но ценю я тебя совершенно не за это, — продолжил Глеб. – Правда, хватит мальчика подначивать, он и так тут стесняется. Никит, помоги Таше разгрузиться, а мы с Ромой пойдем коньячок поищем.

Никита все-таки смотался в спальню, оделся и пошел разгружать машину. Перетаскал пакеты на кухню, где Таша уже развила бурную деятельность, раскладывая еду по тарелкам, что-то разогревая, что-то художественно сервируя.

- Мы решили, что вас надо проведать, — рассказывала она пристроившемуся на табурете племяннику. – Ты прости, что без предупреждения, я была уверена, что Ромка тебе по телефону сообщил.

- Да глупости, вам мы рады в любое время суток. Можно подумать, мы к вам редко вваливаемся. И Глеб рад, видела, как он резво поволок дядюшку коньячок искать?

- Так что там на концерте произошло?

- Не знаю. Зал какой-то примороженный был. Но мне кажется, дело не в зале, а в самом Глебе. Он не хочет больше выступать, только боится сам себе признаться. Ему вчера Кароль звонил, еще три выступления предлагал, он отказался.

- Может, плохо себя чувствует?

- Когда это его останавливало? Да нет, сказал, что просто не хочет. Я думаю, он понял, что пора уходить.

- Раньше это надо было делать! Объявил бы юбилейный концерт прощальным, ушел бы красиво.

- Кто же знал, что так все получится? – вздохнул Никита, закуривая. – Не делай такие глаза, мне Глеб разрешил курить, где угодно. Получается, опять я кругом виноват. Только знаешь, я не жалею. Красиво он уйдет или не красиво – какая разница? Главное, что он уйдет сам, по своему желанию. И его не вынесут со сцены вперед ногами. Если он не будет себя гробить ради непонятно чего, мотаясь по всяким задницам нашей страны и кому-то что-то доказывая, то может, проживет подольше. И будет счастливее.

Таша как-то странно на него посмотрела, но ничего не сказала. Вручила большое блюдо с разогретым мясом:

- Неси в гостиную, пока эти двое без закуски коньячком окончательно не догнались.

@@@

- Так почему ты до сих пор ходишь с тростью?

Глеб возвел глаза к потолку. Таша уже замучила его сегодня. То за спящую на диване Динку начала выговаривать, то за пустой холодильник, теперь вот трость ей помешала. А как хорошо было, пока они с Ромкой вдвоем сидели. И слинять-то некуда, у него в доме ни бани, ни бильярдной, где можно спрятаться от излишнего женского внимания. И Никита не Ирма, на его попечение Ташу не оставишь.

- Мне с ней удобно, — вздохнув, ответил Глеб. – Я только дома ее беру. С ней и спина меньше болит.

- Глеб, так нельзя! Удобно ему! Завтра заявишь, что тебе удобно в вытянутых трениках и линялой майке и будешь так ходить? Я тебе покажу комплекс упражнений для спины, начнешь их делать. А ты, — Таша строго посмотрела на Никиту, — контролируй! А то знаю я тебя, во всем ему потакаешь.

- Потакаю. И потакать буду, — кивнул Никита и положил ему на тарелку добавки. – Кушай, родной. Он всю жизнь жил «как надо». Можно теперь пожить «как хочется»?

Глеб благодарно улыбнулся мальчишке. Со вчерашнего дня ему казалось, что они как будто стали ближе. Еще лучше начали понимать друг друга.

- Я серьезно, Никит, как тренер говорю. Нужно разрабатывать мышцы, а не облегчать им работу. Иначе его еще и сгибать начнет, слышишь, Глеб? Есть прекрасные восточные практики, которыми можно начинать заниматься в любом возрасте.

- Йога? – встрял Роман Исаевич. – Ой, я хочу посмотреть на Глеба в позе «Кузнечика,

стоящего раком в лучах заката».

- И не мечтай! – ухмыльнулся Глеб.

- Не надо передергивать! – рассердилась Таша. — До йоги Глебу как до Луны пешком. Но есть, например, цигун. А если хотите чего-нибудь совсем простого и попового, то йогалатесс.

- Так, хватит тут материться! – Глеб протестующе поднял руки. – Вот, смотри.

Он демонстративно положил трость на каминную полку и прошелся взад-вперед по комнате.

- И без гимнастики у меня все прекрасно. А упражнений мне в другом месте хватает.

Ромка многозначительно хмыкнул.

- Завидуй молча, — осадил его Глеб. – Ты поел? Пошли Диночку выгуляем.

Нашел-таки повод смяться. Во дворе, правда, было неуютно – снег растаял, стоило свернуть с дорожки, под ногами захлюпала жидкая грязь. Большинство многолетних растений на зиму Ирма укутывала пленкой, и теперь они стояли унылыми серыми фигурами. Садиться на мокрую лавочку не хотелось, пришлось бродить вокруг дома.

- Не люблю раннюю весну в Подмоскowie, — Роман Исаевич зябко передернул плечами. – Сыро, слякотно, темно все время. И чего тебя в Москву потянуло? Я думал, вы обоснуетесь в Тель-Авиве. Моя б воля, я бы продал тут все к черту, купил там себе квартиру с видом на море и жил в тепле и радости.

- Ну да, а работа? Кому мы там нужны? — Глеб Васильевич мрачно посмотрел на Динку, притащившую ему ветку и с надеждой заглядывающую в глаза. – Дядю Рому проси, он тебе кинет.

- Дядя Рома тут самый молодой, видимо, — проворчал Ромка, но палку все-таки кинул.

Счастливая Динка с визгом унеслась за ней.

- Они с Никитой обычно играют, в мяч или вот с палочкой.

- Я так понял, ты решил с работой завязать? Что там за история с концертами? Мне даже Илья звонил, просил тебя образумить.

- Ой, и говорить не хочу. Достало! Просто достало, понимаешь? Не хочу больше мотаться по городам и весям, не хочу никому ничего доказывать. Я, пока в Израиле были, думал, это просто депрессия, ну и болячки так влияют. Выйду на сцену – все пройдет. А не прошло, еще больше тошно стало. Так что все.

- Вот просто так? Без прощального концерта? Без тура?

- Ром, ты о чем вообще? Я только юбилей отпраздновал, куда мне еще сольник? На тур нет ни сил, ни желания. Да и не уверен я, что соберу залы. Для зрителей я теперь не любимец, а шут, новая забава. Они на меня так странно смотрят, как будто ждут, что я сейчас прямо выхвачу из зала какого-нибудь пацана и на сцене отымею.

- И во всем виноват этот мелкий паршивец! – Роман Исаевич раздраженно пнул камешек. – А я ведь его предупредил! И тебя предупредил! Но кто бы меня слушал! Теперь сорок лет карьеры коту под хвост. И ради чего? Ради неземной любви?

- Почему неземной? Вполне себе земной. Ром, я много думал. И не могу сказать, что жалею. Да, получилось не очень красиво. Но может быть, Никита – это все, что в моей жизни есть настоящего? Он любит меня таким, какой есть – с плохим настроением, больной спиной и морщинистой рожей, не прикрытой гримом. Ему нужен я, а не мои деньги и слава, например.

- Кстати, о них. На что ты собрался жить?

Глеб сразу подобрался, посмотрел на друга пристально:

- Ром, я верну долг. Буквально в течение месяца верну. Я хочу свой Мерс продать. Зачем он мне? Меня теперь Никитка возит, сам я вряд ли буду за руль садиться. Ему и трех лет нет, должен нормально продаться.

- Ты охренел совсем? И думать забудь! – возмутился Роман Исаевич. – Ты мне ничего не должен!

- Да брось!

- Нет, это ты брось. Ты реально считаешь, я возьму назад деньги, которые давал на лечение?

- Ну хотя бы те, которые давал на взятку и на юбилей! Как раз стоимость машины.

- Да иди ты! Глеб, я совершенно серьезно. Ты можешь продать свой катафалк, но деньги я не возьму. И Иосиф не возьмет, будь уверен. Я вообще не к тому спрашивал. Ник не работает, ты заканчиваешь карьеру. Что дальше?

- Во-первых, Никитка работает, он неплохо зарабатывает на биржах каких-то. Во-вторых, мне пенсия полагается.

- Ага, тысяч пять-шесть, — засмеялся Вяземский. – Ты сколько уже лет, как из Росконцерта ушел? Двадцать? На государство ты не работал, получается, оно тебе особо ничего не должно.

- Подожди, а звания, а награды? Они что, ничего не дают?

Роман Исаевич отрицательно покачал головой.

- Все наши с тобой награды годны только для того, чтобы потом на подушечках за гробом нести. А в материальном плане – увы.

- Ну и черт с ним. Проживем как-нибудь. Не в деньгах счастье.

Ромка вздохнул.

- Не понимаю я тебя, Глеб. Неужели этот засранец стоил вот этого всего?

- Стоил, Ром. Он настоящий! А в моей жизни слишком много всего было искусственного.

Вяземские уехали под вечер. Таша все-таки показала Глебу несколько упражнений для спины и ног, заставила при ней повторить и наказала выполнять их каждый день. Рома завтра уезжал с театром на гастроли куда-то за Урал, пообещал привезти медвежий жир – самое то, поясницу натирать. Закрыв за ними дверь, Глеб с облегчением схватился за трость и, доковыляв с ней до спальни, рухнул на кровать. Никита никак это не прокомментировал. Он вообще был на редкость молчалив и задумчив, видимо, Таша его основательно достала.

Ник присоединился к Глебу через полчаса, прибравшись после гостей. Устроился под боком, уложил голову на плечо.

- Очень устал?

- Да нет. Больше морально. Включи что-нибудь, чтобы мозги отдохнули.

Никита пощелкал пультом:

- Тут новости, то еще грузилово, тут тоже какая-то политика, тут «Дом 2». Хочешь?

- Сейчас как дам больно! Листай дальше!

Никита еще потыкал кнопки:

- Фигня, фигня, фигня. Ух ты, как ее... Не знал, что у тебя такой канал есть!

Глеб хмыкнул:

- Только на моем телевизоре. И целых пять штук. Правда, все до безобразия традиционные. Мда, действительно, как ее... Качественно, я бы сказал. Удобная поза, ты не находишь?

Девушка на экране обвивала лежавшего под ней мужчину, недвусмысленно двигающего бедрами. При этом руки мужчины оставались свободными и времени даром не теряли,

лаская все, до чего дотягивались.

- А мы ведь тоже так можем, — протянул Глеб, не отрываясь от экрана.

- Я тебя раздавлю, — немного хрипло ответил Ник, однако придвигаясь ближе.

- Глупости. Ну-ка иди сюда, мой хороший.

@@@

- Ба-бах!!!

Никита подскочил на месте от громкого звука, раздавшегося из сада. Он распахнул окно и высунулся наружу:

- Что случилось? Ты жив?!

- Вполне себе. Досочка упала. Никитка, иди сюда, мне твоя помощь требуется.

Ник закатил глаза и захлопнул крышку ноутбука. Кто бы сомневался, что все этим закончится! С утра сокровище взялось мастерить беседку в китайском стиле. Никита даже не стал уточнять, почему в китайском. Достаточно было самого факта. Робкое предложение поручить дело профессионалам Глеб сразу отверг под предлогом отсутствия лишних денег. Хотя деньги как раз имелись – не далее как позавчера его Мерс наконец-таки проданся и даже дороже, чем они рассчитывали. Вопрос «Нельзя ли обойтись без беседки?» был встречен возмущенным сопением и пространным объяснением, что «бедному дедушке» с больной спиной негде заниматься гимнастикой. Триста квадратов жилой площади дома при этом в расчет не брались, ибо заниматься гимнастикой нужно непременно на свежем воздухе. Во дворе действительно не было никаких пригодных для гимнастики сооружений, а скакать под дождем или просто по лужам не особо приятно. Так что с утра «бедный дедушка» вооружился пилой, шуруповертом и прочими атрибутами, раздобыл где-то под домом оставшиеся со стройки доски, и теперь «ваял». С первых минут предприятия Никита подозревал, что дело кончится вот этим «Мне нужна твоя помощь». Конечно, нужна, если родной не знает, с какой стороны за молоток берутся.

Одно радовало – Глеб не хандрил, а постоянно находил себе применение. Он на самом деле занялся гимнастикой, и Никита подозревал, что дело тут не только в наставлениях Таши. Имея массу свободного времени, Глеб решил разнообразить их сексуальную жизнь путем экспериментов, идеи для которых черпал из ночных телеканалов и Интернета. Но на практике выяснилось, что его спина полет фантазии сильно ограничивает. Мириться с таким безобразием Глеб не захотел. Никита только посмеивался, глядя, как с утра Глеб переодевается в спортивный костюм, расстилает коврик и начинается: «Стойка кобры перед броском», «Тигр в ожидании добычи», «Гордая бегущая лань». По мнению Никиты, получались у Глеба не лани и кобры, а все больше «Раскорячившиеся в гостинной бегемотики», но результат был налицо – Глеб все чаще забывал взять трость, все увереннее распрямлялся. Так что, если ему требуется беседка, пусть будет беседка. На улице и правда

лучше заниматься.

- Давай держи вот эту досочку, а я к ней присобачу вот эту, — распорядился невозможно деловой Глеб в очках и с шуруповертом в руках.

Никита осмотрел груды разнокалиберных досочек посреди двора, три криво соединенные между собой бруса, по толщине годных только на табурет, но никак не на основание беседки, и вкрадчиво спросил:

- Родной, а где чертеж?

- Какой чертеж? Зачем тебе чертеж? Я что, инженер что ли? Мы люди простые, рабочие, так, на глазок. Ай, черт!

«Рабочий человек» растерянно посмотрел на свою белую, тщательно намазанную утром кремом, с маникюром руку.

- Ну вот, заноза.

- В перчатках работать надо. Глебушка, давай все-таки сделаем чертеж, а то мы так настроим с тобой.

- Я не умею чертить, — буркнул Глеб, посасывая пострадавший палец. — У меня по черчению два было. Не вижу я предметы в плоскости.

- Я вижу, и умею, немножко. Пошли.

Никита увел его домой, посадил за кухонный стол, вытащил из пальца занозу, сварил кофе на двоих, поставил перед Глебом вазочку с печеньем. Пока любимый сосредоточенно перекусывал, Никита раздобыл бумагу, карандаш и линейку, и устроился на противоположном конце стола чертить.

- Какую ты хочешь беседку?

- Китайскую.

- Это я понял. Что в твоём представлении китайская?

- Ну крыша там такая... Домиком...

Крыша домиком, угу, просто и понятно. Пришлось Никите идти еще и за ноутбуком.

- Там я уже смотрел, — прокомментировал Глеб. — Только я сайт закрыл, наверное.

- Давай по истории поиска посмотрим.

Никита открыл историю и присвистнул. За исключением его бирж и порносайтов, на

которых Глеб нынче черпал вдохновение, в истории поиска значилось с десятков сайтов по восточным философиям. Похоже, Глеб искал себе новые позы для гимнастики, а нашел нечто, заинтересовавшее его больше. Никита пока не стал никак комментировать свое открытие, сосредоточившись на беседах. Вскоре они нашли то, что понравилось Глебу.

- Мда, родной, задачку ты задал. Это уже не беседка, это почти летний домик. И хочу тебя расстроить. Из того материала, что у нас имеется, мы в любом случае сможем сваять разве что Диночке будку.

- Думаешь? Ну поехали на строительный рынок!

- Погрузим доски и листы кровли в Бэжу? Запишем в багажник и поедим? Солнышко, давай все-таки найдем профессионалов? Они и материалы привезут, и чертеж сделают, и построят с гарантией, что потом на тебя крыша не рухнет.

- Ну да, а я что буду делать?

- Как что? Руководить!

Глеб со скрипом, но согласился. Никита понимал, что любимый пытается найти себе применение, и его интересует не столько беседка, сколько сам процесс. И Никита дал ему возможность в процесс стройки погрузиться с головой. Нашел бригаду строителей, убедился в их адекватности и отстранился, предоставив Глебу полную свободу действий. Следующую неделю, сидя с ноутбуком у окна, с улыбкой наблюдал, как Глеб гоняет строителей, дает им «полезные» советы, сует нос в каждую дырку и ругается на чем свет стоит.

Что удивительно, беседку все-таки построили, и Глеб теперь не только занимался в ней гимнастикой, но и просто сидел, с книжкой или так, сложив руки на груди и глядя куда-то в пространство. Поначалу такие «зависы» Никиту пугали, он уже привык относиться к выпадениям Глеба из реальности с подозрением. Но перемены, которые с ним происходили, были явно положительными. Глеб стал гораздо спокойнее, он не выходил из себя по мелочам, гораздо реже обижался и реже критиковал других. Никита ожидал, что Глеб будет скучать по светской жизни, и даже украдкой просматривал московские новости в Интернете, подмечая, где какие выставки, кинопоказы и другие события, далекие от шоу-бизнеса, но относящиеся к культуре, чтобы знать, куда можно вывести Глеба, появиться у него такое желание. Но желание не появлялось. Похоже, Глебу настолько светская жизнь надоела, что он совершенно по ней не скучал. Более того, Никита подозревал, что именно публичность, необходимость все время быть на виду и в положительном свете, изрядно Глеба нервировала. Потому что теперь, когда это ушло, улыбался он гораздо чаще, и жизненных сил у него явно прибавилось. Чего стоил только ежедневный секс, да еще и без стимуляторов – Никита лично следил, чтобы Глеб не глотал никакую возбуждающую дрянь.

Конечно, ему не хватало привычного внимания. Не звонили коллеги, не домогались с просьбами об интервью журналисты. А те, что домогались, работали в изданиях, одного названия которых Глебу хватало, чтобы бросить трубку. Никто не звал его на концерты, и никто не бросался к нему на улице с просьбой сфотографироваться. Да он и не выходил

дальше поселка, а здесь, среди угрюмых бизнесменов и их гламурных жен, он кому нужен?

По вниманию он скучал, это было заметно. Скучал и по пению. По вечерам Глеб уходил в кабинет и, включив цифровое пианино, что-то себе одной рукой наигрывал, негромко напевал. Никита старался в это время его не трогать, не вмешиваться. Сейчас уходит все, чем он занимался в силу необходимости и привычки, вся эта мишура, останется только то, что для него по-настоящему нужно. И, похоже, музыка была в этом списке.

===== Глава 14. Старые долги =====

- Не читай в темноте, зрение испортишь, — Никита включил настольную лампу и примостился рядом.

- Было бы что портить, — Глеб Васильевич отложил книгу и снял очки. — Когда тебе сорок лет глаза слепят прожектора, яркий свет раздражает гораздо больше, чем полумрак.

- Господи, а хорошее что-нибудь от твоей сцены было? Зрение, спина, нервная система ни к черту.

- Ты еще забыл упомянуть о вечных проблемах со связками и скрытый алкоголизм у каждого второго артиста.

- Ну хоть последнее тебя не коснулось. Что ты читаешь?

- Любопытной Варваре...

Глеб проворно засунул книгу под подушку.

- Ну и пожалуйста, — надулся Ник. — Мне, может, интересно.

- Про реинкарнации я читаю. Перерождение душ и всякое такое. Ты вот знал, что после смерти душа сама выбирает, уходить ей в вечный покой, переродиться заново или подождать кого-нибудь из близких у Врат?

Никита подавился пепси-колой, которую тянул прямо из банки.

- Не свинячь в постели. И вообще дай сюда, я тоже люблю шипучку, — Глеб решительно отобрал у него банку. — Представляешь, оказывается, это выбор души. В понимании православных рай — это и есть вечный покой, то есть душа его обретет и исчезнет вникуда. А то, что называют в православии адом, это новая жизнь, в новом теле, но с накопленной ментальной памятью. Человека же, пока он живет, постоянно одолевают желания, страсти, сомнения. Вот это и есть ад, а не черти со сковородой.

- То есть жизнь — это ад?!

- Если ты сам так считаешь. Тогда после смерти выбирай вечный покой и все, отмучился. А если тебе интересно жить, возвращайся в новом воплощении. Ну или жди кого-нибудь, попутчика.

- Господи, Глеб, зачем ты этим всем голову забиваешь? Больше почитать нечего? Да еще и на ночь, страшилки.

- И не страшилки вовсе. Мне интересно! Это тебе жизнь кажется бесконечной. А мне хочется о душе подумать.

Глеб вроде и серьезно говорил, а глаза озорно блестели.

- Вот крикну я когда-нибудь, и останусь у Вечных врат тебя ждать и за тобой наблюдать. Так что не надейся весело провести без меня время!

- Да ну тебя! Читаешь ересь всякую! Где ты ее взял вообще?

- В кабинете откопал. Дома книг полно, дарили в свое время. А мне читать всегда недосуг было.

- Читай «Камасутру», больше пользы будет. Я тебе «крикну»! Готовься прожить еще минимум лет тридцать, чтобы не обидно было крикнуть вместе!

Глеб как-то резко перестал улыбаться и отстранил от себя мальчишку.

- Никит, ты серьезно так думаешь?

- Вполне.

- Хорошо, представим, что так и получится. Тебе меня не жалко? Через тридцать лет мне будет девяносто. Разваливаться я начну в семьдесят с небольшим. Секса нет, сцены нет, голоса нет, здоровья нет. Каждый день – борьба за то, чтобы остаться самостоятельным, встать с постели, пописать не в штаны. А ты тоже начнешь стареть. И задумываться, на что потратил свою жизнь. У тебя поубавится энтузиазма, поверь мне. Захочешь чего-то еще, кроме секса и моей компании. Например, признания в обществе, карьеры. Или ребенка. А вместо этого у тебя на шее старый пердун, за которым нужно ходить с веником, песок подметать. Так что нет, мой хороший, долголетие – это не дар, это проклятие. По крайней мере, в нашем с тобой случае. Я лучше Там тебя подожду, когда время придет.

- Что ты вообще говоришь...

Никита прижался к Глебу всем телом, зарылся носом в складки на шее.

- Я не хочу ни о чем таком думать. У нас сейчас все хорошо, давай просто наслаждаться жизнью. Теперь, когда ты не гробишь себя ежедневно, я верю, что у нас впереди еще очень много времени.

Глеб рассеянно водил руками по его спине, поглаживая.

- Ну все-все, расслабься. Прямо сейчас я помирать не собираюсь в любом случае. Ну,

мой хороший? Что ты раскис? Дай в нос поцелую! Вот так. Никит, прежде, чем ты окончательно снимешь с меня штаны, и я потеряю способность к диалогу... Кхм, да... Так вот, мне нужно, чтобы ты завтра меня свозил в два места. Во-первых, мне нужно в банк.

- У нас опять кончились деньги?

- Нет, но я хочу положить часть суммы за Мерс на другой счет. Ты не дослушал. Во-вторых, я хочу навестить Ирму.

Никита отпустил его бедра, к которым уже пристраивался.

- Зачем?

- Поговорить. Мы же так толком и не поговорили после той публикации. Разводили нас заочно.

Никита отодвинулся, набросив на Глеба одеяло. Глеб почувствовал, как словно холодом повеяло.

- Это не то, что ты думаешь. Я просто хочу... Ладно, неважно. Я сам съезжу.

- Куда ты сам съездишь? На чем? На автобусе, что ли?

- Нет, ты дашь мне ключи от Бэхи.

- Ага, и попрощаюсь тогда уже сразу и с тобой, и с Бэхой. Отвезу я тебя. Только не проси пить чай с твоей женой! Я даже подниматься не буду, посижу в машине.

- С моей бывшей женой, заметь!

- Тем более!

- Думаю, что и мне чаю не предложат. Ну что ты дуешься? Я еду с ней разговаривать, а не спать. У нас сегодня что-нибудь ожидается, или мне в душ идти от стояка избавляться?

- Ой, можно подумать, стояк. На полшестого...

- Ну так исправляйте ситуацию, молодой человек!

Глеб приглашающе поднял одеяло.

@@@

Вопреки ожиданиям, Ирму не пришлось уговаривать встретиться. Глеб долго готовился к телефонному звонку, придумывал различные способы начать, подбирал аргументы, бродил по комнатам с телефоном в руках. Устав сомневаться, набрал знакомый номер и просто сообщил, что им надо встретиться. Второй раз Ирма его удивила, назначив встречу в кафе.

Он почему-то искренне считал, что его бывшая жена безвылазно сидит в московской квартире, куда его и позовут. К тому же Ирма никогда не любила кафе и рестораны, считая, что там дорого, вредно и невкусно.

- Ну что? Тебя послали? – сочувственно поинтересовался Никита, когда растерянный и озадаченный Глеб убрал телефон.

- Нет. Меня пригласили в кафе. Сегодня в четыре часа. Какое-то «Тыблочко» на Тверской.

Никита заржал.

- Тогда пошли, я тебя обедом накормлю. Яичница с колбасой устроит? Потому что в этом «Тыблочке» тебе есть будет нечего, это сетевое кафе для сыроедов. Подают как раз «тыблочки», пророщенные зерна и прочий подножный корм. Ты такое не ешь.

- Это я уже понял. Хорошо, давай свою яичницу и поехали, я же еще в банк хочу успеть.

В банке провозились долго, пока Глеб Васильевич смог объяснить девочкам, что от них требуется, пока заводили новый счет и карточку, пока он заполнил кучу бумажек. Наконец все формальности были улажены, Никита отвез его на Тверскую, высадил у «Тыблочка» и сообщил, что поедет в какое-нибудь нормальное место попить кофе и будет ждать звонка. Общался с ним сегодня Ник сдержанно, настороженно. Его можно было понять, идея встречи с Ирмой не вызвала у него радости. Наверное, вообще не стоило ему ничего говорить, как-нибудь сам выбрался бы в город. Но Глеб уже привык ничего не скрывать от Никиты, а начав, трудно остановиться.

Ирма ждала его за столиком со скатертью какого-то дикого, кислотно-салатного цвета.

- Привет.

Глеб замер в нерешительности. В обычной ситуации он бы поцеловал даме руку. Но он помнил, как Ирма избегала физического контакта с ним при их последней встрече.

- Здравствуй, — Ирма кивнула, но вместо руки протянула ему меню. – Я уже сделала заказ, выбирай.

За очками лезть не хотелось, да и наелся он дома.

- Мне только чай и что-нибудь сладкое на ваш выбор, — сообщил Глеб официанту и повернулся к Ирме. – Ты прекрасно выглядишь.

Ирма и правда выглядела прекрасно. И непривычно. Она коротко постриглась, на ней был деловой костюм кофейного цвета, который Глеб раньше не видел, на руке блеснуло незнакомое кольцо. Сердце кольнула ревность. Неужели у нее кто-то есть? Быстро же!

- Спасибо, — Ирма отодвинула тарелку с остатками чего-то зеленого. – Не могу сказать

того же про тебя. Ты похудел и хромаешь.

Мда, а он-то считал, что отъелся после болезни, а благодаря гимнастике вообще лебедем плавает. Надо поменьше слушать Никиту, мальчишка и наврать может с три короба. И Глеб для него всегда самый красивый.

- Что с тобой? Опять спина?

Тревожится или просто поддерживает разговор? Да какая ему теперь разница? Не он был инициатором развода, не он ее бросил. Она ведь даже не знает, что он эту зиму провел в инвалидном кресле. И зачем объяснять?

- У меня все в порядке. Это что?

Глеб вопросительно уставился на официантку, которая принесла заказ.

- Чай и десерт.

- А почему чай холодный?

- Это травяной настой. Мы не кипятим воду. Вы попробуйте, это очень вкусно.

Глеб отпил из стакана. Вода водой, только что подкрашенная лимоном. На десерт ему подали какие-то шарики, из кокосовой стружки, судя по вкусу. Твердые как камень.

- В газетах писали, ты ушел со сцены. Это правда?

- Быстро, однако! Официального заявления я не делал. Но концерты отменил. И по тусовкам не хожу.

Ирма засмеялась, как-то тихо и грустно. Потом резко оборвала смех и покачала головой.

- Я думала, ты никогда не уйдешь, тебя просто однажды вперед ногами вынесут. Считала, что ты такой человек, рожденный для сцены. Думала, я хорошо тебя знаю.

- Люди меняются.

- Это точно. Просто я предполагала, ты не из их числа. Но видимо, Никита и впрямь неплохой психолог.

- Давай не будем о нем.

Еще готовясь ко встрече, Глеб решил, что о Никите он с Ирмой говорить не будет. Слишком это личное, слишком «его». Еще можно вытерпеть шутки Ромы или едкие подколы Иосифа. Но мнение Ирмы о его мальчишке и их отношениях он знать не хочет.

- Хорошо, не будем, — согласилась Ирма. — О чем ты хотел поговорить?

- Ирма, я собирался попросить у тебя прощения.

Черт! Вот зачем она начала о Никите? Глеб успел завестись и себя накрутить, теперь просить прощения было сложнее стократ.

Ирма внимательно на него посмотрела, вздохнула, но ничего не сказала. Глеб помолчал и продолжил:

- Вся эта история с фотографиями. Ты не знаешь подробностей, и не надо тебе знать. Я не собирался выносить наши отношения с Никитой на публику. Не собирался травмировать тебя.

- Ты серьезно, Глеб? Ты только за это извиняешься?

- Ирма, я всегда старался относиться к тебе корректно. Идеальным мужем я никогда не был, ты знаешь. Но ты знаешь и то, что в глобальном смысле я тебе был верен.

- В глобальном?! То есть трахаться ты мог направо и налево, но потом верно приходить домой?!

Глеб Васильевич стиснул вилку, которой уже минут десять гонял кокосовый шарик по тарелке. Все-таки умеет эта женщина вывести его из себя.

- Я старался, чтобы ты ни в чем не нуждалась. Я не собирался тебя бросать...

- Господи, Глеб! Не надо, пожалуйста! Да я счастлива, что все так получилось! Ты не собирался меня бросать, ты жил бы дальше на два дома. Или на три, четыре. Сколько там у тебя «домов» по всей России? Девочки, мальчики! Я бы дальше терпела и молчала. А теперь у меня есть своя жизнь! Я наконец-то вылезла из четырех стен, у меня новые интересы, я занялась бизнесом.

- Бизнесом?!

- Что ты так удивляешься? Ты забыл, что я по образованию экономист, а не повариха? Я работаю в прекрасной сетевой компании, у меня уже есть своя команда, я зарабатываю деньги, меня ценят, уважают, к моему мнению прислушиваются. Через неделю я еду в Грецию на конференцию для лучших работников нашей структуры. И знаешь, все это стоит дороже, чем твоя золотая клетка и сомнительное удовольствие от секса с тобой по расписанию, раз в месяц.

Глеб встал, с трудом сдерживаясь. Вытащил из бумажника несколько купюр, кинул на стол.

- Ну что ж, я рад, что у тебя все сложилось. Живи счастливо и постарайся не держать на меня зла. Это для кармы вредно.

Он вышел на улицу, прихрамывая больше, чем обычно. Набрал Никиту.

- Все, солнышко, можешь меня забирать.

Солнышко подъехало через десять минут. Как раз в тот момент, когда из кафе вышла Ирма. Как назло, видимо, заметив его неестественную позу, Никита вылез из машины открыть Глебу дверь. Ирму он увидел слишком поздно.

- Мое почтение, — кивнул Ник.

Вежливый мальчик. Глеб плюхнулся на сидение. Ирма фыркнула:

- Так он у тебя еще и швейцаром...

- Он у меня – всем! Поехали.

Никита завел мотор.

- Как все прошло, не спрашиваю, по тебе видно, — заметил Ник. – Куда едем?

- Домой. Никит, возьми, пожалуйста.

Глеб вытащил из кармана пиджака кусочек пластика, положил на приборную панель.

- Это что?

- Карточка. Пин-код – мой год рождения. На ней половина суммы за машину.

- Зачем?

- Чтобы было. Там накопительный вклад, можешь каждый месяц проценты снимать, а основную сумму не трогать.

- Я спросил, зачем мне это?

- На всякий случай. Мало ли, что со мной случится.

Вообще-то он собирался сказать эти слова Ирме. И карточка предназначалась для нее. Никита резко крутанул руль, выравнивая Бэху:

- С тобой ничего не случится. А без тебя мне твои деньги не нужны. И вообще теперь зарабатывать в этом доме буду я.

Глеб хмыкнул.

- Ну пусть в машине карточка валяется, значит. На черный день.

Никита еще что-то ворчал себе под нос, пока они ехали домой. А Глеб думал о том, что

вечером его ждет теплая кровать, вредный, но вкусный ужин, интересная недочитанная книжка про переселение душ и любимый мальчишка, которому он обязан всем этим счастьем.

@@@

Карточку из машины Никита все-таки забрал. Мало ли, где он Бэу бросает, а они сейчас не в той ситуации, чтобы деньгами сорить. Пристроил в ящике стола, твердо решив не трогать ее без крайней нужды. В целом дела на бирже у него шли не так уж плохо, среднемесячную зарплату рядового учителя или врача в день он зарабатывал исправно. Но и расходы у них были немаленькие. Если Никите для счастья было достаточно, чтобы в доме водилась пачка кофе и пачка сигарет, то Глеб считал, что «жрать нечего», если дверка холодильника закрывалась свободно, а не с третьего пинка. Плюс его лекарства, которые обходились в круглую сумму, плюс содержание дома. А еще всевозможные причуды в виде беседки или гончарного круга, купленного не далее, как вчера. Вдруг выяснилось, что в детстве Глеб очень любил лепить, и у него неплохо получалось. Но развивать эту способность не было ни времени, ни возможности. Теперь, когда время появилось, он вспомнил о лепке, и пришлось срочным темпом ехать за кругом и глиной. Потом помогать со всем этим добром разобраться. А вечером отмывать перемазанное с головы до ног сокровище в ванне.

Никита с энтузиазмом поддерживал любые причуды, рассуждая, что чем бы дитя не тешилось, лишь бы вены не резало. И Глеб действительно с удовольствием погружался в новые занятия, радуясь, как ребенок, когда у него что-то получалось.

Значительную часть расходов удалось сократить, отказавшись от аренды офиса и распустив коллектив. Это решение хоть и было вполне закономерным, далось Глебу с большим трудом. С некоторыми из музыкантов он проработал больше десятка лет, с шофером Игорем – почти двадцать. Но сложнее всего оказалось уволить девчонок подпевки, они закатили форменный скандал на тему «Мы отдали вам лучшие годы». Никита, присутствовавший при непростом разговоре как раз во избежание внештатных ситуаций, только качал головой и нервно курил, слушая увещевания Глеба о том, что они прекрасные артистки и молодые красивые девчонки, найдут себе новый коллектив или просто удачно выйдут замуж. Как же, выйдут они, девчонки. Ровесницы Ника, если не старше, и лошади те еще. Раньше надо было думать, а не ждать непонятно чего годами. Вот кого Никита совершенно не жалел. Томные взгляды, которыми они провожали то Глеба, то его самого, стоило появиться за кулисами, Ника раздражали уже давно. И хотя он понимал, что Глеб никогда не станет спать ни с кем из своего коллектива, ничего с собой поделывать не мог.

Как раз вечером дня, когда они официально распустили коллектив, произошло совершенно неожиданное событие. Глеб возился с гончарным кругом, пытаясь изобразить кувшинчик. Получалось плохо, судя по всему, любимый был расстроен и никак не мог сосредоточиться. Под гончарную мастерскую приспособили свободную комнату на цокольном этаже, где раньше Ирма складировала всякий хлам. Никита облюбовал здесь себе диванчик и сидел в Интернете с планшета, вполглаза приглядывая за Глебом. Он так и не смог избавиться от привычки ходить за ним по пятам, и дело было не в том, что он чего-

либо опасался, ему просто хотелось быть рядом.

Телефонный звонок прозвучал так внезапно, что Глеб непроизвольно дернул рукой, и без того кривобокому кувшинчику пришел конец.

- Твою же мать... Никитка, посмотри, кто, пожалуйста, у меня руки в глине.

Ник хмыкнул, ибо в глине у Глеба были не только руки, но и почему-то мордочка, и потянулся к его мобильнику.

- И кому там неймется?

- Дядюшке.

- Тогда бери.

- Привет, это я. Глеб тут художественным творчеством занимается. Нет, не на мне, на гончарном круге. Что передать? Да ну?

Никита несколько минут слушал, сразу став серьезным.

- Хорошо, я все ему передам. Угу, позвонит. Спасибо, Ром.

Глеб водрузил на круг новую порцию глины.

- Ну и что там опять стряслось?

- Ты не представляешь даже. Троянов объявился.

- Чего? Кто объявился? – Глеб остановил круг и вылез. – А Рома причем?

- Не знаю, я сам ничего не понял. Сказал, что Троянов сейчас минут через десять тебе перезвонит, чтобы ты взял трубку.

- Да уж непременно возьму.

С Трояновым Глеб разговаривал в спальне, прикрыв за собой дверь, вернулся с растерянным видом.

- Никит, у нас пожрать есть что-нибудь приличное?

- Ты опять голодный?! Мы же ужинали два часа назад!

- К нам гости едут. Славка. Надо что-нибудь на стол накрыть.

У Никиты только что челюсть не упала.

- Ты собираешься пускать его в дом? Еще и ужином угощать?

- Никит, а куда мне его звать? Офиса у меня больше нет. Повезешь меня в город, в кафе? Он хочет поговорить, все объяснить, как я понял, извиниться.

- Извиниться?! Он тебя подставил и обворовал! Пусть деньги вернет!

- Разберемся, мой хороший, не шуми. Я сам не знаю, как к этому всему относиться. Пойдем, посмотрим, что у нас в холодильнике водится.

Троянов появился через час. Выйдя открывать ему ворота, Никита увидел шикарную Ауди седьмой серии с неоновыми фарами. Но вылезший из нее Троянов никак не соответствовал статусу машины – какой-то помятый, серый, затравленный. Еще более худой, чем обычно.

- И ты тут? – удивленно пробормотал Вячеслав Давыдович. – А, ну да. Привет.

Никита сдержанно кивнул и посторонился, пропуская его вперед.

- А я давно вас с Глебом подозревал, — вдруг сообщил он. – Не ошибся я на твой счет.

- Я на ваш – тоже.

- Ты не все знаешь. Глеб!

Глеб протянутую руку пожал.

- Заходи. Поговорим.

Никита не хотел присутствовать при разговоре, но и оставлять Глеба один на один с Трояновым не собирался. Кто знает, чего от него ждать? Поэтому молчаливой тенью обосновался на кухне, которая соединялась со столовой большой аркой. Отсюда ему было прекрасно видно и слышно обоих.

Вячеслав Давыдович сразу приступил к главному:

- Глеб, я привез деньги.

- Все?

Глеба, похоже, это заявление не слишком взволновало.

- Все. Вот, можешь пересчитать. Тут все до копейки, что я брал с твоего счета.

Троянов положил на стол дипломат, который держал в руках.

- Наличкой?! Ты обалдел?

Глеб Васильевич открыл дипломат, посмотрел на деньги, но пересчитывать ничего не

стал.

- Там еще сверху пятьсот. За моральный ущерб.

- Сверху не надо, забери.

- Надо. Я понимаю, как тебя подвел с юбилеем. И, я слышал, ты нездоров, не работаешь?

- Не работаю, но мое здоровье тут совершенно не при чем.

- Не зовут? Из-за тех публикаций, что ли? Глеб, если хочешь, можно все исправить. Я организую тебе хорошие съемки, дадим опровержение, забабахаем тур.

Глеб покачал головой.

- Не хочу.

- Я понимаю, ты мне больше не веришь. Ты сам будешь разбираться с деньгами. Я просто организую. Без оплаты моих услуг, по дружбе.

- Нет. Дело не в тебе. Я ушел со сцены. Бери себе молодую старлетку и «бабахай» с ней сколько хочешь. Я все, на пенсии.

- Ты с ума сошел?! Глеб, ты еще лет десять мог работать!

- Мог, — кивнул Глеб. — А хочу пожить спокойно. Хотя бы лет десять. Слав, ты все сказал, что хотел? Не объяснишь, что вообще произошло?

Троянов замаялся. Объяснять, видимо, не очень хотелось.

- Да ситуация одна неприятная была. Снежану помнишь?

- Помню. Принцесса Снежная, — улыбнулся Глеб. — Дочка нашего якутского друга Андрея.

- Угу. В общем, она в певицы собралась. Андрей со мной связался, хотел, чтобы я ее раскручивал. Денег — сколько хочешь, сам понимаешь.

- Ну да, Андрей же брюликами занимается. В общем, начал я ее крутить. Там эфир, тут клип на ротацию. Тебе не говорил, ты же у нас ревнивый. Ну а потом так получилось, что мы со Снежаной...

Глеб со стоном провел рукой по лицу.

- Слава, ты идиот! Полная Москва баб, тебе нужна была дочка олигарха? Ты ей в дедушки годишься!

- На себя посмотри, — огрызнулся Троянов, но как-то беззлобно. — В общем, папаше доложили, он такое устроил! Потребовал вернуть все деньги, которые уже потратили на раскрутку, забрал дочку назад в Якутию, а меня поставил на счетчик. Там такие люди, Глеб, с ними не шутят, понимаешь?

- Я как раз понимаю!

- И я взял деньги с твоего счета.

- И слинял...

- У меня вариантов не было!

- Ты мог со мной поговорить? Объяснить?

- И ты бы мне помог? Брось, Глеб, ты бы меня уволил в тот же день.

Глеб промолчал.

- Ну а теперь что? Откуда деньги?

- Все оттуда же, из Якутии, — улыбнулся Троянов. — Помирились мы с папаней, он мне теперь тесть. Будущий.

У Глеба вилка выпала из руки. Никита на своем месте тоже подавился сигаретой.

- Снежана оказалась беременна. И что папе делать? Позор на всю Якутию. И она в слезах-соплях, мол, люблю не могу. Нашли меня сваты, позвали жениться. А почему нет? Девка красивая, ребенок, опять же.

- А возраст тебя не смущает? — вкрадчиво поинтересовался Глеб.

- Главное, чтобы ее не смущал!

- Дураки. Оба! А Андрей вообще идиот.

- Завидуй молча! В общем, долг я отдал. А ты заведи заявление, пожалуйста. Мне сейчас только уголовки и не хватает.

- Какое заявление?

- На меня, о хищении средств. Глеб, я серьезно. Мне лишние проблемы не нужны.

Никита присвистнул. Никак дядюшка постарался. Теперь понятно, каким боком он в этой истории.

- Твои следоки как цепные псы накинулись. Кого ты там подключил? Всех генералов

МВД или половину? Тесть меня, конечно, откажет, но нафиг нам это все? Давай замнем.

- Давай, — медленно произнес Глеб, соображая, что теперь делать.

Прощались они с Трояновым почти тепло.

- Я тебя приглашу на свадьбу, — пообещал он на прощание.

- В Якутию? Благодарю покорно! Я тебя заранее поздравляю.

- Если надумаешь вернуться на сцену, звони!

- Это вряд ли. Счастливо, Слава.

Закрыв за бывшим директором дверь, Глеб подошел к столу, еще раз открыл дипломат, посмотрел на деньги.

- И что со всем этим делать?

- Отдавать долги, а остаток класть под проценты, я так думаю.

Никита встал у него за спиной, пристроив подбородок на плече и созерцая кучу денег.

- Отдавать некому, Ромка отказался брать. С Азадом Кароль разобрался.

- Значит все на счет. Лучше на три, разных, с разными ставками. Один с капитализацией вклада, второй валютный, третий...

- Ты мой специалист, — Глеб развернулся и легонько его поцеловал. — Вот ты и будешь этим заниматься. Не забудь немного оставить на поездку к морю. Ты, помнится, обещал вывезти дедушку косточки погреть.

- Счас как дам больно! Дедушка! Постельный террорист! Ну-ка вытащи оттуда руку! Хотя нет, не вытаскивай...

@@@

- Родной, у тебя, кажется, сайт грохнулся, — сообщил Никита, оторвавшись от монитора.

Они валялись на кровати, отдыхая после забега по магазинам, занявшего почти целый день. Таскать сумки с продуктами пришлось, конечно, Никите, зато Глеб самолично готовил обед — жарил отбивные и строгал салат. Получилось вкусно, а то, что кухню теперь еще три дня отмывать — такие мелочи! И теперь Глеб вползглаза смотрел футбол, а Никита полез в Интернет.

- Пишет, что закончился срок аренды хостинга.

- Чего? – Глеб оторвался от телевизора. – Говори по-русски, пожалуйста.

- За сайт ты вовремя не заплатил и теперь он недоступен.

- Ну и черт бы с ним, — пожал плечами Глеб и перевернулся на другой бок. – Мне он не нужен.

- А зачем тогда делал?

- Все делали, и я делал. Положено, чтобы у артиста сайт был. Через него приглашения приходили выступить.

- Вот по нему и видно было, что делали для галочки. Точно не для людей.

- Никит, я ничего в этом не понимаю, мне это совершенно не интересно. Дай футбол досмотреть.

- Ты замучил уже со своим футболом! – Никита отложил ноутбук и устроился на Глебе, закрыв ему телевизор. – Сайт – это твое творческое наследие в удобном и современном формате! Там можно разместить все твои песни, клипы, фотографии, статьи.

- А можно без пафоса? Наследие! Кому это нужно?

- Тем, кто любит твои песни!

- Видел я, что они любят...

- Глеб, ты не сравнивай публику на концерте и аудиторию сайта. На сайт могут приходиться люди со всех концов планеты! Те, кто не хочет или не может пойти на концерт, кто просто любит послушать твои песни, те, кто живет в городах, куда ты никогда не приезжал.

- Таких нет, — хмыкнул Глеб. – Никит, мы же вроде закончили эту историю? Теперь уж точно сайт не нужен.

- Теперь как раз и нужен! Знаешь, сколько сайтов артистов, которые давно закончили карьеру? И даже тех, кто уже умер? И на них куча посетителей. Вот ты недавно в кабинете прибирался, там куча дисков, афиш, газетных вырезок. Для тебя это хлам, который некуда пристроить, а поклонники за него душу продать готовы. Давай сделаем нормальный сайт, а?

- Ты сделаешь? Ты умеешь?

- Немного. Разберемся. Главное – желание. Ты мне pomoжешь материалы подобрать, разместить все правильно. Если честно, я в твоём творчестве не очень большой специалист.

- А я специалист! У меня вообще склероз, я иногда слышу песню и поверить не могу,

что это я ее пел. Ты вон Громову в консультанты возьми, она тебе к каждой фотографии дату назовет и расскажет, где она была сделана и почему. Вы же общаетесь?

Никита прищурился. Давно он подозревал, что Глеб пользуется компьютером лучше, чем хочет это показать.

- Значит, ты даешь добро на сайт?

- Да делайте что хотите, меня только не трогайте!

Но не трогать не получилось. Как Никита и рассчитывал, Глеб сам включился в процесс. Несколько дней просто норовил пройти мимо засевающего за компьютер Ника, заглядывая через плечо. Потом начал давать советы по дизайну, как всегда бесценные из серии: «Хочу вот так, не знаю, как, но чтоб красиво было». А когда дело дошло до наполнения, уже сидел с Никитой не отрываясь. Слушал свои старые записи, рассказывал, зачем и как записывалась та или иная песня, отбирал статьи. Вопреки заверениям про склероз, помнил он очень много и порой выдавал «эксклюзивный контент», как называла его рассказы Ульяна. С Громовой Никита активно переписывался, у нее тоже оказалось немало материала, что-то для сайта брали из ее группы. Правда, поняв, что по ту сторону монитора может сидеть не только Ник, но и САМ, она стала еще сдержаннее, и порой ее сообщения больше походили на сводки информбюро. В конце концов Никиту это достало.

- Вот объясни мне, Глеб, почему твои поклонники такие примороженные? – кипятился он. – Я с ней нормально разговариваю, а она как будто доклад на конференции читает.

- Потому что я всегда держал их в строгих рамках. Какой артист – такие и поклонники, меня это устраивало.

Глеб начал раздражаться, в голосе зазвучали привычные категоричные нотки, и Никита поспешил перевести разговор на другую тему. Но через несколько дней заметил, что Глеб сам переписывался с Ульяной с его аккаунта. Под видом «Никиты» обсуждал с ней какую-то песню, которую записал лет пять назад на свои стихи, и которая показалась ему недооцененной публикой. Дискуссия развернулась на три листа, с использованием музыкальной терминологии, и Никита ничего из нее не понял. С того случая Глеб несколько дней ходил задумчивый-задумчивый, а потом вдруг сообщил:

- У нас завтра гости.

Никита даже не удивился. В последнее время Таша у них только что не поселилась, и Ромка навещался довольно часто. Глебу явно не хватало общения, и каждой такой встрече он был искренне рад.

- Я Ульяну пригласил, — хитро улыбаясь, сообщил он. – Чаю попить. С твоего аккаунта, но от своего имени. Если ты не против.

Никита минуту молча осмысливал услышанное.

- Ты меня, помнится, ругал, что я в Израиле не захотел с ними чай пить. Ну вот, исправлюсь.

- И она согласилась?

- Ну примерно с таким же торможением, как у тебя сейчас. Надеюсь, ты не ошибся насчет ее ориентации, и я не пожалею о своем решении.

Никита фыркнул. Как реагировать он не знал. Что это со стороны Глеба? Желание заглушить одиночество, получить хоть какое-то внимание со стороны тех, кому он все еще интересен? Или искреннее желание что-то переосмыслить, исправить?

Встреча получилась... забавной. В доме Немова Ульяна, казалось, даже дышать боялась. Глеб ее опасался, смотрел на девушку с подозрением, будто она в любой момент кинется его насиловать. Чаем давились оба. Глеб сел за противоположный конец стола, и под пристальным взглядом Ульяны ему кусок в горло не лез. Но когда Никита принес за стол ноутбук и речь зашла о сайте, все тут же оживилось. Оказалось, что недавно Ульяна откопала в Интернете с десятков песен, в исполнителе которых сомневалась. Пользуясь случаем, она решила показать их Глебу.

- Вот здесь вроде бы написано, что поете вы, но мне кажется, это не вы. А вот эта явно ваша, но исполнителем Кароль значится. Послушайте!

Глеба увлекла эта игра. Он с энтузиазмом слушал и комментировал:

- Ну где же это я? Слышишь звон на соль минор? Так только у Кароля в юности звенело. А вот это стаккато в припеве было только в моей аранжировке.

- Но, подождите, а кто же тогда первый исполнитель? Здесь же год семьдесят пятый. А Кароль ее только в восьмидесятом записал.

- Я первый исполнитель! Врет он все!

Они уже забыли о смущении, сидели рядом за ноутбуком, спорили, костерили Кароля и разбирали песни. Никита заварил свежего чаю. Похоже, он-таки нашел для любимого новую игрушку в виде сайта и заодно собеседника на профессиональные темы.

Провожал Никита Ульяну, когда уже стемнело. У ворот остановились покурить.

- Спасибо тебе, — девушка смотрела на него благодарно и, что удивительно, взгляд побитой собаки исчез.

- За встречу? Не поверишь, но это не я. Он сам залез и написал с моего аккаунта. Кажется, он наконец-то понял, что поклонники тоже люди, и с ними можно общаться.

- Нет, — Ульяна покачала головой. — За него. Он живой стал. Мы его таким не видели

уже лет пять. Ты ведь его уговорил со сцены уйти?

- Не совсем. Но поспособствовал.

- И за это спасибо.

- Не понял. Разве поклонники не хотят постоянно видеть артиста на сцене?

Ульяна пожала плечами.

- Не знаю, чего хотят поклонники. Я хочу, чтобы он был здоров и счастлив. Не на экране. На самом деле.

- Знаешь, он удивлен, что вы вообще остались. Что группа функционирует, что на новый сайт народ стекается. Думал, его сразу забудут.

- Кто-то забудет, кто-то уйдет из группы, конечно. Кто-то начал уходить уже после того, как появились те публикации. Мне кажется, аудитория поменяется. На сайт и в группу придут те, кто ностальгирует по времени, которое олицетворял Немов, по тем песням. А поклонников именно артиста, личности – их не так уж много.

- И тем более мало тех, кто любит человека Немова, верно? — Никита облокотился на ворота и пристально посмотрел на девушку. — Зачем тебе это все?

Ульяна достала новую сигарету из пачки.

- Не знаю. Он – как наркотик, понимаешь? Он – это мое детство, все то светлое, что в нем было. Концерты, телепередачи, редкие встречи. Интервью, по которым я составляла свою систему ценностей. Он был не просто любимым артистом, он был ориентиром – как правильно, как неправильно.

- Но ты же понимаешь, что на самом деле Глеб не лучший пример для подражания. И многие его интервью, мягко говоря, не соответствуют действительности.

- Сейчас понимаю. В какой-то момент идеал рухнул, и мне пришлось научиться воспринимать его таким, какой есть.

- Это сложно.

- А никто не обещал, что будет просто. Пока я повзрослела и поумнела, он начал стареть. И это ужасно, видеть, как твой самый лучший, самый талантливый, вечно молодой «папа Глеб» день за днем сдает позиции. Публично, у всех на виду. Становится поводом для шуток, насмешек. Верись, мне после каждого его концерта сдохнуть хочется – я же с ним каждую ноту тяну, мне кажется, что это у меня спина болит или дыхания не хватает.

Никита кивнул. Она снова точно описала его ощущения от концертов Глеба.

- Но чего я точно не ожидала, что когда-нибудь попаду в этот дом. И что здесь будет так тепло. И он – улыбающийся, счастливый. Это самое главное теперь.

И Никита не мог с ней не согласиться.

===== Эпилог =====

Сайт всерьез увлек Глеба, но этого было недостаточно. Глебу не хватало внимания. Не со стороны Никиты, конечно, мальчишка изо всех сил старался скрасить его жизнь. Глебу не хватало внимания, восхищения других людей. Слишком сузился его круг общения, слишком редко звонил телефон. Как и следовало ожидать, коллеги резко про него забыли. Глеб пытался отвлекать себя от мрачных мыслей, постоянно придумывая себе занятия: книги, гимнастика, лепка, домашние заботы. И все равно остро чувствовал свою невостребованность. Вот и сегодня взялся разбирать шкаф, распахнул створки, уставился на целую вереницу смокингов и концертных костюмов. И куда это все теперь надевать? По поселку с собакой гулять? Или в магазин за продуктами?

Однако приличный пиджак и брюки вместо ставших уже привычными джинсов потребовались в тот же день – позвонил его давнишний приятель Степанов, завкафедрой музыкальной академии, которую когда-то Глеб заканчивал.

- Ты, говорят, на пенсию ушел? – Степанов говорил как всегда жизнерадостно. – Что, надоел весь ваш балаган?

- Можно и так сказать, — вдаваться в подробности Глебу не хотелось.

- Ну так я звоню напомнить, что мое предложение все еще в силе. Кафедра эстрадного пения тебя ждет.

О том, что Степанов звал его преподавать, Глеб давно и успешно забыл. Это было лет пять или семь назад, когда он активно гастролировал, его разрывали на части заказчики корпоративов, эфиры шли чередой и вообще в плане работы было все прекрасно. Тогда Глеб искренне не мог понять, почему должен тратить время и силы на юные дарования, которые его совершенно не интересуют. Теперь же взглянул на ситуацию с другой стороны. Ученики – это внимание и уважение, которых ему так не хватало, повод выбираться в Москву, а самое главное – возможность заниматься музыкой, передать опыт, которого накопилось в избытке. Но кое-что его по-прежнему смущало.

- Теперь-то у тебя достаточно времени, — продолжал Степанов.

- Времени достаточно. Ты мне скажи, голоса-то есть? Если там опять чьи-нибудь жены, дети, любовницы с диапазоном пол-октавы, это не ко мне!

- Обижаешь, Глеб, таких я тебе даже не предложу. Приезжай, сам посмотришь, послушаешь.

- Прямо так на выбор? Посреди года?

- У нас нехватка преподавателей жуткая. А к тебе, я уверен, еще с других групп побегут. Ты же не теоретик от музыки, а практик, живая легенда. Они на тебя молиться будут. Приезжай, Глеб.

И Глеб поехал. Никита, как и следовало ожидать, идею поддержал, только попросил себя не перегружать.

- Знаю я тебя, сейчас найдешь себе новую каторгу, и будешь пропадать там с утра до ночи.

- Это вряд ли. У них столько студентов с голосами не наберется.

Однако Глеб ошибся, одаренных студентов нашлось немало. И девочки, и мальчики, лет по двадцать с небольшим. Все с голосами. Смотрят на него как на бога, ловят каждое слово, прислушиваются к каждому замечанию.

- Что ты согнулась? – кипятился он, слушая очередную претендентку. – Ты на что звук опираешь? Прямо встань. Вот так. Здесь не дотянула. Еще раз.

- Прикрывать звук надо! – ругался он на следующего ученика. – У вас, теноров, в голове не мозги, а один резонатор. Ты думаешь, сила голоса и мощность легких – это самое главное? Кто громче поет, тот и лучше?

Парень молчал. Похоже, он именно так и считал.

- А что ты будешь делать, когда этой мощи уже не будет? Не хлопай на меня глазами, поверь, это время наступит гораздо раньше, чем ты думаешь. И потом, неприкрытый звук – это неприятно для слушателей, просто некрасиво! Дай сюда ноты. Слушай и повторяй.

Глеб на отборочном занятии мог вообще ничего не делать, только слушать и выбирать. Но вместо этого он и ошибки исправлял, и пел, и показывал, как дышать, как опирать звук, даже как улыбаться и кланяться – по его мнению, молодежь и этого не умела.

В итоге взял троих. Девочку-народницу, желающую перейти на эстрадное пение, того самого парня, которого отчитал за открытый звук, и еще одного юношу, выступление которого, единственное, он не прервал.

- Ты знаешь, мне казалось, это я сам, лет так сорок назад, — рассказывал он Никите в машине по дороге домой. – Вышел такой скромный, в пиджачке явно с чужого плеча. Волосы на пробор уложены, глазки в пол. А голосище! Баритон, кстати, только высокий. Впрочем, у меня тоже раньше голос выше был. Обращаться он с ним, конечно, не умеет, всех возможностей своих не знает. Но я его научу. Репертуар выбрал – закачаешься! Сначала «Севастопольский вальс», а потом «Нивы России», я так смеялся. Вы, говорю, только мои песни знаете? Он смутился: «Нет, просто хотел вам приятное сделать». И еще пять песен выдал, разных исполнителей, но все – семидесятых. Так я и не смог от него ничего современного добиться.

- Ну, будет ретро-исполнитель, тоже надо, — заметил Никита.

- Ой, не знаю, ретро – не ретро, но певец из него точно получится. Уж я постараюсь. Найду ему нормальные песни, у меня этого барахла осталось неиспользованного! Сделаем пару записей.

Глеб рассуждал, строил планы, размахивая руками, и не сразу заметил, что Никита улыбается.

- И чего ты улыбу давишь?

- Ничего. Люблю я тебя.

- Останови машину!

Никита оторопел от столь неожиданного ответа, но машину у обочины припарковал.

- Ты чего? Что случилось?

Глеб повернулся к нему, взял Ника за подбородок, заглянул в серые внимательные глаза:

- Спасибо тебе, мой хороший.

- За что?!

- За вот это все. За возможность чувствовать себя живым.

Глеб зарылся пальцами в жесткие волосы, притянул Ника к себе, чувствуя под рукой каменные мускулы, наслаждаясь теплом любимого тела, купаясь в той энергетике, которую дарил ему мальчишка. В своей жизни «Люблю» он говорил слишком часто и слишком легкомысленно. Возможно поэтому в адрес Никиты это слово произнести было так тяжело. Но то, что вся его жизнь – это Ник, он знал совершенно отчетливо. И сейчас мысленно клялся себе возвращать мальчишке хотя бы часть того счастья, которое он от него получал. Насколько хватит сил. Времени осталось не так уж и много. Тем важнее распорядиться им бережно, разделив на двоих.